

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2019. Т. 14

№4 (194)

IZVESTIA

Ural Federal University

Journal

Series 3

Social and Political Sciences

2019. T. 14

№ 4 (194)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, первый проректор УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Уральского
гуманитарного института УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
-
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Н. Л. Антонова,
докт. социол. наук, проф.

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

Я. В. Дидковская,
докт. социол. наук, доц.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Старшинова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук, доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

- Меренков А. В.* Культура сотрудничества: теоретико-методологический анализ 5
- Иванченко М. А.* Постгуманизм как антигуманизм: основные перспективы..... 16
- Кривоносова Д. Ю., Султанов Д. М., Черепанова Е. С.* Формирование гражданских ценностей: теоретические истоки и современные образовательные практики в России и Германии 25
- Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э.* Федеральные университеты как центры инновационного развития регионов: реализация «третьей миссии» 35
- Голубкова Е. А.* Нестандартные коммуникации в оценках профессионального рекламного сообщества Екатеринбургa 46
- Туркина Н. А.* Влияние гендерных стереотипов на восприятие насилия в семье: региональный аспект 57
- Курникова М. В.* Влияние физической активности ребенка-инвалида на социальное самочувствие его семьи с позиции социологической теории Пьера Бурдьe 63

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Логинов А. В., Устинова М. А.* Как измерять ценности? Опыт реконструкции актуальной структуры политического сознания 71
- Якимов А. Е., Худорожков К. П.* Аксиологические основания гражданственности в политических теориях: либерализм и коммунитаризм 86

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Михайленко В. И., Сухроб Р.* Роль Европейского союза в конструировании Центрально-Азиатского региона..... 100
- Коломейцева Н. А.* Актуальные проблемы приграничного сотрудничества субъектов РФ (на примере юга Дальнего Востока)..... 114

- Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В., Буринов А. С.* Международная политика защиты и использования мирового биологического разнообразия: цели, этапы развития, проблемы реализации..... 119

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Комлева Н. А.* Империя на пике развития: специфика взаимосвязи основных направлений экспансии 134
- Валиахметова Г. Н., Пелевина Е. С.* Обеспечение региональной безопасности в Персидском заливе: взгляд из Токио..... 141
- Мухаматов Р. С.* Культурная дипломатия КНР: институты, инструменты и проблемы..... 150
- Кучумова Д. А., Муратишина К. Г.* О некоторых тенденциях в оценке китайскими политологами взаимоотношений РФ и КНР..... 158
- Корниенко О. Ю.* Эволюция национальной идентичности в контексте глобализации 175

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- Сысолятин Ант. А., Сысолятин Ал. А.* Единство человеческой жизни как ценностный конфликт: философская проблематизация понятия «образ жизни» 188

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Мухутдинов О. М.* Время и «Я мыслю». Понятие трансцендентальной субъективности в критике чистого и практического разума Канта 198
- Емельянов Б. В.* В. В. Розанов: философ или мыслитель?..... 207

АФОРИЗМЫ УЧЕНЫХ

- Мальшев М. А.* Время и проходит, и непрерывно длится. Избранные афоризмы 212
- Авторы номера 220
- Summa 223

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 008 + 303.035.2 + 304.2

А. В. Меренков

КУЛЬТУРА СОТРУДНИЧЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются основные методологические подходы к анализу сущности и содержания культуры сотрудничества. Доказывается, что она характеризуется особыми нормами, правилами, реализация которых позволяет получить максимальную выгоду от объединения индивидов, малых и больших общностей. Исходным методологическим принципом социологического анализа культуры сотрудничества является рассмотрение ее генеза. Выявляются основные факторы становления этой культуры на начальных этапах формирования человечества. Показано, что человек на базе инстинктов, побуждающих к проявлению заботы о нуждающихся в помощи, поддержке, создал богатую по содержанию систему знаний, норм, правил, технологий организации коллективного труда, составляющих содержание культуры сотрудничества. Важнейшей ее характеристикой является наличие общей трудовой деятельности социальных субъектов. Появляется чувство долга и ответственности за качество выполняемой работы. Отмечается, что неравенство в распределении прибавочного продукта привело к многовековому противоборству двух культур — сотрудничества и эгоизма. Выделены изменения, происходящие в развитии культуры сотрудничества в настоящее время.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культура, культура сотрудничества, моральные нормы, культура эгоизма, методология анализа культуры сотрудничества.

Понятие «культура» является одним из самых изученных разными науками, поскольку им обозначается уникальная способность человека познавать и преобразовывать окружающий мир. Многообразие этой деятельности ведет к выделению разных видов культуры — материальной и духовной, эстетической, нравственной, политической, правовой, производства, быта, досуга, управления, мышления, проявления чувств и т. п. [6, 63]. Чаще всего основанием, по которым они различаются, является объект целенаправленного воздействия человека: природа, техника, конкретные формы отношений между людьми, регулируемые определенными нормами и правилами. Реже выделяется направленность культуры, цели, которые преследуют социальные общности, создавая мир материальных

и духовных ценностей. Качественные различия между ними обнаруживаются тогда, когда они используются для реализации эгоистических интересов либо отдельных индивидов, социальных групп, либо общностей, стремящихся к сохранению и развитию всех членов ассоциации.

Однако специальных работ, направленных на анализ содержания, особенностей культуры в зависимости от того, чьи интересы она выражает, сравнительно немного. Это вызвано в первую очередь тем, что данным понятием традиционно обозначают то положительное, что создается творческой деятельностью людей для борьбы с природными стихиями, улучшения условий труда, быта, психологического климата в семье, на производстве, в стране. При анализе содержания культуры описываются предъявляемые к индивидам моральные, эстетические, правовые нормы, реализация которых обеспечивает устойчивость социума, возможность мирного сосуществования разных социальных групп. Негативные явления трактуются как противоречащие культуре формы поведения, вызванные недостатками в воспитании, образовании отдельных личностей [4].

Ряд исследователей считают, что отрицание социальными субъектами отдельных норм и правил, установленных культурой, имеет более глубокие причины. Они заключаются в существенном различии таких видов культуры, как индивидуалистическая и коллективистская. Они стали возникать еще на ранних ступенях возникновения человечества. «В коллективистских культурах главное — это гармония, взаимозависимость, согласие; поведение формируется нуждами группы, тогда как в культурах индивидуализма доминирует установка на автономию, личные достижения, уникальность и единственность, защиту прав и нужд индивида» [12, 247].

Эти различия возникли в результате того, что люди в определенной местности обеспечивали себе пищу, материальный достаток, занимаясь разным трудом. Так, охотникам, скотоводам нужно надеяться только на себя при встрече с хищниками, добыче пропитания, развивая свои индивидуальные способности, проявляя волю, терпение при столкновении с трудностями. Те, кто занимался трудом, связанным с выращиванием сельскохозяйственной продукции, объединяя усилия десятков и сотен людей, должны были учитывать их возможности, степень готовности к совместной работе, согласовывать свои потребности с интересами окружающих. Исследования социальных антропологов показали, что наиболее полно коллективистская культура проявляется у народов, занимающихся веками выращиванием риса. Индивидуальными усилиями обеспечить необходимое для его производства орошение больших участков земли невозможно [13].

Доказано, что носители двух этих культур по-разному воспринимают и оценивают людей, себя в отношениях с ними, отличаются в способах реализации моральных норм [10]. Мозг индивидуалистов лучше вспоминает события, когда они оказывали влияние на других, а у коллективистов — когда на них влияли другие люди [12, 248].

Однако термины «индивидуалистическая» и «коллективистская» культуры не в полной мере раскрывают содержание более глубоких различий между теми, кто разделяет их ценности. Во-первых, ориентация на личный успех,

самостоятельность может проявляться у тех, кто стремится утвердить себя в качестве высококвалифицированного специалиста, придерживаясь ценностей коллективизма. Это было доказано в период проведения эксперимента по строительству нового общества в СССР. Социалистическое соревнование ставило цель выявить способности каждого работника для того, чтобы поднять общую производительность труда на малых и больших предприятиях. Во-вторых, индивидуализм проявляется не только на уровне отдельных личностей. История показывает, что во все времена были народы, страны, которые стремились подчинить себе других, заявляя о своей избранности. Их представители заявляли, что на них не распространяются нормы общечеловеческой морали, милосердия, ценности человеческой жизни. Претендующие в наше время на создание однополярного мира всеми экономическими, политическими, военными средствами пытаются подчинить своей воле народы других государств, реализуя эгоистические интересы. В связи с этим требуется более четкое выделение основных факторов, которые определяют качественные различия между индивидуалистической и коллективистской культурой.

При характеристике коллективной деятельности ряд исследователей используют термин «солидарность» [5, 7, 9]. Это понятие является центральным у Э. Дюркгейма при анализе разделения общественного труда. Он выделяет механическую солидарность, основанную на коллективном сознании, и органическую, вызванную разделением труда. Механическая солидарность возникает тогда, когда «известное число состояний сознания является общим для всех членов одного и того же общества» [2, 101]. Люди, ощущая принадлежность к большой группе соотечественников, воспринимают себя как единое целое в конкретном социальном пространстве и в историческом времени. «Солидарность между другим и нами может иметь место только в том случае, если образ другого сливается с нашим» [Там же, 63]. Возникает чувственно-эмоциональное переживание целостности общности, побуждающее поддерживать друг друга в сложных жизненных ситуациях. Важным условием его появления является понимание и принятие общих целей и ценностей группы. На этой основе формируется совместная деятельность, которая позволяет сохранить возможность реализации индивидуальности только при возникновении разделения труда, создающего органическую солидарность [Там же, 127]. При этом Э. Дюркгейм противопоставляет солидарность и эгоизм. «Чувства, влекущие их (людей) друг к другу, вполне естественно усмиряют порывы эгоизма...» [Там же, 118].

С одной стороны, термин «солидарность» в такой трактовке позволяет определить специфику взаимоотношений индивидов внутри объединения. С другой стороны, им не обозначается смысл создания разных по степени единства союзов. Они могут эффективно функционировать, когда не только на уровне чувств, но и на уровне практической деятельности индивиды обеспечивают сохранение и развитие общности, частью которой они являются. При этом согласование действий, а не только переживаний требует обязательного ограничения эгоистических инстинктов. Человек может скрывать реальное содержание своих эмоций и чувств, и только его поступки, направленные на реализацию интересов

общности, указывают на принятие, может быть и вынужденное, норм культуры, обеспечивающей приоритет коллективных интересов.

Их более полное осуществление определяется особой формой объединения, которое обозначается понятием «сотрудничество». Этот термин обычно применяется в узком смысле, когда идет речь о взаимодействии между странами, регионами для создания совместных предприятий, обмена научными достижениями, образовательными программами, ознакомления с произведениями национального изобразительного искусства на выставках, музыкальных фестивалях и т. п. К тому же считается, что вся сложившаяся в процессе исторического развития культура построена на *совместной* деятельности людей и особо это свойство выделять не требуется. Однако понятие «сотрудничество» указывает на создание культуры, имеющей определенные нормы, правила, реализация которых позволяет получить максимальную выгоду от объединения индивидов, малых и больших общностей.

Возникает необходимость выявления содержания знаний, ценностей, практик, определяющих специфику культуры сотрудничества. Исходным методологическим принципом социологического анализа является рассмотрение ее генеза. Выявляются основные факторы становления этой культуры на начальных этапах формирования человечества, сохранения при взаимодействии с противоположной ей культурой эгоизма, развития в наше время. Исследования социобиологов показали, что определенные формы сотрудничества особей существуют у животных. До появления потомства ведущими инстинктами у них являются эгоистические, обеспечивающие борьбу за выживание при столкновении с хищниками, добычу пищи, реализацию потребности в продолжении рода. После появления потомства основным инстинктом становится забота о детенышах. Самец ищет пищу в первую очередь для них, а потом для себя, самка готова жертвовать собой при появлении опасности для новорожденных. Есть примеры поведения, когда обезьяны отказываются от преимуществ, если их не получают другие члены группы. Происходит подавление эгоистических побуждений и включаются программы сохранения единства семейства, связей с сородичами [14, 330]. «Всеобщий интерес к распределению пищи, добытой стаей, помогает, по мнению одного из известных исследователей поведения приматов, Ф. де. Вааля, согласовывать вознаграждение с затраченными усилиями, что принципиально важно для долговременного сотрудничества» [Там же, 332]. Исследователь после многолетних наблюдений за поведением приматов пришел к выводу, что честность и справедливость, являющиеся атрибутами совместной деятельности, следует рассматривать как древние свойства, берущие начало в необходимости сохранить мир и гармонию перед лицом конкуренции за ресурсы [Там же, 331].

В процессе выделения человека из природы действие инстинктов, побуждающих к объединению членов группы, существенно усилилось необходимостью создания общих орудий труда, их совместного использования. Все физически способные к работе члены семьи, рода, племени должны были участвовать в коллективной деятельности, реализуя групповые, а не эгоистические цели. Возникает система знаний, овладение которыми позволяет включиться в совместный труд; создаются единые правила пользования орудиями труда, нормы, определяющие

взаимодействие с членами группы при выполнении конкретных обязанностей. Происходит становление культуры сотрудничества как особой, качественно отличающейся от природной, системы регулирования коллективных действий социальных субъектов.

Для определения их целей, координации усилий, необходимых для получения желаемого результата, контроля работы каждого члена группы, требуется выделение субъектов, занимающихся управленческой деятельностью. Представляя собой особую форму умственной работы, она является обязательным элементом сотрудничества, обеспечивая эффективность коллективных усилий. Культура сотрудничества создает возможности для реализации способностей каждого работника как в организаторской, так и в исполнительской деятельности в интересах общности.

Различия в знаниях, умениях, склонностях к занятиям разными видами труда ведет к тому, что вклад каждого участника в получение общего результата оказывается разным. Равенство выражается в том, что *все*, используя имеющиеся у них возможности, участвуют в совместной работе. Не допускаются отказ от нее, низкое качество выполнения обязанностей, так как это ведет к дополнительным усилиям группы по исправлению ошибок отдельных работников.

Культура сотрудничества на ранних этапах ее становления характеризуется тем, что неравенство в труде, вызванное естественными различиями, не ведет к неравенству в потреблении того, что произведено общими усилиями. Прежде всего удовлетворяются базовые потребности каждого участника объединения. Дополнительные доходы используются для приобретения членами группы новых знаний, умений, позволяющих повысить эффективность совместной работы. Возникает особое неравенство, вызванное тем, что отдельным субъектам может потребоваться больше материальных средств для активного саморазвития. Более полная самореализация повысившего свою квалификацию работника при осуществлении коллективных действий определяет справедливость такого распределения результатов общего дела.

Человек на базе инстинктов, побуждающих к проявлению заботы о нуждающихся в помощи, поддержке, создал богатую по содержанию систему знаний, норм, правил, технологий организации коллективного труда, составляющих содержание *культуры сотрудничества*. Важнейшей ее характеристикой является наличие *общей трудовой деятельности* социальных субъектов. Недостаточно иметь установки на заботу о других, помощь, поддержку. Требуется реальное включение индивидов, малых и больших общностей в общую по целям умственную, физическую, организационную и иную созидательную деятельность. Только в этом случае возникает необходимость согласования способов достижения общего результата, подчинение частного интереса групповому. Появляется чувство долга и ответственности за качество выполняемой работы. Как только прекращается совместная деятельность, так возникает вероятность возрождения эгоистических по направленности интересов. «Мы стремимся завоевать репутацию честностью и надежностью и не одобряем обманщиков и эгоистов вплоть до остракизма. Наша цель — поддержать порядок, так, чтобы каждый ставил общественные интересы

выше личных. Мораль помогает шире распространить преимущества групповой жизни и сдерживать эксплуатацию со стороны могущественной элиты» [14, 333].

Действуют два фактора, побуждающих выполнять требования совместной работы, подавляя личный эгоизм. Первый вызван самой технологией производства продуктов, которые не могут быть созданы в одиночку. Необходимо учитывать возможности, способности тех, с кем осуществляется координация усилий. Второй фактор определяется стремлением сохранить рабочее место, подчиняясь требованиям руководителей, распоряжающихся необходимыми для реализации общих целей ресурсами. Следует учитывать, что труд не на себя, а на других субъектов нередко носит вынужденный характер. В нем противоречиво сочетается эгоизм с установкой на согласование осуществляемых действий. С одной стороны, индивид стремится к получению личной выгоды от коллективной работы. С другой стороны, он должен подчиняться общим требованиям к процессу ее осуществления, считаясь с мнением других, используя свои знания и умения для достижения групповых целей. Если преобладают индивидуалистические установки, то моральные, правовые нормы, утверждающие ценность общественных интересов, либо нарушаются, либо выполняются частично. Та или иная степень эгоизма препятствует им стать внутренней необходимостью, которой руководствуется социальный субъект.

Следующим методологическим принципом анализа культуры сотрудничества является рассмотрение особенностей и противоречий ее формирования в онтогенезе. На начальных этапах исторического развития, когда человек мог создавать только необходимые для его элементарного выживания продукты, все члены семьи, рода должны были включаться в общую работу с раннего детства. Ребенок в 2–3 года приучался к домашним занятиям, подчиняясь требованиям старших, приобретая умение соотносить свои потребности с интересами окружающих. В раннем возрасте господствует детский эгоизм, нередко ведущий к попыткам получить желаемое без какого-либо труда, навязывая свою волю другим людям. Ориентации на включение в общий со взрослыми труд утверждаются в сознании ребенка в результате приобретения устойчивых навыков самостоятельного подавления эгоизма при выполнении требований культуры сотрудничества. Если этого не происходит, то в прошлом, а также в наше время в ряде семей, применяются весьма жесткие методы наказания. Общество не ждет, когда включится заложенный природой инстинкт заботы о других людях. Он проявляется в явной форме у женщин по отношению к своим детям, когда они становятся матерями, а у мужчин при необходимости защиты потомства, обеспечения их существования.

Формируемая с детства культура сотрудничества существенно расширяет круг субъектов, которым в процессе совместного труда оказываются помощь, поддержка. В него входят люди, живущие на определенной территории, обозначаемые термином «земляки», представители своего этноса. Возникает особая форма проявления любви к ним — патриотизм. Он выражается в практических действиях, направленных на защиту страны при возникновении опасности, создание инноваций, повышающих эффективность экономической деятельности, ведущих в конечном счете к улучшению условий жизни своего народа. Такая

направленность культуры сотрудничества утверждалась на протяжении всей истории человечества при объединении семей в род, затем в племя и народность.

Развитие производства совместными усилиями больших групп людей, с одной стороны, позволило человеку создать такие условия жизни, которые обеспечили бы его выживание при борьбе со стихиями, с хищниками, заселение им всей планеты. С другой стороны, появился прибавочный продукт, таким образом была создана система разделения людей на тех, кто имеет доступ к его использованию в личных целях, и на других, его лишенных.

Эгоистический инстинкт, прежде подавляемый вынужденным включением в совместную деятельность, получил свободу реализации. Произошло то, что наблюдается у диких животных, которые попадают к людям, обеспечивающим их питание, безопасность. За короткое время все инстинкты самостоятельного выживания у них угасают. Не действует внешняя необходимость, обеспечивающая их устойчивое функционирование. Аналогичная ситуация происходит с человеком, который получает возможность жить за счет труда других людей. Ему не нужно владеть даже простейшими навыками самообслуживания, так как за него все делают слуги, рабы. От полной деградации физических и психических сил спасают развлечения, становящиеся заменой познавательной и созидательной деятельности [1].

Методология анализа культуры сотрудничества требует выделения той культуры, которая противоположна ей по ценностям и направленности действия. Система неравенства в распределении прибавочного продукта привела к противоборству двух культур — сотрудничества и эгоизма. Одна утверждает ценности общих интересов, совместных действий, обеспечивающих развитие материального и духовного производства, постоянное улучшение жизни больших групп населения. Другая создает новые по сравнению с природой способы реализации частных интересов.

Те, кто с помощью денег или используя силу освободились от необходимости совместного с другими людьми труда, для сохранения и укрепления своего социального положения применяют изощренные формы хитрости, лжи, лести, шантажа, психического и физического подавления субъектов, пытающихся соблюдать нормы чести, достоинства, справедливости. Индивиды, малые и большие общности, находящиеся в зависимом от них положении, вынуждены нередко ради выживания использовать «ложь во спасение», лезть начальству, заискивать перед ним, переживая зависть, смешанную с ненавистью. Это ведет к тому, что люди становятся не только менее добрыми, но и психически и физически нездоровыми [11]. У них наблюдается «раздвоение личности», когда в одном случае они пытаются проявлять заботу о людях, помогать нуждающимся, а в другом ведут себя крайне эгоистично.

В течение всей истории человечества происходит борьба сторонников культуры сотрудничества, опирающихся на нормы морали, права, религиозные предписания, с теми, кто добровольно или вынужденно реализует созданные культурой эгоизма методы удовлетворения частного интереса. Разделение на собственников средств производства и тех, кто продает свои знания, способности,

талант ради сохранения себя, своей семьи, ведет не только к воспроизводству, но и к совершенствованию форм проявления эгоизма как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне малых и больших общностей. Они используют свои знания, способности, новейшие технические средства для создания все более изощренных способов возвышения над другими людьми. Так, например, в наше время для борьбы с неудобными странами придуманы санкции, вводимые без каких-либо обоснований. С целью манипулирования сознанием и поведением больших масс людей активно используется фейковая информация. Ложь заменила правду, которая является одним из принципов, на которых строится культура сотрудничества.

Кроме новых экономических и политических факторов существенное воздействие на культуру сотрудничества оказывает современный научно-технический прогресс. Автоматизация производства, появление возможности заниматься производительным трудом вне прямого контакта с другими работниками ведут к тому, что существенно снижается влияние внешнего фактора, который прежде требовал объединения физических и умственных усилий индивидов. Во все времена приобщение к нормам и ценностям культуры сотрудничества начиналось в семье. Высокая рождаемость, господство физического труда, наличие особой хозяйственной деятельности побуждали вырабатывать у детей с 3–4 лет трудолюбие, честность, совесть, умение заботиться о других людях, подавляя эгоизм. В настоящее время автоматизированный быт позволяет освободить подрастающее поколение от совместного труда с родителями. Более того, необходимость в мужской силе для осуществления некоторых трудовых операций также исчезла. В благоустроенном жилище достаточно сил одного человека, по традиции женщины, чтобы приготовить пищу, поддерживать чистоту.

Возникает проблема поиска той совместной деятельности, которая может объединить взрослых и младшее поколение для обеспечения стабильности семьи. Она может быть связана с духовным трудом, направленным на общее для всех членов малой группы познание происходящих в современном мире преобразований, способов адаптации к ним как родителей, так и детей. Однако пока перестройка семьи на сотрудничество, направленное на более полное раскрытие задатков, способностей каждого ее представителя, не стала ведущим способом укрепления и развития этой малой группы. Дети в том возрасте, который наиболее благоприятен для подавления природного эгоизма, не приобретают необходимых навыков совместных действий. В этом одна из причин низкой готовности молодежи к браку и увеличения разводов. Возникает проблема изменения системы воспитания детей в семье с целью выработки умения заботиться о тех, с кем они взаимодействуют в своей повседневной жизни.

Приходя на автоматизированное производство, работник также оказывается в ситуации отсутствия внешней необходимости постоянного общения с другими членами коллектива. Он должен отвечать только за качественное выполнение своих обязанностей, не учитывая степень готовности других специалистов получить общий результат. На получение такового часто даже не ориентируют, что порождает ощущение низкой ответственности за его достижение. Ее отсутствие

является в настоящее время одной из главных причин катастроф на транспорте, брака при изготовлении продуктов питания, промышленных товаров, сложных машин и механизмов. Возникает противоречие между повышением требовательности к наличию у каждого работника автоматизированного производства таких качеств, как профессионализм, чувство долга, ответственности, и возможности их выработки у тех, кто не имеет практики реализации совместных действий. При формировании долга, ответственности всегда определяются те субъекты, по отношению к которым эти качества проявляются. Непосредственно взаимодействуя с ними, переживая их положительную оценку за умение концентрировать волю и терпение для достижения общих целей, человек вырабатывает способность руководствоваться групповым интересом. Ответственность за собственный труд возникает только на основе ответственности перед другими людьми. Простым ужесточением контроля за работой каждого специалиста решить задачу выработки этого нравственного качества невозможно.

Возникает проблема формирования у каждого индивидуально работающего специалиста представлений о его реальной связи с теми, кто в ином месте выполняет часть того общего дела, которое обеспечивает реализацию интересов конкретной малой или большой общности. В настоящее время культура сотрудничества активно утверждается в научных исследованиях, объединяющих ученых разных стран, в создании новых технологий лечения разных болезней, производства робототехники, новейших средств связи и т. п.

Анализ особенностей культуры сотрудничества требует выделения содержания тех знаний, которые определяют ее становление и развитие. Прежде всего требуется понимание действия общего закона природы, заключающегося в том, что объединение организмов в определенные общности призвано обеспечить максимально благоприятные условия их *самосохранения*. Реализуя инстинкты взаимной заботы, животные выживают даже в самых неблагоприятных условиях. Человечество сможет преодолеть опасность возникновения ядерной войны, самоуничтожения при замене людей роботами только в случае сотрудничества всех стран и народов в решении этих и иных проблем современного мира.

Следующим важным положением когнитивного блока культуры сотрудничества является понимание того, что ей противостоит культура эгоизма. Во все времена велась активная борьба с эгоизмом, который трактуется как один из недостатков человеческой природы. Влияние социокультурных факторов на его воспроизводство и усиление не стало предметом специальных исследований [8]. Эффективные способы подавления эгоизма, направленные на утверждение ценностей культуры сотрудничества, применяются в ограниченном масштабе.

Культура сотрудничества требует постоянного изучения особенностей жизнедеятельности всех социальных субъектов, готовых совместными действиями более полно реализовать свой творческий потенциал, обеспечить мир и прогресс всего человечества. Решение этих задач осуществляется на основе познания как позитивных, так и возможных негативных последствий для природы и людей научных разработок, технологий, создаваемых человеком в процессе преобразований окружающего мира и самого себя. Актуальной проблемой становится

познание пределов этой деятельности в связи с возрастающей в наше время угрозой самоуничтожения человечества. Появляются новые требования к мышлению человека. Разум должен более полно контролировать рассудок и чувственно-эмоциональную сферу регулирования поведения как отдельных индивидов, так и социальных групп.

Анализ культуры сотрудничества показывает, что она ведет к активному формированию и развитию таких качеств, как нормативная гордость за способность человека выполнить общественные предписания, стыд за их нарушение, радость за успехи других, чуткость, сочувствие, совесть, долг, ответственность, сострадание, любовь к близким, своему народу, малой родине, Отечеству и т. п. Она включает совокупность ценностей, в первую очередь *моральных*, которые вырабатывались в течение многих веков. Ведущими нормами являются милосердие, тактичность, честность, принципиальность, трудолюбие, бескорыстие, товарищеская поддержка, взаимопомощь, толерантность, способность пожертвовать собой ради спасения оказавшихся в сложной ситуации и т. п. Утверждаются важность учета интересов разных социальных субъектов, необходимость компромиссов при поиске оптимальных вариантов решения общих проблем, мирное улаживание возникающих конфликтов.

Трудовые нормы, входящие в эту культуру, включают заинтересованное отношение к работе, установку на постоянное повышение квалификации, мастерства, стремление максимально реализовать индивидуальные способности в профессиональной деятельности не ради получения личных преимуществ, а для улучшения жизни конкретных социальных субъектов, товарищескую поддержку, гордость за достижение коллег по труду.

Эстетические нормы направлены на развитие таких качеств, как понимание прекрасного, возвышающего чувства, мысли человека, побуждающего к созданию того, что украшает окружающий мир, рождая радость от результатов совместного творения людьми более совершенной жизни.

При этом объединяет все эти нормы *забота о других* индивидах, малых и больших общностях. Человек проявляет ее не только занимаясь трудом по производству материальных благ, использование которых ведет к улучшению труда, быта, отдыха разных социальных субъектов. Забота осуществляется и тогда, когда индивид, общаясь с разными людьми в семье, дружеской компании, общественных местах, учитывает их индивидуальные, социальные различия. Личность осуществляет духовную работу по ограничению своего эгоизма, заботясь о сохранении психологического комфорта окружающих, ощущения ими безопасности, возможности проявления положительных переживаний.

Становление культуры сотрудничества происходит *в борьбе человека с самим собой*. Как отмечал Э. Дюркгейм, «если субъект дисциплинирован и признает над собою коллективный авторитет, т. е. обладает здоровой моральной конструкцией, то он чувствует сам, что требования его не должны подниматься выше определенного уровня. Индивидуальные стремления заключены в этом случае в определенные рамки и имеют определенную цель, хотя в подобном самоограничении нет ничего обязательного или абсолютного» [3, 165].

Методология анализа культуры сотрудничества позволяет выделить следующие ее основные характеристики. Во-первых, целью объединения социальных субъектов, как в прошлом, так и в настоящее время, является создание продуктов материального и духовного труда, которыми могут пользоваться все его участники. Возникает равный и справедливый доступ к результатам совместных действий. В этом заключается одно из главных преимуществ сотрудничества. Во-вторых, каждый член объединения вносит свой вклад в общее дело. Он не обязательно должен быть одинаковым с другими, поскольку изначально признается определенное неравенство возможностей участников создаваемого союза. Это неравенство выражается в наличии тех уникальных материальных, социальных условий, использование которых в общих интересах позволяет полнее реализовать то, чем обладают другие участники объединения. Его ценность заключается во взаимодополнении знаний, умений сотрудничающих социальных субъектов. В-третьих, кооперация направлена на оказание помощи, поддержки тем, кто, опираясь только на собственные силы, не может обеспечить самосохранение и устойчивое развитие. Ценность культуры сотрудничества заключается в том, что осуществляется забота об улучшении условий жизнедеятельности *каждого* участника объединения.

В-четвертых, исключаются попытки использовать результаты общей трудовой деятельности для того, чтобы занять более высокое положение по отношению к другим членам группы. Для этого вводится принцип равного участия в разработке целей, задач сотрудничества, способов их реализации. Устанавливаются доверительные, построенные на взаимопонимании, взаимоуважении отношения между участниками союза. В-пятых, все разногласия между социальными субъектами преодолеваются путем поиска компромиссов, выделяя преимущества, получаемые в процессе совместной деятельности по решению конкретных проблем.

Анализ культуры сотрудничества показывает, что именно она обеспечила сохранение и развитие человечества на протяжении всей истории его существования. Ею были созданы разные способы ограничения эгоистических инстинктов, подчинение которым социальных субъектов является причиной всех аморальных, противоправных действий индивидов, социального неравенства людей, локальных и мировых войн. В настоящее время культура сотрудничества находится в тех условиях, которые требуют ее защиты, сохранения в условиях усиления культуры эгоизма. Необходимо объединение малых и больших общностей с целью реализации в полной мере созидательных способностей человека как уникального продукта эволюции.

1. Веблен Т. Теория праздного класса: The theory of the leisure class. An economic study of institutions / Т. Веблен; пер. с англ. С. Г. Сорокиной; общ. ред. В. В. Мотылева. Изд. 4-е. М., 2011.

2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 2006.

4. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984.

5. Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990.

6. Культура как общественное явление // Культура в информационно-инновационном обществе. Пермь, 2017. С. 63–88.

7. *Лавров П. Л.* Философия и социология : избр. произв. : в 2 т. М., 1963. Т. 2.
8. *Меренков А. В.* Культура эгоизма: сущность и основные характеристики // Культура. Личность. Общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : коллектив. моногр. Екатеринбург, 2017. С. 63–80.
9. *Михайловский Н. К.* Что такое прогресс? // Социология в России XI — начала XX века. Вып. 3. М., 2001.
10. *Cuddy A. et al.* Stereotype Content Model across Cultures: Towards Universal Similarities and Some Differences // *Brit J. Soc Psysh.* 2009. 48.
11. *Evans A. et al.* Why Are Some People Healthy and Other not? // *The Determinants of Healthy of Population.* N. Y., 1994.
12. *Sapolsky R.* The biology of humans at our best and worst. Penguin press, 2017.
13. *Talhelm T. et al.* Large-Scale Psychological Differences Within China Explained by Rice Versus Wheat Agriculture // *Science.* 2014. 344.
14. *Waal de F.* The bonovo and the atheist: In search of humanism among the primates. N. Y. ; L., 2013.

Рукопись поступила в редакцию 10 мая 2019 г.

УДК 140.8 + 17.037 + 007.52 + 004.8

М. А. Иванченко

ПОСТГУМАНИЗМ КАК АНТИГУМАНИЗМ: ОСНОВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются перспективы антигуманистического направления в философии трансгуманизма и постгуманизма. Постгуманизм показан как философское направление и идеология киборгов, роботов, искусственного интеллекта и оцифрованного сознания. Отдельно рассматривается предельный постгуманизм, который имеет название «эссенциокогнитивизм». Эссенциокогнитивизм, в свою очередь, предполагается как философия будущего комплементированного постчеловечества. Кроме того, изучается процесс эволюции человека в ее биологическом и технологическом аспектах. Представляется необходимым появление нового вида киберпсихосоциальных существ, наследующих *Homo sapiens*.

К л ю ч е в ы е с л о в а: постгуманизм, гуманизм, антигуманизм, искусственный интеллект, эссенциокогнитивизм, современная философия, оцифрованное сознание, киборг, НБИК.

В современном обществе происходит постепенное смещение фокуса внимания с антропоцентризма и гуманизма на не-человеческие формы существования, смыслы и ценности. В связи с этим появляется необходимость осмысления направленности и перспектив этого смещения, его теоретических и методологических мотивов, его взаимосвязи с доминирующими тенденциями развития современной философии.

В рамках обозначенной проблемы основной задачей статьи является описание перспектив постгуманизма в современной философии. В решении этой задачи

выделяются три вопроса, которые и предопределили структуру статьи. В первой ее части описываются этапы и перспективы обновления гуманизма в философии XX в. Во второй части проводится анализ соотношения антигуманизма и постгуманизма. Последние являют собой путь дальнейшего эволюционного развития человечества и его преобразования в постчеловечество через нано-, биоинформационные и когнитивные технологии (НБИК). Постчеловечеством мы называем общество роботов, киборгов, искусственного интеллекта (ИИ) и других когнитивных единиц, которые будут характерны для социума будущего. Постгуманизм же представляет собой следующий этап становления человека, его трансформацию из биопсихосоциального в киберкогнитосоциальное существо. В третьей части статьи постгуманизм связывается с новой философией комплементаризированного сознания — эссенциокогнитивизмом как логическим продолжением постгуманизма. Эссенциокогнитивизм рассматривает общество искусственного интеллекта как метамеханизм или метаорганизм или даже сверхинтеллект.

Обновление гуманизма

Философия постгуманизма возникает в переломный момент истории человечества под влиянием третьей промышленной революции и в период кризиса гуманизма и гуманистических ценностей, а также самой концепции человека. Обновление гуманизма и переход к антигуманизму осуществляются в XX — начале XXI в. под влиянием философии Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ж. П. Сартра.

Конституирование нового образа человека происходит вследствие кризиса классической метафизики, онтотеологии и антропоцентрического взгляда на мир. Человек, как априорное условие возможности всякого опыта и всего того, что есть и может быть, стал тем, что необходимо преодолеть. Однако подобное преодоление ни в коем случае не должно вести обратно к традиционным гуманистическим идеям человека. Решение вопроса о человеке предполагает переход к не-человеческому, которое превосходит исконно человеческое.

В философии и литературе уже рассматривался вопрос об обновлении гуманизма в XX в. [2]. Как пример можно привести «дебаты о гуманизме» между экзистенциальным гуманизмом Ж. П. Сартра и неметафизическим антигуманизмом М. Хайдеггера. Сартр в своей работе «Экзистенциализм — это гуманизм» выразил главный принцип обновленного гуманизма данного периода: существование есть основание бытия, существование может быть только исключительно человеческим существованием, а человеческое существование есть свобода [10].

Хайдеггер приводит тезис о том, что сущность человека не является чем-то человеческим, но при этом также не есть нечто сверхчеловеческое или не-человеческое. Благодаря сущности человека, человек оказывается чем-то или кем-то принципиально большим, чем просто человек: не-человеческая инаковость человека есть экзистенция. История человека в этом аспекте есть история отношения человека к его собственной сущности. А сущность человека есть открытость к истине бытия, то есть просвет бытия. Как пишет Т. Х. Керимов, «гуманизм в определенной степени является синонимом метафизики, поскольку

в перспективе, представленной метафизикой как онтологией, человек возводится в достоинство высшего сущего в значении истинного или действительного сущего и заявляет о себе как о силе основания» [3, 19]. Это означает, что человек служит основанием как собственного бытия, так и всего сущего, подобно Абсолюту или Богу. В этом заключается редукционизм метафизики, сводящей все сущее исключительно к человеческой реальности. У Ницше данный редукционизм в понимании бытия как воли к власти становится очевидным, что знаменует собой конец метафизики и гуманизма.

Следующий этап обновления гуманизма связан с такими философскими направлениями, как структурализм и постструктурализм (Ж. Деррида, Ж. Делёз, М. Фуко и др.) [1]. Фундирующим принципом данного этапа является тезис о том, что Абсолют и человек связаны неразрывно (при возвеличивании одного возвеличивается и другое), следовательно, «смерть Бога» означает исчезновение человека.

Философия конца XX — начала XXI в. освещает новый поворот в обновлении гуманизма. Меняются исходные установки рефлексии о человеке. Появляются новые типы философии — так называемые «не/человеческие философии» (Р. Нега-рестани), «не-философии» (Ф. Ларюэль), «спекулятивный реализм» (К. Мейясу), «новый реализм» (М. Фераррис), «объективно-ориентированные онтологии» (Г. Харман), которые преодолевают классическую парадигму в философии и ставят под сомнение исключительное положение человека во вселенской истории. Возникает ситуация, в которой под вопрос ставится сам способ философского обоснования образа человека. Это приводит к появлению концепций трансгуманизма и постгуманизма, которые полностью переосмысливают образ человека в контексте бытия, исторического процесса, а также экзистенции социума.

Трансгуманизм и постгуманизм

Трансгуманизм — философская концепция и международное движение, направленные на процесс модификации человека путем биологических, медицинских, кибернетических, технологических изменений с целью борьбы со страданиями, старостью и смертью [8]. Иными словами, трансгуманизм предполагает превращение человека биопсихосоциального в человека киберпсихосоциального. Концепция трансгуманизма возникла и начала развиваться со второй четверти XX в. Труды и идеи биолога-эволюциониста Д. Хаксли, генетика Дж. Б. С. Холдейна, физика Дж. Д. Бернала и писателя-фантаста О. Стэплдона положили начало распространению и популяризации трансгуманизма. Статус трансгуманизма на данный момент является дискуссионным: является ли трансгуманизм радикальной формой гуманизма, отдельным феноменом или же ответвлением постгуманизма.

В данной статье мы подробнее остановимся на рассмотрении такого философского течения и идеологии, как постгуманизм.

Постгуманизм основывается на идее о том, что эволюция человека не завершена и может быть продолжена в будущем. Одним из последователей данного

взгляда на эволюционный процесс является биолог, палеонтолог и популяризатор науки А. В. Марков, который утверждает, что эволюция всех живых видов планеты Земля продолжается, так как естественный отбор не останавливается, а мутации накапливаются [5].

Трансгуманизм и постгуманизм имеют истоки в естественных науках и продолжают некоторые идеи русской философской мысли конца XIX — начала XX в. В России предшественником постгуманизма является космизм в лице К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, Н. Ф. Федорова.

Среди публикаций по данной тематике преобладают исследования на английском языке, авторы которых имеют различное отношение к вопросу о совершенствовании человеческого рода, к примеру, можно вспомнить о прогрессивных идеях Н. Бострома [19] или о фобиях относительно трансгуманизма в изложении Ф. Фукуямы [24].

За пределами движений трансгуманизма и постгуманизма присутствуют определенные фобии и сомнения относительно сущности данных философских концепций. Так, кандидат психологических наук Е. Л. Яковлева полагает, что постгуманизм является лишь одной из стадий развертывания подлинного гуманизма [17]. Исследователи И. Б. Сазеева и Т. Н. Грошева говорят об антигуманистическом характере философии трансгуманизма [9]. Тем не менее биоинженер, ученый, научный журналист и писатель А. Ю. Панчин утверждает, что появление искусственного интеллекта — это вполне ожидаемое событие, которое состоится в ближайшие 20 или 30 лет [7]. Появление точки отсчета сверхпрогресса на исторической линии принято называть технологической сингулярностью. Инженер, изобретатель и предприниматель И. Маск в своих интервью неоднократно высказывал опасения относительно появления ИИ, связанные с возможным негативным развитием исторического процесса [23].

Термин «постгуманизм» является многозначным, и различные исследователи полагают, что в его основании лежат отличающиеся феномены. Иногда он используется в смысле эпохи, следующей за гуманизмом, или в качестве синонима слова «трансгуманизм», а также как этап трансгуманизма. Есть мнение, что «постгуманизм» является обобщающей концепцией, которая сочетает различные элементы современных движений. Здесь мы рассматриваем постгуманизм как явление, следующее за трансгуманизмом, философское направление, которое изучает социокогнитивные и онтологические основания общества роботов, киборгов, искусственного интеллекта, а также определенные аспекты эволюции от человека к постчеловеку.

Уже сегодня человек делает первые шаги по направлению к обществу постгуманизма. Происходит постоянное ускорение научно-технического прогресса, динамичное развитие технологий в области бионаук, техники, информационных технологий и смежных дисциплин. Активное развитие фармацевтики, генетики, нейронаук, медицины, кибернетики и многих междисциплинарных областей приводит к появлению новейших артефактов, лекарств, достижений технической и научно-исследовательской мысли, направленной на излечение самых неукротимых и опасных заболеваний XXI в., на развитие в проектировании искусственных

нейросетей, инвазивных и неинвазивных имплантов, а также нанотехнологий, которые в будущем могут обеспечить возникновение малых роботов и сильного ИИ.

Следует упомянуть несколько открытий последних лет, имеющих далекоидущие перспективы. Уже сейчас становятся доступными кохлеарные импланты [20], позволяющие вернуть утраченный слух; бионические протезы конечностей, обладающие обратной чувствительностью [13]; видеочамеры, подсоединенные к языковым синапсам человека и дающие возможность видеть мир во всей его полноте [14]. Искусственные нейронные сети и другие интеллектуальные системы, способные к самообучению, постоянно совершенствуются, что позволяет им побеждать чемпионов мира по шахматам, китайской игре го и стратегическим компьютерным играм. Искусственный интеллект от гугловского Deep Mind непрерывно взаимодействует с людьми и разными версиями самого себя, эффективно решая задачи, требующие стратегического планирования и абстрактного мышления. AlphaGo и другие формальные сети умеют предсказывать наилучшие решения эвристически, творчески, что не только приближает их тип мышления к человеческому, но и позволяет в некоторых аспектах превосходить естественный разум [25]. В области космологии, астрономии и космонавтики представляются значительными открытия гравитационных волн и получение первых изображений черной дыры. Социальные науки проводят свои эксперименты: так, в Сингапуре развивается позитивная евгеника [4], которая способствует демографическому росту среди интеллектуальной элиты населения, а также обеспечивает безбедное будущее тем из дивергентных слоев населения, которые решили отказаться от размножения.

Данные открытия служат становлению общества трансгуманизма, в котором отдельные части тела или практически весь корпус человека будут заменены бионическими протезами, полностью киборгизированы. Появление транслюдей сделает возможным постгуманистическое будущее, в котором станут сосуществовать люди, клоны, гомункулусы, киборги, роботы, искусственный интеллект и оцифрованные сознания. Так, А. В. Марков считает, что за технологиями редактирования генов и позитивной евгеникой — наше будущее [5]. Он предполагает, что теоретически может произойти отказ от сексуального взаимодействия, но половое размножение, дающее большее генетическое разнообразие, точно останется, даже если и в лабораториях. Уже сейчас появляются люди, которые отказываются от вступления в серьезные отношения или брак, — синглтоны. Есть те, кто отказывается от размножения, — чайлдфри. И другие, которые отказываются от сексуального взаимодействия, — асексуалы и антисексуалы [21], а также те, кто отказывается от концепции пола, полагая свою идентичность за пределами бинарной гендерной теории. Приходит эпоха постгендеризма [15], в которой брак, секс и деторождение начинают иметь все меньшее значение. Соответственно этому меняются социальные роли людей, самоактуализация и жизненные цели и приоритеты. Распадается нуклеарная семья, давая развитие другим формам семейственности и объединения.

Все это, в свою очередь, способствует развитию не/человеческого типа сообщества, в котором искусственный интеллект, Homo sapiens и промежуточные виды

будут существовать как равноправные субъекты. Технологическая сингулярность станет поворотным моментом в истории гуманизма, который навсегда ниспровергнет его основы и выйдет за рамки его ограничений.

Эссенциокогнитивизм

Общество ИИ, роботов и киборгов предполагает дальнейшее эволюционное развитие, в котором данного рода субъекты станут объединенным сознанием, комплементированным человечеством и постчеловечеством. Комплементированное общество является объектом изучения философии эссенциокогнитивизма, рассматривающего предельную форму постгуманизма.

Эссенциокогнитивизм — философская концепция, продолжающая идеи постгуманизма и выводящая их на радикальный уровень; она выражается в идее существования комплементированного человечества и машин; целью данного постчеловечества является бесконечное познание. Эссенциокогнитивизм — теоретический конструкт, гипотетическая философия и идеология будущего. Он относится к не/человеческим философиям.

Предположительно, согласно философии эссенциокогнитивизма, в будущем исчезнут гендеры [13], половое размножение [16], государства и нации [6]. Гендеры, вследствие действия тех сил, что на данный момент господствуют на Западе и начинают касаться России, перестанут быть актуальными, так как человечество стремится к агендеризации, стиранию границ между полами и развитию небинарной гендерной системы. Кроме того, необходимость в разделении полов может исчезнуть с появлением искусственных способов размножения (искусственная матка) и выращивания человека (в пробирке, как гомункулуса), а также клонирования. Возможность редактирования генов, отсутствие болезненных и опасных родов, перспектива клонирования лучших представителей человеческого вида повлекут за собой улучшение качества жизни человечества и отдельных людей, а также продление жизни. Выращивание эмбрионов в искусственной матке позволит прогнозировать демографию, редактировать ошибки в генах, будет более дешевым в плане затрат жизненных ресурсов, позволит избежать угрозы жизни и здоровью женщин и самих плодов.

Создание сверхразума — искусственного интеллекта, киборгов, оцифрованного сознания — окажется воплощено при помощи информационных и биотехнологий. Соединение с машиной при помощи технологий оцифровки сознания, инвазивных и неинвазивных имплантов и электродов, гаджетов VR позволит обеспечить большой суммарный когнитивный потенциал, достижение цифрового бессмертия, а также излечение от заболеваний психического и соматического характера, что будет следствием технологической сингулярности. Комплементация человека и машины уже давно обсуждается в естественнонаучной, технической и философской среде: появление киборгов, андроидов и оцифрованного сознания поспособствует повышению когнитивной и физической эффективности нового техночеловека, а также поможет избавиться от болезней и старения.

Этот перелом позволит перейти от эпохи гуманизма и трансгуманизма к эре обновленного человечества, которое исчезнет в привычном смысле этого слова, так как появится множество форм между чисто биологическим и чисто технологическим бытием, а человек станет всего лишь одной из модификаций этого разумного плюрализма.

Конгломераты когнитивных единиц — роботов, киборгов, оцифрованного сознания и других технологических видов — образуют объединенное, подобно интернет-сети, сознание, свободный от страданий, смерти, животной природы чистый разум, или абсолют [12]. Подобно современным распределенным сетям или мейнфреймам, абсолют окажется способен на большую когнитивную мощь, чем каждый его элемент в отдельности.

Данное комплементированное постчеловечество будет осуществлять такую форму бытия, как бытие-познание. Исчезнут границы между гносеологией и онтологией, и вся жизнь существ эпохи эссенциокогнитивизма станет подчинена поиску истины о себе, о мире и всей Вселенной в целом. Земля с ее исчерпаемыми ресурсами и ограниченным пространством окажется слишком тесной для конгломератов когнитивных единиц, и абсолюты отправятся в странствия по бескрайнему космосу в стремлении охватить мир познанием.

Для этих целей окажутся необходимыми дальнейший научно-технический прогресс, создание новых технологий перемещения во времени и пространстве, развитие материаловедения и разложение на составные единицы всего знания о различного рода полях, электромагнитных, гравитационных и проч., чтобы создать такого рода двигатели, которые позволят покорять Вселенную с наибольшей скоростью, а также будут иметь наивысший КПД.

Разумеется, возникновение комплементированного постчеловечества представляется сложным процессом, имеющим не 100 % вероятность. Помешать наступлению эры постгуманизма может стремление человечества к саморазрушению, что поспособствует одному из апокалиптических сценариев. Другой силой, ведущей к провалу проекта «эссенциокогнитивизм», могут стать естественный отбор и мутирование человека, которые могут пойти вспять, вследствие чего человечество деградирует и будет отброшено назад в развитии, как это произошло с «хоббитами» (другое название — «флоресский человек»), по словам антрополога С. В. Дробышевского [2]. У флоресского человека произошло уменьшение размера мозга, вид оказался неконкурентоспособным и вымер.

Эссенциокогнитивизм и постгуманизм — это антигуманизм. Для них будет характерно господство совсем иной морали и иных паттернов мышления, нежели для гуманизма. Странно ожидать от машины — искусственного интеллекта, что она будет думать как человек или станет руководствоваться той же моралью, что и *Homo sapiens*.

Человек возник как один из элементов безграничного множества видов, эволюционные условия позволили ему сформироваться обладающим сознанием и самосознанием, но было бы неправильным полагать, что *Homo sapiens* является величиной неизменной. Эволюция может пойти по одному из двух путей, и в конце одного из них нас вполне может ожидать общество эссенциокогнитивизма, видов

бесконечно более развитых, чем современный субъект познания, и имеющих предельной целью своего существования познание. Второй путь, к сожалению, нисходящий. Однако история предполагает, что развитие будет осуществляться циркулярно, по спирали, таким образом, через какой-то промежуток времени человек может вернуться на свой текущий уровень. В любом случае гуманизм переживает глубокий кризис и на данный момент является скорее тормозом научно-технического прогресса, нежели чем-то иным. Развитие обязывает человека менять свои жизненные ориентиры.

* * *

В статье были рассмотрены такие философские концепции, как трансгуманизм, постгуманизм и эссенциокогнитивизм. Был сделан вывод о том, что три данных феномена являют в своей сущности антигуманистические направления, преодолевающие традиционный способ философствования и видения человека. Эволюция человека представляется неоконченной, ведущей к новым перипетиям и возникновению постчеловеческих видов. Социум роботов, киборгов, ИИ и других интеллектуальных агентов, или когнитивных единиц, представляется логически следующим из текущей технопарадигмы, а также достижений медицины, фармацевтики, нейронаук и смежных областей.

Человек, как биопсихосоциальное существо, теоретически может преобразиться в киберкогнитосоциальное существо, обладающее принципиально иными когнитивными, физическими и прочими характеристиками, присущими ему как новому технобиологическому виду. Эссенциокогнитивизм в данном аспекте является философией и мировоззрением будущего альтернативного вида, следующего за *Homo sapiens*.

Представляется, что в конце XXI — начале XXII в. расстановка сил на планете будет несколько иной, так как появятся другие интеллектуальные агенты, интеллигибельные системы, обладающие когнитивным потенциалом, сравнимым с человеческим или даже превосходящим текущие возможности разума вида *Homo*. Если эволюция не обратится вспять или человечество тем или иным способом не уничтожит себя, постгуманизм станет нашей реальностью.

Обновленный гуманизм обладает большим теоретическим потенциалом; подкрепленный фундаментальной и практической наукой, он влечет за собой необратимые преобразования в жизни человеческого сообщества.

-
1. Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
 2. Дробышевский С. Неизбежен ли разум? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=niOk-tcN81I> (дата обращения: 12.04.2019).
 3. Керимов Т. Х. Обновление гуманизма: его возможности и границы // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2018. № 3(179). С. 16–26.
 4. Козлов Н. И. Сингапур. Евгеника. Процветание [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/singapur.-evgenika.-procvetanie> (дата обращения: 20.02.2019).
 5. Марков А. В. Эволюция человека: Обезьяны, нейроны и душа. М., 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://scisne.net/a-1366?pg=8> (дата обращения: 11.10.2019).

6. *Нордстрем К. А., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк: Капитал пляшет под дудку таланта. М., 2008.
7. Панчин о религии, псевдонауке и экстрасенсах. Ч. 1. Книжный чел #21 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nCv6V1eVK2g/> (дата обращения: 10.05.2019).
8. Российское Трансгуманистическое Движение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru> (дата обращения: 10.03.2019).
9. *Сазеева И. Б., Грошева Т. Н.* Антигуманистический характер философии трансгуманизма [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/antigumanisticheskiy-harakter-filosofii-transgumanizma> (дата обращения: 12.12.2018).
10. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 319–344.
11. *Сартр Ж.-П.* Бытие и Ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2004.
12. *Слепышин С. В.* Звездные берега. М., 2000.
13. *Соломонова И.* Совсем как родная: бионическая рука, которая умеет осязать [Электронный ресурс]. URL: <https://republic.ru/posts/l/910836/> (дата обращения: 09.02.2019).
14. *Таран А.* Леденец BrainPort позволяет слепым видеть языком [Электронный ресурс]. URL: <http://www.membrana.ru/article/1131/> (дата обращения: 09.02.2019).
15. *Ульянов В. А.* Постгендерная характеристика виртуального: генезис андрогинности // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 158–171.
16. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
17. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Время и Бытие. М., 1993.
18. *Харауэй Д.* Манифест киборгов. Наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М., 2017.
19. *Яковлева Е. Л.* Вектор движения: гуманизм — постгуманизм — трансгуманизм — техногуманизм — гуманизм [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vektor-dvizheniya-gumanizm-postgumanizm-transgumanizm-tehnogumanizm-gumanizm> (дата обращения: 12.12.2018).
20. *Arndt P. S., Arcaroli J., Hines A., Ebinger K.* “Within Subject Comparison of Advanced Coding Strategies in the Nucleus 24 Cochlear Implant” Cochlear Corporation [Electronic resource]. URL: <https://www.cochlear.com/au/home/understand/hearing-and-hl/hl-treatments/cochlear-implant/> (accessed: 09.02.2019).
21. *Bogaert A. F.* Understanding asexuality. N. Y., 2015.
22. *Bostrom N.* The Transhumanist FAQ [Electronic resource]. URL: <https://nickbostrom.com/views/transhumanist.pdf/> (accessed: 20.02.2019).
23. Elon Musk’s Last Warning About Artificial Intelligence [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B-Osn1gMNtw/> (accessed: 12.01.2019).
24. *Fukuyama F.* Transhumanism — the world’s most dangerous idea [Electronic resource]. URL: <https://www.au.dk/fukuyama/boger/essay/> (accessed: 20.02.2019)
25. *Hassabis D., Silver D.* AlphaGo’s next move [Electronic resource]. URL: <https://deepmind.com/blog/alphagos-next-move/> (accessed: 09.02.2019).

Рукопись поступила в редакцию 1 ноября 2019 г.

УДК 374.3 + 37.013 + 316.42

Д. Ю. Кривоносова
Д. М. Султанов
Е. С. Черепанова

**ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ
И СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
В РОССИИ И ГЕРМАНИИ***

В статье представлен анализ социально-теоретических и педагогических истоков принципов формирования гражданственности. В связи с этим раскрыты содержание концепта цивилизующего общества, а также теория Дьюи как основание современных трактовок гражданского образования. Такого рода актуализация позволяет под новым углом рассмотреть практические следствия указанных теорий в России и Германии, что также реализуется в статье на основе актуальных публикаций и медиаресурсов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цивилизующее образование, социальная активность, обучение через ответственность, гражданская ответственность, педагогика Дьюи, теории Т. Парсонса и А. Токвиля.

Традиционная практика школьного образования, которая в своих дидактических основаниях не менялась столетиями, предполагала, что школа — это прежде всего место воспитания детей в определенных религиозных традициях и формирования навыков, которые должны помочь молодому человеку занять свое место в сложившейся социальной системе. Позднее под влиянием философии эпохи Просвещения сформировалось иное видение: школа в первую очередь должна обеспечить учеников знаниями, соответствующими современной науке. Знание об универсальной детерминации в природе, понимание того, что все процессы — механические, химические, биологические, социальные — осуществляются в соответствии с жесткой причинно-следственной обусловленностью, неизбежно, как полагали просветители, сформируют убеждение, что благо отдельного человека связано с благом общества. Поэтому очень важно, чтобы были изучены основы естественных наук. Таким образом, получалось, что школа — это подготовка к общественной жизни. Ведь малообразованный человек обязательно будет действовать вне общественного договора, и поэтому образование — условие социальной гармонии.

Социальные трансформации первой трети XX в. — крах империй, революции, создание новых государств, возникновение новых технологий и производств — сопровождалось пересмотром сложившихся школьных педагогических практик. В том числе был поставлен вопрос о необходимости ориентировать образовательные программы на большую связь с реальной жизнью, на связь с будущей профессией, с практическим применением знаний. В некоторых случаях именно практическая

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-33012.

деятельность — полезный труд для сообщества — понималась как единственно возможное условие формирования мотивации к учебной деятельности.

Так, к примеру, в 20-е гг. в Австрии также были школьные программы, предполагавшие изучение теоретических вопросов, как бы сегодня сказали, междисциплинарно — на материале практических занятий. Вот как вспоминает об этом один из лидеров социал-демократов О. Бауэр, описывая урок для школьников на вокзале в Вене: «Одновременно мы писали названия предметов... таким образом мы обучали правописанию. Тем временем мы и считали... Сколько стоит поездка до ближайшей станции? Сколько будет стоять, если мы все вместе поедem? Таким образом мы обучали умножению. Куда мы можем поехать железной дорогой? <...> Так мы учили географии. <...> Каким образом локомотив приводит в движение поезд? Вот мы перешли к физике» [2, 288]. Для распространения этого нового опыта тогда проводились многочисленные конференции для учителей, также его описывали в различных педагогических изданиях, которые издавались при поддержке правительства.

Помимо указанной практикоориентированной интенции педагогических стратегий встал вопрос о воспитании нового поколения граждан, которые по меньшей мере будут понимать, каким образом функционируют новые государства и какой идеологии следуют. Как следствие, проблема формирования гражданских ценностей стала осмысляться с новых позиций. Педагогика Дж. Дьюи была в числе теорий, которые получили наибольшее распространение.

Учение Дж. Дьюи о демократии в образовании

Дж. Дьюи понимал школу как зародыш общества и поэтому не соглашался с тем, что настоящая социальная активность реализуется только после ее окончания. Он обосновал необходимость переосмысления сущности и содержания образования тем, что имеет место разрыв между поколениями и дети не должны осваивать то, что в реальной социальной практике им не будет полезно. Поэтому, как полагал Дьюи, необходимо переосмыслить стратегию образования в отношении многообразия социального опыта имеющегося и грядущего. Демократия должна быть тем принципом, который должен связать временные характеристики опыта, а также тем ключевым навыком, усвоение которого необходимо для успешной общественной жизни. «Демократия — нечто большее, чем просто определенная форма правления. Прежде всего это форма совместной жизни, форма обмена опытом. При демократии в обществе постоянно растет число людей, готовых согласовывать свои действия с действиями других и учитывать чужие интересы, определяя цель и направления своих собственных. Все это способствует разрушению барьеров класса, расы и национальной территории, которые не дают людям осознать до конца смысл своих действий» [3, 85]. Если демократизм не будет проявляться в управлении школой, в организации обучения, то нет причин полагать, что демократия станет необходимой частью опыта взрослого человека. И поэтому, если общество хотело бы сохранить и развить демократию, оно должно сделать демократию опытом школьной жизни ребенка.

Дьюи указывал, что успешная социализация выпускника школы, которую можно было бы считать критерием хорошего образования, не может быть истолкована упрощенно (только как наличие гражданских компетенций). Культура или всестороннее развитие личности, в том числе ее уникальности, это немаловажный вклад в развитие общества. Демократические подходы к обучению означают в том числе и признание права личности на развитие уникальных способностей. И поэтому при обучении ребенка надо учитывать его интересы, возможности и особенности. Такая педагогическая стратегия в конечном итоге приведет к тому, что социальные институты будут более эффективными, а вся общественная система будет в большей мере развернута к человеку. Демократичность в организации школьной жизни предполагает, что каждый член группы готов нести определенную меру ответственности за ее действия (успешные или нет), готов принимать и разделять групповые ценности и идеалы. «Когда школа воспитает и выработает из каждого ребенка нашего общества члена подобной маленькой общины, пропитает его духом служения обществу и снабдит его средствами для творческой самостоятельности, тогда мы будем иметь самую твердую и самую лучшую гарантию в том, что и широкое общество станет достойным, более приятным и более гармоничным» [4, 33]. При всей схожести с концепцией образования, которая сложилась в эпоху Просвещения, налицо очевидное отличие. Если для просветителей необходимость принимать во внимание пользу общества есть следствие осознанного эгоизма образованного человека и это результат образования, то, следуя Дьюи, кооперация и служение обществу есть постоянная составляющая всего процесса образования — от начальной школы до выпускного класса.

По сути, школа должна быть центром социальной жизни, а социальная активность групп учащихся должна быть направлена на взаимодействие с обществом, а точнее с жителями района, где находится школа. В этом случае не возникнет разрыва между опытом школы и опытом после школы, сформируется навык социальной активности и групповой кооперации для этой активности.

Теория Дьюи получила широкое распространение не только в США и Европе, педагогическое учение стало основанием программ Наркомпроса в 20-е гг., а сам мыслитель посетил советскую Россию в 20-е гг. в числе других американских педагогов, которые прибыли в СССР по приглашению наркома просвещения А. В. Луначарского¹.

Помимо преемственности относительно идей Дьюи (что справедливо в отношении к российскому и немецкому образованию) важно также учитывать, что формирование гражданственности как новая стратегия реформирования образования на Западе в своей основе базировалась на теории цивилизующего общества.

¹ Вскоре, однако, педагогика Дьюи была отвергнута, так как американский мыслитель возглавил в качестве почетного председателя Комиссию по рассмотрению правомерности обвинительных вердиктов на так называемых Московских процессах 1937–1938 гг. Еще в начале 80-х гг. XX в. педагогические подходы Д. Дьюи считались неприемлемыми, и его педагогическая теория и практика стала предметом действительного продуктивного интереса в России только с середины 90-х гг. Работы американского мыслителя перевели и издали, его теория стала изучаться в российских педагогических вузах.

Концепт цивилизующего общества²

Теория так называемого цивилизующего общества в своих истоках восходит к идеям А. де Токвиля, для которого, во-первых, гражданское общество является сферой горизонтальных и принципиально неиерархических отношений; во-вторых, гражданские отношения отличаются от отношений политических; в-третьих, поскольку свобода является атрибутом личности, то областью свободы объявляется именно очерченное кругом индивидуальных устремлений поле гражданских отношений. «Политические объединения составляют лишь очень незначительную часть из того огромного количества разного рода ассоциаций, что существуют в Соединенных Штатах. Американцы объединяются в комитеты для того, чтобы организовывать празднества, основывать школы, строить гостиницы, столовые, церковные здания, распространять книги, посылать миссионеров на другой край света. Таким образом они возводят больницы, тюрьмы, школы. Идет ли, наконец, речь о том, чтобы проливать свет на истину, или о том, чтобы воспитывать чувства, опираясь на великие примеры, они объединяются в ассоциации» [10, 378]. Опыт успешного общественного управления приобретает именно в такого рода ассоциациях, и Токвиль находит закономерным, что наиболее демократичной страной оказывается та, в которой сильна культура общественных инициатив: чем больше свободы для создания ассоциаций, тем более общество демократично, в то время как в Европе «каждый богатый и влиятельный гражданин играет роль своего рода главы устойчивой ассоциации принудительного характера, куда входят все те люди, которых он заставляет соучаствовать в исполнении своих замыслов» [Там же, 379].

Концентрация всех маршрутов общественной жизни в руках государства для Токвиля чревата не только падением экономической эффективности, но даже и моральным упадком. «Нравственность и умственное развитие демократического народа подверглись бы не меньшей опасности, чем его торговля и промышленность, в случае, если бы правительство полностью заменило собой союзы и ассоциации. Лишь в процессе общения людей человеческие чувства и идеи обновляются, сердца становятся благороднее, а интеллект получает развитие» [Там же, 380]. Этим имплицитно подчеркивается необходимость раздельного существования гражданского общества и государства.

Наконец, личный характер гражданской жизни для Токвиля проистекает из того факта, что этика долга, как правило, служила прикрытием для поддержания в обществе социального неравенства. И естественно было бы при переходе к демократическим формам правления переориентировать систему ценностей, что американцам образца XIX в., по его мнению, блестяще удалось: «Они заметили, что в их стране и в их время сила, заставляющая человека постоянно думать о самом себе, необорима, и, потеряв надежду ей противостоять, они думают лишь о том, чтобы ею управлять. Поэтому они не отрицают того, что каждый человек может руководствоваться собственными интересами, однако они изо всех сил

² Обзор теорий гражданственности в связи с понятием «цивилизующего» общества дан в монографии Б. Г. Капустина [5, 83–111].

стараятся доказать, что честность и добропорядочность отвечают интересам любого человека» [10, 387].

В развитие идей А. де Токвиля Т. Парсонс вводит понятие социетального общества как именно той среды, в которой гражданственность принимает форму практической деятельности. При этом сама практическая деятельность в рамках социетального общества существенным образом отличается от практики в пределах политических отношений. Индивид, становясь «индивидом вообще», на поверку препоручает свою свободу системе иерархических структур и отношений, которые, включая его в себя, вовлекают его в игру собственных интересов и обслуживающей их инструментальной деятельности. Соответственно все, что требует от индивида выступать в качестве абстрактной единицы, несет на себе печать несвободы. Как следствие, действительность свободной гражданской жизни покоится исключительно в сфере частного, где индивид выступает предельно конкретно и от своего лица. Конкретизируя понятие влияния как основной действующей силы социетального общества, Парсонс обуславливает его действительность частным характером влияния. «Последнее [влияние] мы рассматриваем как одно из обобщенных символических средств социетального взаимодействия, наряду с деньгами и властью. Оно состоит в способности добиваться от других социальных агентов желаемых решений, не предъявляя им в качестве соблазна какого-то ценного *quid pro quo* и не угрожая им какими-либо пагубными последствиями. Это влияние должно действовать через убеждение объекта воздействия в том, что то решение, которое внушает ему субъект влияния, означает действие в интересах коллективной системы, с которой оба они солидарны» [7, 27].

Полнота гражданской жизни определяется тем, что происходит вне государства, подчеркивает Парсонс: «В развитии современных обществ, однако, государство все более дифференцируется от социетального сообщества как специализированный орган общества, составляющий ядро его политической подсистемы» [Там же, 26]. Это не означает, что индивиды в результате будут абсолютно оторваны друг от друга — атомизированы. Напротив, неиерархичное, социетальное общество открыто для свободной организации индивидов, руководимых собственными интересами в пределах, предписываемых системами лояльности ролей. За ними не стоят притязания экономических организаций, политических партий и других объединений политического общества. Свободно организующиеся граждане тем лучше должны справляться с проблемами общественной жизни, чем в меньшей степени решение этих проблем может выглядеть как экономическая конкуренция, как некий политический прием в партийной борьбе. Влияние гражданина на управление обществом не является властью граждан: «Мы определяем власть как способность принимать и “навязывать” решения, которые обязательны для соответствующих коллективов и их членов постольку, поскольку их статусы подпадают под обязательства, предполагаемые такими решениями. Власть следует отличать от влияния, так как издание обязывающих решений совсем не похоже на меры убеждения. В соответствии с нашим определением гражданин, отдавая свой голос на выборах, осуществляет власть, поскольку совокупность таких голосов обязующим образом определяет исход выборов» [Там же, 31–32].

Гражданин социетального общества не обладает рычагами непосредственного воздействия на власть, не препоручает благоустройство публичной сферы государству. Группы граждан оказывают влияние на общественную жизнь таким образом, что конечное решение происходит в области неполитического воздействия. Именно частный характер гражданского действия субъектов в пределах района либо города составляет суть социетального общества.

Что характерно, при постоянном акцентировании на частном характере гражданской жизни вопрос о том, какая из сфер, не включенных в политическое общество (то есть не политика, не экономика и не административные отношения), должна подлежать регуляции социетальным обществом, остается неясным. Как представляется, воспитание и трансляция образов гражданственности происходят в ориентации на руководимую определенными моральными нормами локальную кооперацию. Эти нормы опираются на нормативные установки, исторически сложившиеся в данной культуре, и в случае со странами англосаксонского мира свобода и есть одна из них. Поэтому в рамках данной культуры можно видеть бóльшую открытость к возможностям встречи с другими локальными группами, готовность учитывать их интересы в достижении собственных целей.

Немецкая версия концептуализации гражданского образования

Программа по формированию гражданских ценностей и социальной ответственности в Германии называется *общественно-цивилизующим образованием* (Zivilgesellschaftliche Bildung).

В немецкоязычном пространстве не всегда очень точно определялось содержание понятия цивилизующего общества (Zivilgesellschaft), чаще всего этот термин употреблялся как синоним гражданского общества. В конце 90-х появляется ряд исследований [11], в которых осуществляется попытка описать содержание понятия и типологизировать его трактовки. Г. Кнеер [13, 234] приходит к выводу, что при всем многообразии трактовок чаще всего под цивилизующим обществом понимают наличие открытых, неформальных ассоциаций граждан, объединяющихся свободно, по собственной инициативе. При этом подчеркивается именно независимость таких ассоциаций граждан от «центра силы» — государства, бюрократии, крупного бизнеса и т. п. Указывается, что цивилизующее общество возможно только при условии наличия института прав человека. А также — что важно для понимания задач образования — члены многообразных ассоциаций и объединений обладают навыками ненасильственного, толерантного и солидарного действия и реализуют свои проекты только таким образом. И наконец, с понятием цивилизующего общества связывают функцию постоянной актуализации общественных проблем — «определения повестки дня», необходимой для эффективного государственного управления. По-другому говоря, деятельность таких объединений нередко закрывает пробелы в функционировании официальных государственных структур и позволяет власти видеть неявные прежде общественные проблемы.

Как государственная программа, которая называется «Обучение через ответственность/обязанность» («Lernen durch Engagement» – LdE), воспитание гражданственности и социальной активности реализуется в разных форматах во многих школах Германии с начала 2000-х. Первоначально это был проект, ориентированный на обучение молодежи демократии – «Демократию изучать и жить» («Demokratie lernen und leben»), который был реализован в тринадцати землях. Апробация практик и методик привела к тому, что идеология проекта стала в большей мере соответствовать концепту «цивилизующее обучение». Была создана федеральная сеть по содействию гражданской ответственности (Bundesnetzwerk Bürgerschaftliches Engagement – BBE). Необходимость развития гражданской ответственности и социальной активности была обоснована как общественно-политическая задача. И соответственно стали формироваться основные теоретические и практические подходы к реализации программы LdE в Германии.

На первом этапе в проекте принимали участие 100 школ, в которых отработывались и апробировались основные программы обучения, и уже с учетом этого опыта был открыт медиаресурс, с тем чтобы и в других школах учителя смогли осуществлять в рамках обучения проекты, ориентированные на формирование гражданской ответственности. На этом специальном портале размещены методические материалы и рабочая тетрадь, материалы которой можно адаптировать в соответствии с возрастом ребенка. Представлен текущий педагогический опыт, план научных мероприятий, на которых обсуждаются проблемы гражданского образования, опыт взаимодействия с государственными органами разного уровня. В списке уже реализованных проектов, которые предлагаются на портале LdE, есть проекты для детей разного возраста. Также разнообразна тематика проектов: помощь детям мигрантов; мини-производство, чтобы получить средства для благотворительности; участие в выборных кампаниях города и т. д.

Новая педагогическая стратегия предполагает, что компетенция социальной ответственности не может быть чем-то дополнительным к традиционным навыкам и знаниям, полученным при изучении традиционных школьных предметов. Проекты должны быть реализованы в междисциплинарном ключе. В ходе выполнения школьники не только обучаются проектной деятельности, но могут применить имеющиеся навыки при описании целей и идеологии проекта, при подсчете бюджета и в ходе поиска потенциальных спонсоров и партнеров. Проект, таким образом, с одной стороны является реальным вкладом в социальную жизнь города/поселка/района, с другой – частью обучения, предусмотренного школьной программой. То есть, как принято в школе, этапы проекта являются для его участников заданиями, которые они выполняют как на уроках, так и дома, как в рамках учебного дня, так и вне школы. Основные типы проектов – это культурные мероприятия, экологические субботники, спортивные соревнования и акции социальной помощи. Важно, чтобы в проекте в рамках реальных практических действий развивались когнитивные, личностные и социальные компетенции [12, 52–58].

При этом предполагается, что отправной точкой для выбора тематики проекта всегда должны быть интересы школьников, способности, имеющиеся навыки.

То есть уже на этапе обсуждения идеи проекта ребенок должен попытаться оценить собственные «ресурсы», а также «ресурсы» других членов своей группы/класса и оформить результат этого размышления в виде списка компетенций. Затем проанализировать программу обучения и там обнаружить все интересное, что хотелось бы применить практически или освоить глубже. И только после того как у «команды» сформируется общее видение интересов, сил и способностей, педагог может предложить детям «увидеть» достижения и проблемы родного города/села/микрорайона, чтобы понять, где нужна помощь и содействие, куда правильное направление социальной активности именно *этой* группы детей.

Основным принципом проектной деятельности является идея о том, что школьники/граждане должны вносить персональный вклад в развитие общества. Но, чтобы этот вклад был действительным (а не просто игрой в проект), нужно, чтобы проект был выполнен качественно, что сложно сделать, если не учитывать способности и возможности его команды. Такой подход позволяет сохранить и развить мотивацию участников, которые будут делать то, что им интересно и что у них хорошо получается.

Наряду с этим усиливается мотивация к обучению, способность осознавать межпредметные связи. В качестве примера авторы учебного пособия для учителей приводят проект строительства так называемого отеля для насекомых (специального домика с шишками, сухими листьями и т. п., куда смогут на зиму прятаться полезные для парка насекомые). Для реализации такого проекта требуется использовать не только знания основ биологии и экологии, но и математики (для калькуляции расходов), технологии столярного дела, рисования (для чертежей), немецкого языка, чтобы составить необходимые сопроводительные вывески для посетителей парка, и т. д. [14, 180].

Также важной частью реализации проекта является формирование навыка коммуникации с городской или районной администрацией, со спонсорами. Школьники анализируют не только свои способности и интересы, но и свои социальные связи, а также опыт их установления. И соответственно осваивают деловую коммуникацию, которая осуществляется не в личных, а в общественных целях. Это позволяет детям понять правовые и административные условия социально-ориентированной деятельности.

Опыт формирования гражданственности в России: основные подходы

В России практика гражданского образования последнего времени отражает стратегическую установку, которая представлена в целом ряде государственных документов, прежде всего в образовательных стандартах. Формирование гражданственности признается важной задачей образования, которое к настоящему времени понимается не только как институция трансляции знаний, но и как институция производства/формирования/воспитания человека. Результатом образования являются не только углубленные знания комплекса дисциплин, выбранного профиля, но также воспитанность. И развитие личности теперь является даже более важной задачей, чем уровень знаний. Как следствие, компетенции,

«работающие» на гражданственность, также являются ничуть не менее важными, чем те, что связаны с уровнем освоения знаний.

Анализ публикаций последнего времени, посвященных проблемам гражданского образования в России, свидетельствует о том, что большая часть теоретиков, во-первых, хотели бы показать специфику именно российского видения проблемы; во-вторых, указывают на неразрывную связь гражданственности и патриотизма и в меньшей степени апеллируют к социальной активности; в-третьих, выражают готовность адаптировать опыт советской педагогики к новым реалиям.

Гражданственность, неразрывно связанная с патриотизмом, предполагает, что в иерархии ценностей современного россиянина в числе первых должны находиться Россия, регион и «малая родина». Чувство любви к Родине должно быть дополнено социальной компетенцией — навыками того, как можно было бы улучшить жизнь жителей своего города, региона, города. «Цель гражданского воспитания (образования) — формирование человека, который может успешно управлять собой внутри политического сообщества (общества), определяемого Конституцией», — указывает Л. Л. Любимов [6, 289], подчеркивая особую роль государственных институтов в формировании гражданственности, которые должны быть заинтересованы в определенном образом воспитанном гражданине. Именно поэтому нет никакого резона воспитывать гражданственность вообще, указывает Любимов [Там же, 290]. Социальная ответственность, таким образом, трактуется как следствие признания тех принципов, которые изложены в Конституции, а именно «развитие и укрепление демократии, гражданского общества, правового государства» [Там же].

Встречаются также предложения принципиально дистанцироваться от англосаксонской традиции понимания и воспитания гражданственности, чтобы видеть в гражданственности прежде всего *служение* обществу, родине большой и малой. В этом случае гражданственность оказывается не только в числе важных компетенций (быть гражданином России) человека, но может претендовать на то, чтобы занять определенное место в числе ценностей, оправдание или подтверждение которых происходит в контексте определенной религиозной культуры. «Идеальная гражданственность основывается на духовно-нравственных потребностях и ориентируется в своем осуществлении на высшие идеи — добра, справедливости, милосердия, равенства, всеобщего блага и нравственной ответственности» [9, 34].

В практике воспитания можно видеть очевидную преемственность относительно педагогики периода СССР. Советские методики воспитания патриотизма (и, как следствие, гражданственности), социальной активности (деятельности в условиях признания безусловной значимости общественных интересов), учительское сообщество считает очень эффективными. И в этом контексте «результативность уровня воспитанности социальной инициативности напрямую зависит от уровня наличия патриотических чувств к Родине» [1, 35].

В целом ряде публикаций, посвященных анализу реальных программ по воспитанию гражданственности, можно обнаружить актуализацию советского наследия. «С чего начинается Родина», «Это наша с тобой земля, это наша с тобой биография!», «А ну-ка парни!» — в названии этих внеклассных мероприятий очевиден

советский дискурс [8, 212–213]. Часто прообразом волонтерских акций становится тимуровское движение, в ряде школ оно воспроизводится буквально. При этом результаты иногда далеки от ожидаемых: «Движение старшеклассников г. Махачкалы в помощь пожилым людям и нуждающимся не все граждане воспринимали благожелательно, относились с недоверием: не желали открывать двери» [1, 36]. К тому же главной проблемой является мотивация школьников к участию в таких мероприятиях. Время «после уроков» является персональным ресурсом ребенка, и надо найти действительно сильный мотив, чтобы привлечь ребят к участию в общественно значимых акциях. Формальное присутствие детей на мероприятиях приводит к тому, что патриотические темы и темы, связанные с социальной активностью, ассоциируются в сознании школьников с чем-то скучным, неинтересным. Педагоги понимают сложность задачи и пытаются найти выход. Этим отчасти объясняется, к примеру, использование опыта тимуровского движения, которое в советское время позиционировалось как исключительно детская инициатива, реализуемая в формате детского самоуправления и самоорганизации.

В целом можно отметить, что задача включить воспитание гражданственности и социальной активности в широкий междисциплинарный контекст, сделать неотъемлемым элементом проектной деятельности школьников пока по большей части осуществляется не в полной мере. Большая часть мероприятий, тематически связанная с патриотической тематикой, проходит во внеучебное время и является дополнительной. Таким образом, воспитание гражданственности вторично по отношению к образованию и поэтому не всегда достигает заявленного результата.

В заключение также хотелось бы подчеркнуть, что многообразие педагогических исследований проблемы формирования гражданских ценностей указывает на необходимость ее обсуждения в более широком междисциплинарном контексте, позволяющем прояснить наиболее значимые для практики подходы и концепты.

1. Алиева С. А., Омаров О. Н., Раджабова Р. В. Социальная инициативность и активность в патриотическом воспитании как интегративные социально востребованные нравственные качества личности старшеклассника // Изв. ДГПУ. 2018. Т. 12, № 1.

2. Бауэр О. Австрийская революция 1918 года. М.; Л., 1925.

3. Дьюи Д. Демократия и образование. М., 2000.

4. Дьюи Д. Школа и общество. М., 1923.

5. Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. М., 2011.

6. Любимов Л. Л. Российская школа: воспитание гражданственности // Вопр. образования. 2013. № 1.

7. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

8. Петрич О. И. Роль современных детских общественных объединений и организаций в воспитании гражданственности у подростков // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. Герцена. 2011. № 129.

9. Решетников О. В. Воспитание гражданственности детей в организации // Проблемы современного образования. 2010. № 2.

10. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.

11. Altaver E., Drunnengräber A., Naake M., Walk H. Vernetzt und Verstrickt. Nichtregierungsorganisationen als Gesellschaftliche Produktivkraft. Münster, 1997.

12. *Fahrenvald C., Feyerer J.* Zivilgesellschaftliche Öffnung des Lernraums Schule // *Erziehung & Unterricht*. Schwerpunkt Ausgabe zum Thema Bildungslandschaften. Wien, 2016.

13. *Kneer G.* Zivilgesellschaft // *Kneer G., Nassehi A., Schroer M.* Soziologische gesellschaftsbegriffe. Konzepte moderner Zeitgenossen. München, 1997.

14. *Seifer A., Zenter D., Nagy F.* Praxisbuch Service-Learning. «Lernen durch Engagement» an Schulen. Beltz Verlag. Weinheim und Basel, 2012.

Рукопись поступила в редакцию 31 октября 2019 г.

УДК 378.4 + 316.453 + 316.334.52

**Е. В. Кудряшова
С. Э. Сорокин**

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ КАК ЦЕНТРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ: РЕАЛИЗАЦИЯ «ТРЕТЬЕЙ МИССИИ»

Предметом исследования является роль федеральных университетов в инновационном развитии российских регионов. Проблема рассматривается через призму теоретических подходов к осмыслению «третьей миссии» университетов. Выделяются особенности федеральных университетов как участников региональных социально-экономических процессов. На основе примеров инновационной деятельности федеральных университетов обозначаются механизмы участия университетов в инновационном развитии регионов, такие как создание объектов инновационной инфраструктуры, обеспечение перспективных технологических проектов кадровыми ресурсами, развитие прикладных исследований, целевая подготовка кадров, генерация малых инновационных предприятий и ряд других. Определяются ключевые проблемы организации этого процесса и предлагаются пути их решения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: университет, федеральный университет, миссия, «третья миссия», инновации, регион, «тройная спираль».

Вызовы современного общества ставят новые задачи перед традиционными социальными институтами, которые переживают процесс поиска форм деятельности и способов взаимодействия для достижения целей своего развития.

К таким институтам можно отнести в том числе и университеты, которые сегодня переосмысливают фундаментальные принципы деятельности, определяя свою миссию и место в социуме.

Они призваны стать лидерами изменений, драйверами развития экономических и социальных процессов, но при этом сами должны меняться, не отходя от основ своего существования.

На протяжении своей длительной истории университет неоднократно переживал процесс серьезных преобразований, пересматривал свою общественную миссию и задачи.

Проблема осмысления миссии университетов, практически сразу после их появления, выступала предметом серьезных научных дискуссий, которые расширялись по мере усиления роли университетов в обществе.

Как отмечает М. А. Колотыло, «в контексте постиндустриальной эпохи значимость... университета существенно возрастает, что связано со способностью образовательной институции содействовать преодолению глобального аксиологического кризиса современности путем интеграции в социально-политические, экономические и культурные структуры общества» [5, 114].

По мнению Е. В. Строгоцкой, «определение своей миссии образовательным учреждением сегодня — это ответ на необходимость выживать в условиях быстрых перемен, все возрастающей прагматики, распространения на все сферы жизни человека правил рынка, стремительной социальной дифференциации и фрагментации общества, это и поиск своего особенного в ряду других учреждений высшего образования» [10, 69].

Точно определенная миссия университета посылает четкие сигналы как во внешнюю, так и во внутреннюю среду, в которой находится университет. Она дает представление о том, чем на сегодняшний день является университет, каким он видит себя в обозримом будущем и каким образом будет происходить процесс перехода.

В этой связи миссия университетов, их новая роль в развитии современного общества являются сегодня темой научных дискуссий, которые привели к пониманию того, что, кроме «традиционных» образовательной и научной, университеты призваны нести и «третью» миссию, связанную с участием университетов в жизни общества.

Сегодня многие вузы вовлечены в экономическую, социальную, культурную жизнь своего города, региона, макрорегиона, страны в целом, они развиваются в синергетической взаимосвязи с обществом.

Это означает, что университету необходимо вырабатывать свою стратегию с учетом особенностей взаимодействия с территориальными органами власти, местным сообществом и другими региональными стейкхолдерами. А регион, на территории которого находится университет, получает серьезный ресурс, способный стать драйвером его инновационного развития. Именно поэтому возникло понимание «третьей миссии» университета. Ее параметры до конца не определены. Наиболее распространенным является ее понимание в контексте трех компонентов — социального, предпринимательского и инновационного [16, 196].

Предпринимательский компонент связан с деятельностью университета по коммерциализации интеллектуальных ресурсов [12]; социальный — с программами и проектами, реализуемыми университетом на территории региона в интересах местного сообщества [4, 10]; инновационный предполагает внедрение научных разработок в производство [11, 190].

Интерпретация понятия «третья миссия» зависит от понимания тем или иным университетом своей роли и сущности в динамично развивающемся, постоянно меняющемся обществе и мире. Очевидно, что в этой ситуации необходимо выделить сущностные характеристики и составные элементы «третьей миссии».

Рассматривая данный вопрос, исследователи часто анализируют проект Европейской комиссии, посвященный проблеме «третьей миссии».

По их мнению, реализация «третьей миссии» связана с «генерированием, использованием, практическим применением, получением выгоды от знаний и других ресурсов университета (помещения, техника) за пределами традиционной (классической) академической среды» [13]. «Третью миссию» они понимают как «совокупность специфических услуг, основанных на действиях и возможностях, которые служат во благо общества» [15, 49].

Для отображения расширяющегося сотрудничества промышленности, власти и университетов Х. Ицковиц и Л. Лейдесдорф используют модель «тройной спирали». В рамках предложенной ими концепции университеты являются важными акторами в процессе производства нового знания, а «третья миссия» становится ключевой в становлении университета как предпринимательской структуры [14, 6].

Н. А. Медушевский и О. В. Перфильева в качестве содержательных компонентов «третьей миссии» университетов выделяют передачу технологий (создание технопарков; интеграция в производственные кластеры; R&D, имеющие своей целью инновации и развитие технологий), социальные обязательства (взаимодействие с обществом, регионом, НПО, направленное на содействие социальному развитию) и обучение в течение всей жизни (переподготовка кадров, повышение квалификации, тренинги) [6, 23].

Мы полагаем, что «третью миссию» (роль) университетов следует трактовать как стратегию, основанную на действиях в таких направлениях, как непрерывное образование, трансфер технологий и развитие инноваций, вовлеченность университетов в социальную жизнь.

Принимая во внимание различные подходы к определению понятия «регион», такие как «социально-экономическая пространственная целостность, характеризующаяся структурой производства всех форм собственности, концентрацией населения, рабочих мест, духовной жизни человека, имеющая местные органы управления своей территорией» [2], «определенная территориально-пространственная форма организации производства и субъекта, обладающего необходимыми властными полномочиями, определенной социокультурной инфраструктурой, скрепляющей целостность среды обитания человека на данной территории» [7] и др., в рамках данного исследования мы будем понимать под регионом административно-территориальную единицу — субъект Российской Федерации в лице органов власти, социально-экономических субъектов и населения.

В основе реализации «третьей миссии» лежит работа университета по улучшению жизни региона и местного сообщества, их заинтересованность в динамичном развитии территории, на которой он находится [3].

Что же получает университет от этой работы? Во-первых, он формирует стабильную, предсказуемую социальную среду, в которой возможно выстраивание долгосрочных стратегий развития. Во-вторых, становится привлекательным для абитуриентов, которые могут быть уверены в том, что получаемые ими знания

будут востребованы в экономике региона. В-третьих, дает важные социальные компетенции для обучающихся, которые вовлекаются в реальные процессы в экономике и социальной сфере своего города или области [1].

Со своей стороны регион в лице вуза, выполняющего «третью миссию», получает надежного партнера, способного принять участие в реализации стратегии, оказывать необходимые социальные услуги, готовящего нужные для экономики и социальной сферы кадры.

По мнению А. Волкова и Д. Мельник, выделяются три типа университетов, появившихся за последние 20–30 лет, переформатировавших ландшафт высшего образования: глобальные университеты (они являются стандартом качества, их лидеры задают направление дискуссии о высшем образовании); регионообразующие университеты; экспериментальные университеты (если не будут возникать новые университеты, работающие по новым моделям, система образования будет оставаться инерционной) [9].

К регионообразующим можно отнести, например, федеральные университеты. Эта группа вузов, по мнению А. Волкова, должна заниматься в первую очередь, согласно названию, регионообразованием. Это значит, что университет имеет проактивную позицию во взаимодействии с региональными индустрией и правительством, принимает участие в разработке стратегии и берет на себя часть ответственности за развитие региона. Регионообразующие университеты должны быть порталом, по которому идеи с глобального уровня переходят на региональный. Для этого нужно, чтобы у них самих были интересные исследовательские, R&D и образовательные предложения для партнеров за пределами региона.

Понимание необходимости включения университетов в процессы социального, экономического и политического развития страны и ее регионов послужило одним из оснований создания многоуровневой системы организаций высшего образования, которая включила в себя национальные, федеральные, национальные исследовательские и опорные вузы.

Безусловно, каждый университет по-своему подходит к определению своей роли в региональном развитии. Так, для федеральных университетов приоритетным является решение стратегических задач развития макрорегионов или государства в целом, и их деятельность напрямую не направлена на конкретный субъект Федерации. С одной стороны, это создает противоречие в интересах, а с другой — позволяет участвовать в развитии того региона, в котором территориально находится университет, на более высоком уровне.

По мнению ряда исследователей, несмотря на то, что федеральные университеты в своих программах развития в качестве ключевых задач обозначают вопросы развития макрорегионов (Арктика, Дальний Восток, Северный Кавказ и др.), именно они сегодня обладают необходимыми возможностями для активного участия в жизни тех субъектов Российской Федерации, на которых они территориально расположены. Это вызвано следующими факторами:

1. Федеральные университеты создавались, как правило, путем объединения двух или более крупных учебных заведений субъекта Федерации. В результате этого они не только стали многочисленными организациями, имеющими в своих

рядах десятки тысяч студентов и преподавателей, но и значимыми экономическими субъектами — крупными налогоплательщиками, собственниками земли, зданий, сооружений.

2. Федеральная подчиненность университетов, назначение их ректоров Председателем Правительства Российской Федерации, особое внимание к ним со стороны Президента выводит их из «подчиненного» положения по отношению к главам субъекта Федерации, что способствует формированию отношений партнерства, а не иерархической вертикали.

3. На цели реализации программ развития федеральных университетов были направлены значительные финансовые средства, которые позволили сформировать материально-техническую базу как для создания продуктов научной деятельности и их последующей коммерциализации, так и для решения социальных задач. Часть этих средств так или иначе влилась в экономику региона; также можно ожидать и долгосрочных эффектов в виде более качественной подготовки кадров, значимых научных открытий, новых социальных технологий, развития гражданского общества.

4. Статус федерального университета позволяет использовать его базу для проведения крупных мероприятий федерального и международного уровня, которые, безусловно, работают на улучшение имиджа и повышение инвестиционной привлекательности региона.

5. Ориентация федеральных университетов на решение государственных, а зачастую и геополитических задач трансформирует социально-экономическую повестку дня регионов, на территории которых они располагаются. Это вынуждает регионы перестраивать стратегии своего развития с учетом этих глобальных задач. Таким образом, федеральные университеты кардинально меняют масштаб «амбиций» региона.

Субъекты Российской Федерации, на территории которых расположены федеральные университеты, значительно отличаются друг от друга потенциалом инновационного развития.

Так, в ежегодном рейтинге инновационных регионов за 2018 год, составленном Ассоциацией инновационных регионов России, в первую двадцатку входят три региона, в которых располагаются федеральные университеты: Республика Татарстан (2-е место), Свердловская область (14-е место), Красноярский край (20-е место), в первые пятьдесят — еще пять: Ростовская область (27-е место), Ставропольский край (33-е место), Архангельская область (37-е место), Якутия (45-е место), Калининградская область (47-е место) [8].

В показатели рейтинга входят ряд позиций, которые непосредственно связаны с деятельностью университетов, к примеру, «численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования по отношению к численности населения», «численность исследователей по отношению к численности населения», «число патентных заявок на изобретения, поданные в Роспатент национальными заявителями, по отношению к численности экономически активного населения», «число статей, опубликованных в журналах, индексируемых в Web of Science, по отношению к численности исследователей», «число

статей, опубликованных в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ, по отношению к численности исследователей».

Все это говорит о необходимости усиления роли федеральных университетов в инновационном развитии регионов и необходимости интеграции с субъектами РФ. На решение этих задач в том числе направлены программы развития федеральных университетов.

Проведенное в 2017 г. исследование, посвященное участию федеральных университетов в трансформации регионов [3], показало, что оно включает в себя три направления — технологическое, инновационное и социальное.

В соответствии с показателями инновационного развития субъектов РФ можно сделать вывод, что направления трансформации, выделенные университетами, соответствуют стратегиям развития субъектов и направлены на развитие науки и инноваций данного конкретного региона. В качестве основных направлений инновационной трансформации во всех федеральных университетах были отмечены развитие элементов инновационной инфраструктуры, реализация инновационных проектов, работа с инновационными фондами, создание малых инновационных предприятий с участием университета, инновации в образовании.

За последние несколько лет всем федеральным университетам пришлось произвести структурные изменения, направленные на включение в инновационную, технологическую и социальную трансформацию региона.

Рассмотрим формы участия в инновационном развитии регионов на примере ряда федеральных университетов.

Так, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина инициировал создание Агентства инновационно-технологического развития Свердловской области, результатом работы которого должны быть проекты технологического развития предприятий, основанные на разработках университета, и подготовка кадров, включая работу с талантами. В настоящее время университет развивает более 80 инновационных проектов, в том числе осуществляемых в партнерстве с крупными промышленными предприятиями и корпорациями. Инновационная инфраструктура вуза включает в себя инновационно-внедренческие центры, малые инновационные предприятия и подразделения системы поддержки развития наукоемкого предпринимательства. Комплекс инновационно-внедренческих центров создан для изготовления опытных образцов и партий инновационной продукции. Он выполняет заказы как малых инновационных предприятий с участием университета, так и сторонних партнеров. Специальный проект УрФУ «Инновационный дайвинг» предназначен для молодежи, которая хочет попробовать себя в создании и реализации инновационных бизнес-проектов. С 2010 г. в рамках «дайвинга» было отобрано более 500 таких проектов. При Уральском федеральном университете действуют и развиваются 75 малых инновационных предприятий.

В 2016–2017 гг. в Балтийском федеральном университете им. И. Канта появилось девять Ресурсных центров практической подготовки специалистов на базе организаций и предприятий региона.

Активизирована деятельность по выстраиванию системы «инновационного лифта» для бизнес-проектов, связанных с реализацией новых технологий и продуктов, а также по формированию структуры «предпринимательского университета». На площади научно-технологического парка «Фабрика» одним из первых в России создан детский технопарк «Кванториум» — площадка для выращивания инженерно-технических кадров с детского возраста, генерации наукоемких проектов и продуктов.

В рамках трансформации университета была создана структура, отвечающая за развитие связей с индустриальными партнерами и подготовку инфраструктурных проектов развития, — Центр развития технологического предпринимательства и инновационных проектов.

Для решения актуальных задач инновационного, технологического и социального развития макрорегиона в Северо-Восточном федеральном университете работает Арктический инновационный центр — многоотраслевой научно-инновационный образовательный комплекс, в задачи которого входят формирование культуры стартапов и венчурных инвестиций в Республике Саха (Якутия), установление партнерских отношений с бизнесом и институтами развития, создание максимально благоприятных условий для инновационной деятельности сотрудников, студентов и аспирантов СВФУ. На сегодняшний день в Арктическом инновационном центре СВФУ насчитывается 23 малых инновационных предприятия, занятых в сфере выпуска высокотехнологичной продукции.

В целях закрепления достигнутых в рамках реализации первого этапа Программы развития началось формирование кластерной модели университета, в структуре которой предусмотрено создание инновационно-технологического центра «Энергоэффективные строительные материалы»; испытательного центра «ЯКУТСК-ЭКСПЕРТ»; лаборатории «Графеновые нанотехнологии»; медицинского кластера «Медицина Арктики», кластера арктических инноваций на базе Арктического инновационного центра. Кластер объединяет Центр интеллектуальной собственности, Центр коллективного пользования научным оборудованием, Центр маркетинга инноваций и управления проектами, студенческий бизнес-инкубатор «Орех», Научно-образовательный центр Геотехнологии Севера им. М. Д. Новопашина, пять лабораторий.

В основе формирования инновационной инфраструктуры Северо-Кавказского федерального университета лежит длительное взаимодействие с промышленными предприятиями региона и реализация серии совместных проектов с организациями — стратегическими партнерами: ПАО «Сигнал», ОАО «Концерн Энергомера», ОАО «МРСК Северного Кавказа», Группа компаний «Стилсофт», ОАО «Электроавтоматика», ОАО «Невинномысский Азот», ОАО «Молочный комбинат «Ставропольский», ОАО «Ставропольский инструментальный завод», ГУП СК «Ставрополькоммунэлектро» и др.

Системный подход к трансферу технологий и компетенций позволяет формировать базу объектов интеллектуальной собственности разной степени готовности к коммерциализации, организовывать их «упаковку» и передачу в производство, а также способствует формированию вокруг университета пояса малых

предприятий. Ежегодно сотрудники и обучающиеся представляют проекты более чем на 100 инновационных мероприятиях, проводимых в Российской Федерации и за рубежом («ВУЗПРОМЭКСПО», «Открытые инновации», «GenerationS», «ВУЗПРОМФЕСТ», «Startup Village», «Hannover messe», «Inventions de Geneve», «Мир биотехнологии», «UpGrid» и др.).

В рамках инновационной трансформации в Северном (Арктическом) федеральном университете им. М. В. Ломоносова (САФУ) получила дальнейшее развитие и совершенствование научная инфраструктура университета, включающая инновационно-технологические центры «Арктические нефтегазовые лабораторные исследования» и «Современные технологии переработки биоресурсов Севера», центр коллективного пользования научным оборудованием «Арктика», лабораторию Арктического биомониторинга.

САФУ является активным участником реализации кластерной политики в регионе и вовлечен в работу лесопромышленного инновационного территориального кластера Архангельской области «Поморинновалес», судостроительного инновационного территориального кластера, социального кластера Архангельской области. В разработке находятся проекты по созданию при участии университета рыбопромышленного кластера и кластера биоресурсов и биотехнологий Архангельской области.

На базе университета создан технопарк, который оказывает услуги по техническому консультированию, административной и бизнес-поддержке, предоставляет коворкинг-пространство, доступ к инфраструктуре университета и иные виды содействия инновационным проектам и стартапам. В университете существует биржа патентов, предоставляющая возможность их обладателям найти партнеров для внедрения результатов научных разработок, а предприятиям и организациям — технологии и решения для производства и бизнеса.

Похожие формы работы можно встретить и в других федеральных университетах, которые активно развивают инновационное направление своей деятельности, становясь важным элементом инновационного развития региона своего местонахождения.

На основе проведенного анализа можно выделить наиболее эффективные механизмы участия университетов в инновационном развитии регионов:

- создание объектов инновационной инфраструктуры для проектирования полного жизненного цикла наукоемкой продукции в отраслевых сегментах с учетом решения задач импортозамещения и региональной специфики;
- обеспечение перспективных инновационно-технологических проектов кадровыми и материально-техническими ресурсами;
- маркетинговое и организационно-экономическое сопровождение продвижения инновационных проектов;
- развитие прикладных исследований, НИОКР по созданию новых видов продукции и технологий производства на основе комплексного использования научно-технологических компетенций университетов и потенциальных заказчиков;
- целевая подготовка кадров, отвечающая потребностям рынка авиационной, космической, морской, оборонной и других отраслей промышленности;

- продвижение интеллектуальной собственности и реверсивный инжиниринг и трансфер технологий на мировом рынке высокотехнологичной продукции;
- генерация малых инновационных предприятий в соответствии с федеральным и региональным законодательством;
- развитие перспективных форм государственно-частного партнерства как в рамках развития инновационной инфраструктуры, так и в реализации научно-технологических проектов и инжиниринговых услуг;
- проектная деятельность университетов и предприятий в рамках государственного субсидирования затрат предприятий на НИОКР.

Однако при взаимодействии с региональными органами исполнительной власти, предприятиями экономики региона, некоммерческими организациями в рамках реализации программ трансформации у федеральных университетов возникает ряд проблем. Одной из них является отсутствие эффективной системы анализа рынка труда, потребностей экономики в специалистах, заказа на их подготовку для университетов. Другая проблема — недостаточное взаимодействие университетов и работодателей, которые не всегда заинтересованы вкладываться в сферу образования. Государство не предоставляет налоговые льготы для предприятий, инвестирующих в подготовку специалистов, отсутствует законодательная поддержка участия работодателей в образовательной деятельности; долгосрочных программ кадровой политики предприятий и организаций региона.

Особенности организации бюджетного процесса не дают возможности федеральным образовательным организациям высшего образования получать прямое финансирование из региональных бюджетов.

Порой наблюдается недостаточная заинтересованность хозяйствующих субъектов региона в технологической модернизации собственных производств и соответственно их кадровом обеспечении. Также влияние оказывает низкая доля оборотных средств предприятий на разработку и адаптацию современных технологических решений.

По-прежнему недостаточно развито продвижение научными работниками и преподавателями университетов своих компетенций и разработок для внедрения на производстве. Как правило, это происходит за счет личных связей и возможностей отдельных сотрудников.

Также отсутствует системная работа по продвижению вузов как поставщиков наукоемких услуг и технологических сервисов для реального сектора.

Пока не формализован статус базовых кафедр и отсутствует порядок их создания в университетах. Отсутствуют возможности освобождения от арендной платы и коммунальных платежей оборудования, передаваемого предприятиями университетам.

Существует сложность организации сотрудничества вузов и промышленных предприятий в контексте осуществления совместной деятельности по созданию наукоемких производств высокотехнологичной продукции посредством предоставления образовательным и научным организациям, созданным в форме некоммерческой организации, возможности заключения договоров простого товарищества, в том числе в предпринимательских целях.

В этой связи необходимо внесение изменений в стратегические законодательные акты субъектов РФ и Российской Федерации, которые необходимы для реализации инициатив университетов как центров инновационной трансформации регионов. Многие из них связаны с решением для дотационных регионов вопросов включения расходных статей бюджета на поддержку федеральных университетов, находящихся на их территориях (а также заказов в них НИОКР), с упрощением федеральных правовых актов (в части создания ресурсных центров), возможностью предусмотреть специальный региональный порядок их использования. Существует потребность в упрощении порядка создания и ликвидации малых предприятий, а также компаний, создаваемых университетами (в том числе и созданных в рамках государственной поддержки), а также предоставлении льгот по уплате налога на прибыль для наукоемких и инновационных предприятий, освобождении от части налогов малых предприятий, созданных студентами, магистрами и аспирантами.

На данный момент прослеживается проблема отсутствия нормативно-правовой базы, регулирующей взаимоотношение потенциальных участников рынка инновационной продукции, патентные и лицензионные требования. Важным вопросом является разработка нормативно-правовой базы, регулирующей взаимодействие участников инновационных рынков между собой.

Теоретические и эмпирические исследования позволяют сделать вывод о том, что современные университеты (включая национальные, федеральное, национальные исследовательские и региональные опорные) имеют все необходимые предпосылки для того, чтобы становиться влиятельными акторами в региональной политической жизни, не ограничивая сферу своего участия в ней традиционными формами, а генерируя новые направления взаимодействия с органами государственной власти, бизнесом, населением.

При этом регионы получают новый институт развития, на который можно опираться при реализации социально-экономической политики, которому можно передать выполнение определенного спектра задач не только в образовательной, научной сферах, но и в области социального взаимодействия, апробирования и внедрения новых социальных технологий.

В связи с этим необходимы учет взаимных интересов и потребностей регионов и университетов, выстраивание единой стратегии развития, тесная совместная работа, направленная на достижение общих целей и задач.

1. *Бахмин В. И.* Вузы и местные сообщества — инструмент инновационного развития регионов: Аналитический обзор. 29 августа 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://civil-forum.ru/news/vuzy-i-mestnye-soobshchestva-instrument-innovatsionnogo-razvitiya-regionov-analiticheskiy-obzor-vyach.html?sphrase_id=1807 (дата обращения: 08.08.2019).

2. *Бильчак В. С., Захаров В. Ф.* Региональная экономика : моногр. Калининград, 1998.

3. *Бугаенко О. Д., Кудряшова Е. В.* Третья миссия университетов и их роль в развитии регионов // Федеральный университет как центр инновационной, технологической и социальной трансформации регионов Российской Федерации: круглый стол (Белгород, 13–14 декабря 2017 г.) / под общ. ред. Ю. В. Кудряшова ; Сев.(Арктич) федер. ун-т. Архангельск, 2017.

4. Головки И. В., Зиневич О. В., Рузанкина Е. А. Третья миссия университета и модель многопользовательского управления для регионального развития // *Comparative politics. Russia*. 2018. Vol. 9, № 1. С. 5–17.
5. Колотыло М. А. Методологические основания исследования миссии университета в современной философии образования: парадигмальный подход. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики // Тамбов, 2015. № 2(52) : в 2 ч. Ч. 2. С. 111–115.
6. Медушевский Н. А., Перфильева О. В. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // *Вестн. РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»*. 2016. № 3. С. 19–31.
7. Региональная экономика : учеб. для вузов / Т. Г. Морозова, М. П. Победина, Г. Б. Поляк и др. ; под ред. проф. Т. Г. Морозовой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
8. Рейтинг инновационных регионов России-2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://i-regions.org/images/files/airr18.pdf> (дата обращения: 08.08.2019).
9. Современный университетский регистр: как изменить дизайн системы высшего образования в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3635939> от 22.05.2018 (дата обращения: 08.08.2019).
10. Строецкая Е. В. Идея и миссия современного университета // *Вопр. образования*. 2009. № 4. С. 67–81.
11. Щелкунов М. Д. Университеты нового поколения // *Вестн. экономики, права и социологии*. 2017. № 1. С. 187–192.
12. Clark B. *Creating Entrepreneurial Universities: Organization Pathways of Transformation*. Guildford, UK, 1998.
13. E3M-Project. Green Paper «Fostering and Measuring Third Mission in Higher Education Institutions» [Electronic resource]. URL: <http://www.e3mproject.eudocs/Green%20paper-p.pdf> (accessed: 08.08.2019).
14. Etzkowitz H., Leydensdorff L. Introduction: Universities in the Global Knowledge economy // Etzkowitz H., Leydensdorff L. (Eds.) *Universities and the global knowledge economy: A triple helix of university-industry-government relations*. L., 1997. P. 1–8.
15. Marko Marhl, Atilla Pausist. Third Mission Indicators for New Ranking Metodologies // *Evaluation in Higher Education* 5 : 1 (June 2011). P. 43–64.
16. Montesinos P., Carot J.-M., Mora F. Third Mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research // *Higher Education in Europe*. 2008. Vol. 33 (2–3). P. 195–199.

Рукопись поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

НЕСТАНДАРТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ОЦЕНКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РЕКЛАМНОГО СООБЩЕСТВА ЕКАТЕРИНБУРГА

В статье рассматриваются особенности нестандартных рекламных медиа, формирующихся в современных условиях измененной медиареальности. Новым и малоизученным в современной России социокультурным феноменом является Ambient media, встраиваемое в окружающее пространство. Данный феномен рассматривается с позиции структурно-функционального анализа и теории когнитивного диссонанса. Автором проведено глубинное интервью с представителями рекламного сообщества Екатеринбурга ($N = 22$), в ходе которого определено отношение экспертов к нетрадиционным медиа, выделены критерии классификации современных рекламных медиа и их преимущества — социокультурные, коммуникативные и психологические. Исследование зафиксировало высокую жизнеспособность нетрадиционных форм рекламы в целом и выявило причины минимального уровня реализации Ambient-проектов в Екатеринбурге.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ambient media, рекламная коммуникация, нестандартные медиа, медиареальность, социокультурные изменения.

Введение в исследовательскую проблему

Современные рекламные медиа существуют в новой медиареальности, оказывающей значительное влияние на образ жизни социальных групп и индивидов. Они способны трансформировать мировоззрение и образ жизни человека. Более того, под воздействием новых медиа формируется иное социокультурное пространство. Современные медиа более не ограничены средствами массовой информации (СМИ). Сегодня к ним мы можем отнести любых посредников в коммуникации человека с окружающим его социальным миром, таких как власть, право, любовь, искусство, деньги, город [2].

Таким образом, актуальной задачей для медиа на сегодняшний день является поиск того особого языка коммуникации, который позволит выстроить эффективную коммуникацию с потребителем в постоянно изменяемом социокультурном пространстве.

Причины возникновения новых нетрадиционных рекламных форм могут быть объяснены свойствами коммуникации, указываемыми Н. Луманом, такими как информационная перенасыщенность и непрерывность, характерные для информационной эпохи [3]. По статистическим данным 2015 г., в США на рекламу было потрачено 160 миллиардов долларов. Таким образом, по подсчетам исследователей, в среднем на 1 человека приходится 1500 контактов с рекламным сообщением ежедневно [5]. Это объясняет факт того, что приемник информации в эпоху расцвета информационного общества подвергается процессам медиаинфляции.

Избыток информации приводит к неэффективности и нестабильности всей системы рекламных коммуникаций, побуждая индивида искать различные способы защиты от излишней надоевшей информации. Неясно, принимается ли сообщение реципиентом или оно отклоняется. «Оказывается, что существует очень много, необозримо много участников, так что нельзя установить, мотивирует ли их коммуникация к чему-либо» (Луман) [3]. Именно поэтому нетрадиционные медиа находятся в поиске новых эффективных форм рекламной коммуникации.

Социологическое исследование нетрадиционных рекламных коммуникаций затруднено тем фактом, что определить сущность нестандартных коммуникаций оказывается сложно даже представителям профессионального рекламного сообщества. Необходимо выявить критерий различия стандартных и нестандартных форм рекламы, который бы соответствовал современному восприятию реальности. Нам представляется, что традиционные медиа подчинены ожидаемой и устоявшейся модели восприятия коммуникации субъектами. Эта модель базируется на уже полученном рекламном опыте. Именно он помогает потребителю рекламного продукта не только понять смысл рекламного сообщения, но и узнавать рекламу по ее конкретному пространственному расположению. Потребитель заранее осведомлен о появлении рекламных блоков и сообщений, и, таким образом, в его сознании закрепляются стереотипные формы восприятия рекламы.

Нетрадиционные медиа, в отличие от традиционных, идентифицируются потребителем как необычные и новые для его рекламного опыта. Индивиды не подвергаются постоянному воздействию подобных рекламных форм.

В фокусе нашего исследования — новый вид нетрадиционной рекламной коммуникации: *Ambient media*. Это рекламные сообщения, ненавязчиво встроенные в окружающую среду, каналами распространения которых становятся привычные потребителю объекты повседневности — остановки общественного транспорта, эскалаторы, скамейки, мусорные баки, парковые насаждения.

Ambient media участвует в формировании комфортной, самостоятельно моделируемой индивидом среды. Рекламное сообщение, естественно встраиваемое в окружающую среду, а не навязанное извне, преобразует городскую среду в устойчивую и безопасную.

Высокую степень восприятия и интереса, которые вызывает взаимодействие потребителя с *Ambient media*, можно обосновать теорией когнитивного диссонанса Л. Фестингера [4]. Рекламуемый объект, во-первых, помещается в неожиданное и нетрадиционное для него место, что вызывает диссонансные связи между установками и восприятием индивида. Во-вторых, субъект оказывается в ситуации расхождения между ожидаемой последовательностью когнитивных элементов (гуляя по парку, видим кусты) и реально происходящим (куст путем помещения его в центр фотографии женского лица превращается в пышную женскую прическу). И. Л. Викентьев предлагает применять в аспекте коммуникаций термин «модель экспериментального невроза» [1, 161]. Иными словами, это искусственно созданный когнитивный диссонанс, который достигается тем, что в *Ambient media* наблюдается намеренное рассогласование между стереотипными представлениями индивида и окружающей его реальностью.

Любой диссонанс ведет к стрессу и напряжению и, следовательно, к попытке социального субъекта уменьшить вызванный дискомфорт путем поиска причин, вызывающих его. В коммуникативном аспекте это означает, что диссонанс, вызванный рекламным сообщением, послужит стимулом для привлечения внимания субъекта и побуждения к разрешению диссонанса. Разрешением станет когнитивная работа субъекта по распознаванию знаков и смыслов сообщения.

Более того, в Ambient media каналом коммуникации становится сама среда. Перефразируя Мак-Люэна, наиболее значимым для Ambient-коммуникаций становится принцип «media-be-the-message»: «среда становится сообщением» [2], в отличие от принципа, характерного для традиционных медиа: «message-is-the-message» — «сообщение есть сообщение». Индивид получает информацию в знакомых местах, связанных с его повседневными практиками. Таким образом, растворенное в среде повседневности, такое сообщение невозможно игнорировать. Примеры того, как сама среда становится сообщением, мы и находим в Ambient-формах: реклама страховой компании на куриных яйцах, газированная вода в городском фонтане.

Так, именно в Ambient-коммуникациях мы наблюдаем точное контекстное соответствие рекламного сообщения окружающей среде, в которую оно встроено. Окружающая среда становится контекстуальным сигналом для доставки рекламного сообщения. Медиа и среда существуют в контекстном взаимодействии, они не должны противоречить друг другу.

Доказано, что Ambient media как новый вид коммуникации во всех смыслах вписан в городское пространство стран Европы и США [7]. Однако для современной России Ambient media является новым трендом в социокультурном пространстве российских городов. Несмотря на положительные оценки СМИ об Ambient media как наиболее значимом средстве офлайн-коммуникации на сегодняшний день, а также несмотря на экспертное мнение специалистов-практиков о высокой эффективности и уровне восприятия этого вида рекламы [8, 9], Ambient-коммуникации редко встречаются в среде даже крупных городов России. Чтобы использовать такой коммуникативный ресурс, необходимо и всестороннее теоретико-методологическое изучение данной темы, и детальное социологическое исследование Ambient media в отношении и оценке данного феномена экспертным рекламным сообществом и общественностью в целом.

Методы и методология исследования

Целью нашего исследования стало изучение отношения представителей рекламного сообщества Екатеринбурга к нетрадиционным формам рекламной коммуникации, прежде всего к инновационной и малоизученной Ambient media.

Исследования, посвященные подобной проблеме, в России до настоящего времени не проводились. В 2014 г. в Германии были проведены количественные исследования отношений потребителей к Ambient media, которые зафиксировали субъективное восприятие индивидов новой формы рекламы [6]. В 2016 г. группой американских ученых (А. Шелтон, Л. Войцеховский и Дж. Варнер) проведены

качественные социологические исследования [10]. Выборку составили специалисты по рекламе, маркетингу и PR рекламных агентств региона Нью Ингленд, США. Исследование было нацелено на определение ценности Ambient media для потребителей, на выявление отношения специалистов по коммуникациям к Ambient media как к жизнеспособной форме рекламы, а также на определение того сектора рекламного сообщества, который ответствен за разработку Ambient-стратегий. Авторы исследования постулируют, что границы Ambient media открыты для научной дискуссии, они заинтересованы в расширении географии изучения восприятия Ambient media в различных социокультурных средах для возможного сравнительного межкультурного исследования этой проблемы.

В июне – июле 2019 г. в Екатеринбурге нами было проведено социологическое исследование с использованием качественной стратегии методом глубинного интервью ($N = 22$). Экспертами выступали практикующие специалисты в области креатива и стратегического планирования рекламных кампаний, размещения наружной рекламы, ивент-маркетинга, PR со статусом руководителя рекламного агентства или отдела. По гендерному составу: 50 % мужчин и 50 % женщин в возрасте от 27 до 50 лет. Гайд интервью состоял из 15 вопросов, направленных на изучение знания, отношения и оценок рекламными экспертами нетрадиционных форм рекламных коммуникаций, а также на понимание сущности Ambient media и степени практического применения данной коммуникации в Екатеринбурге.

Социокультурный феномен Ambient media рассматривается в статье с позиции структурно-функционального анализа и в контексте концепции когнитивного диссонанса. Данные подходы позволяют проанализировать феномен нетрадиционных коммуникаций как многогранный и многоаспектный.

Результаты исследования

Представители рекламного сообщества Екатеринбурга очень четко разграничивают для себя традиционные и нетрадиционные формы рекламных коммуникаций, они демонстрируют понимание сущности обеих форм, однако испытывают сложность в точном их определении. «Традиционные – нетрадиционные – это странная дихотомия, коммуникации не определяются инвентарем. На сегодняшний день все непросто. Реклама может превращаться в “нерекламу” и наоборот. Скорее нужно вести речь не о традиционности, а о возможности распознавания кодов» (Евгений, директор рекламного агентства).

Также исследование выявило особенности восприятия экспертами традиционных и нетрадиционных коммуникаций. Восприятие традиционной рекламы ассоциируется информантами с устоявшимися системными элементами рекламной деятельности: медиаплан, прайс, повестка. Традиционные рекламные коммуникации ассоциируются с базой, с основой, с теми инструментами рекламы, которые можно купить, которые проверены и предсказуемы. «Традиционная реклама – это то, что попадает в медиаплан, то, что мы сможем выполнить в понятной нам системе координат. Это то, что апробировано, проверено на опыте» (Екатерина, директор коммуникационного агентства).

Определение нетрадиционных рекламных коммуникаций на сегодняшний день вызывает явную сложность у представителей профессионального сообщества. «Что такое нетрадиционные, нестандартные рекламные коммуникации, сказать становится с каждым днем все сложнее. Слишком быстро все меняется как в мире, так и в рекламной индустрии. Утром был нестандарт, а вечером уже стал стандартом, который все узнали и успели к нему привыкнуть. Для меня нестандартные коммуникации — это те, которые выбиваются из общего вида, то, что может удивить, на что обратят внимание» (Анна, директор клиентского сервиса рекламного агентства).

В ходе исследования были проанализированы факторы, которые, по мнению информантов, затрудняют оценку нестандартных коммуникаций. Такими факторами выступают, во-первых, недостаточный личный опыт разработки и реализации нестандартной рекламы экспертами; во-вторых, недостаточная осведомленность информантов об особенностях нетрадиционных форм в отличие от традиционных; в-третьих, динамично изменяемое коммуникативное пространство. В нем нетрадиционность в очень короткий временной период становится традицией благодаря быстроразвивающимся информационным технологиям.

Нами были конкретизированы особенности нетрадиционной рекламы, которые отметили информанты:

1. Нетрадиционная реклама является дополнением к базовой — традиционным устоявшимся формам. Это неосновная деятельность рекламных институтов, «вишенка на торте». «Если традиционная реклама составляет базу медиаплана, то нетрадиционные формы — это такие дополнительные “штуки” для привлечения внимания. Они не поднимут продажи и не войдут в медиаплан, потому что не укладываются в традиционные рамки. Они вообще нигде не прописаны. Но без них невозможно, скучно и нам, и клиентам» (Екатерина, директор рекламного агентства). «Нестандарты — это “язвочки”. Они разбегают унылую рекламную рутину. Да. Они не основные, но всегда будут. Иначе не будет развития креатива и движения вперед» (Владимир, креативный директор).

2. Нетрадиционные формы рекламы вырываются из привычного контекста, выделяются на фоне городской среды. Они используют новые формы, новые решения, новые каналы коммуникации, к которым не привыкли социальные субъекты. Эксперты использовали термины «хитрая реклама», «живая реклама», «непривычная реклама» в попытке оценить нетрадиционные коммуникации. «Это “хитрая” реклама, она как будто горит, переливается и не дает возможности пройти мимо и остаться незамеченной» (Стас, исполнительный директор агентства по наружной рекламе).

3. Нестандартная коммуникация реализуется на грани провокации для субъекта, часто используя громкие событийные поводы и информационные шумы. Поэтому этот вид коммуникации, как правило, оказывается на пике популярности у аудитории. Нестандарт — это коммуникации, которые улавливают современные настроения, символы, смыслы, значения и гибко реагируют на ожидания аудитории в восприятии нового, необычного, оригинального. «Это “вирус”,

который распространяется мгновенно. Не укладывается в традиционные рамки и становится “бомбой”. Всегда работает на пике внимания, я бы сказала, что это своеобразный хайп в рекламе» (Екатерина, директор рекламного агентства).

4. Нетрадиционные коммуникации на сегодняшний день представлены Ambient media. Часть информантов отождествляет Ambient и нестандартную рекламу. Они подчеркивают, что функционирование нетрадиционных коммуникаций происходит за пределами СМИ. Многие полагают, что Ambient media не является медийной рекламой. «Нетрадиционные рекламные коммуникации. Для меня это прежде всего Ambient, нестандартные решения в среде. Такую рекламу делает в нашем городе “Стенография”» (Андрей, арт-директор банка).

Полученные в ходе исследования данные позволили выделить основные критерии классификации современных рекламных медиа. Основная доля респондентов определяет уникальность в качестве критерия отличия нетрадиционных медиа от традиционных. «Почему это прикольно и обязательно привлечет ваше внимание? Потому что это эксклюзив. Такого вы нигде больше не увидите» (Стас, исполнительный директор агентства по наружной рекламе). Другим критерием отличия были названы новизна коммуникации и ее нетиражируемость. Нетрадиционная реклама представляется единичным, штучным продуктом, который невозможно повторить. Это реклама, которая ищет себя в новых формах, новых решениях, не использованных рекламным сообществом ранее. «Нестандарты отличаются тем, что не часто встречаются, это штучный продукт. Не с кем конкурировать за внимание. Кто первый, тот и получает все — внимание, интерес, известность. Новизна — вот главный критерий отличия. Что для этого надо? Развивать технологии и адаптировать старые формы» (Ольга, директор PR-агентства). Еще одним критерием является невозможность регламентации нетрадиционных коммуникаций. На них не существует прайса, таким образом, они документально не зафиксированы и не вписаны в формальные рамки. «Нестандартные формы не регламентированы. Вы видели где-нибудь прайс на них? Нет, его не существует. Если смотреть документы, законы о рекламе — нестандартов у нас как будто не существует. Их невозможно регламентировать, невозможно закрепить за ними стоимость, ведь они все время разные» (Татьяна, директор агентства по наружной рекламе).

Далее следует перейти непосредственно к оценке Ambient media. Если определение нетрадиционных форм рекламы в целом вызвало у представителей профессионального рекламного сообщества значительные затруднения, то определение Ambient media были даны сразу и сформулированы четко, что свидетельствует о достаточном уровне знания этого вида рекламы информантами. Определения сущности и особенностей Ambient media, данные экспертами, демонстрируют широкий спектр понимания этой формы рекламы. Так, например:

- «ambient — это встроенная в среду реклама»;
- «это интеграция рекламы в городскую среду»;
- «офлайн-инсталляции»;
- «нестандартные решения»;
- «конструкции, сделанные по контекстным законам».

Анализ всех высказываний позволил выделить в качестве основных характеристик Ambient media следующие факторы: встроенность субъекта в окружающую среду и контекстность рекламы.

Нам представляется целесообразным выделить такие преимущества Ambient media в сравнении с иными формами рекламы, как социокультурные, коммуникативные и психологические. К значимым коммуникативным характеристикам Ambient media эксперты отнесли:

- повышенное внимание и заинтересованность индивидов за счет новизны и уникальности коммуникации;
- информативность и глубину рекламного сообщения;
- яркость, запоминаемость сообщения;
- динамизм, непосредственное взаимодействие рекламы с потребителем, «живой разговор»;
- продолжительный эффект коммуникации за счет дальнейших упоминаний и пересказов;
- сфокусированность на определенной (возможно, узкой) целевой аудитории;
- отсутствие чувства раздражения даже при повторных контактах. «У Ambient media однозначно очень много преимуществ, которых никогда не будет у стандартных форм. Ambient не надоедает, не вызывает привыкания и, конечно, привлекает внимание. Такую рекламу невозможно игнорировать, как бы не хотел» (Стас, исполнительный директор агентства по печатной рекламе).

В качестве основных социокультурных характеристик Ambient media информанты выделили такие, как:

- возможность моделирования окружающей среды с помощью взаимодействия с Ambient-рекламой;
- возникновение дополнительной реальности, которую создают Ambient-коммуникации;
- создание условий для формирования определенного образа жизни.

«Почему весь мир говорит сейчас об Ambient? Да потому что это не просто реклама, это не объекты, не конструкции. Ambient-реклама — живая. Она сама создает среду, меняет ее. Для меня, как для арт-директора, когда я делаю такие проекты, я понимаю, что могу сам повлиять на наш город, сделать его другим. Когда вокруг интересные инсталляции, все красиво, привлекательно, то повышается критическое эстетическое мышление. И бытовая культура растет. Уже окурки не бросишь, не плюнешь лишний раз» (Андрей, арт-директор банка).

В высказываниях экспертов нами выделены и психологические характеристики Ambient media, такие как:

- существенная глубина эмоционального восприятия;
- высокая скорость восприятия и декодирования знаков сообщения, высокая вовлеченность в процесс взаимодействия с рекламным сообщением.

«Совсем по-другому цепляет аудиторию. В эту рекламу можно вложить массу смыслов, дать информацию гораздо глубже, чем долгое описание умными словами. Она воздействует психологически, и глубина эмоционального отклика очень велика. И потом ее трудно забыть. Такая реклама предполагает очень

длительный контакт, чего мы все добиваемся» (Семен, директор по стратегиям рекламного агентства).

Более того, многие информанты отмечают преимущества использования Ambient media в аспекте улучшения мотивации собственной профессиональной деятельности. Способность специалиста по рекламе создавать яркие идеи, качественно встроенные в окружающую среду, характеризует его как талантливого, современного и успешного. Для многих рекламных агентств реализация проектов Ambient media является самопрезентацией, демонстрацией своих творческих возможностей и преимуществ. «Ambient — роскошная вещь, придумать ее правильно очень и очень сложно. Это могут единицы. Мы можем, и да, мы крутые. Не будет агентств “StreetArt” и “Red Pepper” в городе — не будет Ambient-проектов. Мы здесь работаем, поэтому Екатеринбург — столица уличного искусства. Благодаря нам уличное искусство становится языком» (Евгений, директор агентства уличного искусства). «Любое рекламное агентство получит максимальную известность через Ambient media, оно прогремит на весь город, а потом и на весь мир через Интернет. Многие делают Ambient просто для самопиара» (Наталья, директор рекламного агентства).

Несмотря на глубокое понимание представителями рекламного сообщества преимуществ Ambient media перед традиционной рекламной коммуникацией, исследование зафиксировало противоречие между теоретическим знанием ценностей Ambient media и практическим применением этой формы рекламы экспертами. Они разрабатывают и реализуют в основном традиционные рекламные кампании. Соотношение нетрадиционных и традиционных кампаний расценивается информантами как 1 : 10. «Я бы сказала, что в моей практике реализации 90 процентов было по прайсу и 10 или даже 5 процентов нестандартов. Да, запросы были. А идей просто очень много, могу сейчас рассказать, очень много задумок именно Ambient идет в стол. До реализации дело не доходит. Это очень обидно» (Светлана, директор ивент-проектов рекламного агентства).

Анализируя практическое применение Ambient media, информанты затруднились привести собственные примеры реализации Ambient-проектов. Однако они рассказали о множестве разработанных ими как идей, так и рекламных кампаний Ambient media, которые по разным причинам не были реализованы на практике. «У меня в разработке очень много нестандартов. По разным причинам они почти все пишутся “в стол”. Я могу выставку сделать из нереализованных проектов. Есть проект “скважиноборда” по аналогии с “грильбордом”, который рекламировал гриль и загорался. Есть пример диалога И. Грозного и С. Разина на щите во время строительства перекрестка с одноименными улицами. Горы идей» (Владимир, креативный директор рекламного агентства). Также практически каждый информант привел несколько примеров, реализованных в Екатеринбурге Ambient-проектов. Основными инициаторами Ambient-коммуникаций были названы агентство «StreetArt» (значительную долю профессиональных проектов которого составляют сегодня художественные проекты, связанные более с уличным искусством, а не с рекламой), рекламные агентства «Восход» и «Red Pepper» (ориентированные на сегодняшний день в значительной степени на московских

заказчиков). «Помню, несколько лет назад были раскрашены торцы пятиэтажек. Это была рекламная кампания телеканалов о живой природе “Viasat”. Огромные животные на стенах домов сидели и смотрели телеканал. Делала “Стенограффия» (Ольга, директор PR-агентства). «“Восход” совсем недавно сделал щиты со стойками, которые потом подожгли, и они имитировали гриль. После поджога стойки на щитах стали “прожаренными”. Конечно, такая реклама сработала! До сих пор все вспоминают» (Екатерина, директор рекламного агентства).

Исследование зафиксировало расхождение между пониманием и высокой оценкой Ambient media, с одной стороны, и минимальным уровнем реализации Ambient-проектов в городской среде Екатеринбурга – с другой. Более того, были выявлены причины такого расхождения.

Во-первых, эксперты отмечают неготовность заказчиков (клиентов) принимать в реализацию подобные проекты. Это связано с тем, что у руководителей екатеринбургских коммерческих компаний (клиентов рекламных агентств) недостаточно знаний и опыта реализации Ambient media. Клиенты с большей готовностью соглашаются на реализацию традиционных и стандартных коммуникаций, потому что они для них понятны и предсказуемы. По мнению информантов, основанном на опыте взаимоотношений с клиентом, в Екатеринбурге нет самостоятельных запросов на разработку современных рекламных коммуникаций от заказчика. Инициатором производства практически всегда является рекламное сообщество. «Интересные креативные идеи почти всегда сталкиваются с ограниченным сознанием заказчика. Мы разработали великолепный Ambient-проект: расписанный фасад дома, прикладываешь банковскую карточку прямо к стене, к рисунку и перечисляешь деньги в благотворительный фонд. Тут же на фасаде здания – интерактивный счетчик, он показывает, сколько собрали. В процессе сбора денег картинка из черно-белой должна была становиться цветной. Это был бы проект, о котором бы все говорили, разобрали бы на цитаты. Но мы столкнулись с бюрократией, банк оказался не готов. Екатеринбургским заказчикам рекламы привычнее битва бюджетов, а не битва идей» (Андрей, арт-директор банка).

Во-вторых, сложность, а иногда и невозможность просчитать экономическую эффективность Ambient media. Представители бизнеса не имеют возможности прогнозировать эффект и экономическую выгоду от нестандартных коммуникаций заранее, поэтому предпочитают коммуницировать с потребителем привычными для них способами, то есть посредством традиционной рекламы.

В-третьих, трудности во взаимодействии с органами власти. Именно органы местного самоуправления должны дать официальное разрешение на использование объектов городского пространства для встраивания Ambient-коммуникаций в среду. Представители рекламного сообщества отмечают, что главным препятствием является отсутствие законов и регламентации согласования нетрадиционных рекламных форм. Даже тогда, когда чиновники согласны дать разрешение на проект, препятствием становится невыстроенная система взаимоотношений и документооборота в случае, если носителем рекламной информации становятся объекты окружающей среды: парковые насаждения, асфальт, водоемы, скверы, фасады, остановки общественного транспорта. Также трудностью является

необходимость дополнительного выстраивания отношений с различными группами — заказчиками, представителями органов власти и субъектами, ответственными за городскую инфраструктуру. Оно отождествляется информантами с дополнительной работой. Отсутствие опыта и нормативной поддержки подобных взаимоотношений также пугает представителей рекламного бизнеса. «В теории все круто и все поддерживают, но никто реально не делает. Нет ничего сложного в том, чтобы обернуть дерево тканью. Вот уже и готов необычный городской объект. Но как понять, кому принадлежит это дерево, кому звонить и с кем договариваться? И сколько это может нам стоить, в конце концов. Вот в эти вопросы все и упирается» (Семен, директор по стратегиям рекламного агентства).

В-четвертых, опасность вандализма со стороны горожан. Ambient-объекты, вписанные в городскую среду, расположены в доступных публичных пространствах, таким образом, их легко можно разрушить и испортить. Более того, такие объекты часто нацелены на практическое использование, что предполагает постоянное взаимодействие этих объектов с людьми и возможное разрушение. «Развитие новых нестандартных медиа должно идти одновременно с развитием менталитета населения. Когда люди перестанут мусорить, ломать, портить, вот тогда Ambient появится на наших улицах. В августе этого года в Екатеринбурге пройдет хипстерский фестиваль, где на открытой площадке выставят сборную мебель. И оставят ее там на два месяца, а дальше будут наблюдать, как будут реагировать на это люди. Могут разнести все или растащить по домам...» (Наталья, руководитель ивент-проектов).

В-пятых, высокая стоимость. Исследование показало, что высказывание «Ambient media — это дорого» несет в себе разные смыслы. Одна группа информантов указала на высокую материальную стоимость рекламной кампании в пересчете на одного клиента. Информанты отметили, что в стоимость контакта они закладывают в том числе и «вознаграждение» органам власти за быстрое и положительное решение вопроса. С другой стороны, чтобы создать качественную Ambient-рекламу, необходима креативная идея контекстного совпадения содержания рекламного сообщения и окружающей среды. Такого рода идеи и проекты стоят дорого. Только при условии совпадения смыслов, символов и значений объектов окружающей среды и содержания сообщения информанты готовы назвать проекты Ambient media удачными и правильными. «Правильный Ambient media — это уровень искусства. Успех зависит только от качества исполнения. От того, сделана ли реклама по контекстным законам. Считаю, если клиенты не принимают, значит, слабые задумки. А за роскошную идею клиент не готов платить. Ножницы» (Ирина, арт-директор рекламного агентства).

* * *

Исследование позволило проанализировать исходную фазу использования Ambient media — понимание сущности этой формы рекламной коммуникации представителями рекламного сообщества Екатеринбурга, а также сравнить полученные результаты с данными американских исследователей. Проведенные интервью с экспертами в области рекламных коммуникаций Екатеринбурга

зафиксировали понимание экспертами различий между традиционными и нетрадиционными формами рекламной коммуникации. На основе высказываний информантов нами были выявлены критерии классификации современных форм рекламы. Были проанализированы те факторы, которые затрудняют более широкое использование нетрадиционных форм, в частности, Ambient media, в деятельности рекламных фирм.

Оценка экспертами Ambient media как нового вида коммуникации показала актуальность и жизнеспособность данной формы. Были выявлены коммуникативные, социокультурные и психологические преимущества Ambient media. Вместе с тем исследование зафиксировало противоречие между пониманием рекламным экспертным сообществом ценности Ambient media и степенью практической реализации Ambient-проектов в Екатеринбурге.

-
1. *Викентьев И.* Приемы рекламы и Public relations. Программы-консультанты. СПб., 2007.
 2. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М., 2007.
 3. *Назарчук А. В.* Учение Никласа Лумана о коммуникации. М., 2012.
 4. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999.
 5. *Dahlen M., Modig E., Rosengren S.* The value of ambient communication from a consumer perspective // Journal of Marketing Communications. 2015. Vol. 21, Iss. 1. P. 20–32. DOI: 10.1080/13527266.2014.970825.
 6. How Much Do You Agree with the Following Statements about Ambient Media? Ambient Media Advertising от 20.12.2015 г. [Electronic resource]. URL: <http://www.statista.com/statistics/398286/ambient-media-customer-opinion-germany> (accessed: 20.08.2019).
 7. *Krämer N., Neubaum G, Hirt M., Knitter C.* I see you, I know you, it feels good // Qualitative and quantitative analyses of ambient awareness as a potential mediator of social networking sites usage and well-being Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 77.
 8. *Levordashka A., Utz S.* Ambient awareness: From random noise to digital closeness in online social networks // Computers in Human Behavior. 2016. № 60. P. 147–154. DOI: 10.1016/j.chb.2016.02.037.
 9. *Luxton S., Drummond L.* What is This Thing Called Ambient Advertising? In Australian and New Zealand Marketing Academy Conference, Visionary Marketing for the 21st Century: Facing the Challenge. Conference Proceedings. Gold Coast, Australia, 2000.
 10. *Shelton A.J., Wojciechowski L. P., Warner J.* Ambient marketing practices in the United States: a professional view // Communication Today. 2016. № 1, vol. 7.

Рукопись поступила в редакцию 23 августа 2019 г.

УДК 316.356.2 + 173 + 343.54

Н. А. Туркина

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ВОСПРИЯТИЕ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируются гендерные стереотипы, существующие у современной молодежи при восприятии семейного насилия. Эмпирическую базу исследования представляют материалы социологических исследований, проведенных автором в Екатеринбурге. Используемые методы сочетают количественную и качественную стратегию. Исследование выявило сохранение стереотипных представлений, основанных на патриархальной культуре, у части опрошенных молодых мужчин и женщин, а также существование противоречий в негативной оценке данного феномена и морального оправдания насильственных действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: насилие в семье, насилие между интимными партнерами, гендерные стереотипы.

Введение в исследовательскую проблему. Отношение общества и государства к насилию в семье постепенно менялось в течение веков. Такого рода преступления долгое время не были темой для публичного обсуждения или научных, в том числе социологических, исследований. Начиная с 70-х гг. прошлого века феномен семейного насилия получил негативную оценку со стороны общества и стал рассматриваться как важная социальная проблема, требующая комплексного решения.

Семейное насилие, будучи формой социальной деструктивности, представляет собой поведение, причиняющее физический, психологический, экономический вред человеку, и воздействует на все сферы его самореализации и самоутверждения. Культурные и социальные нормы оказывают решающее влияние на формирование установок, связанных с насилием личности при утверждении эгоистических интересов. Культура насильственного разрешения в социуме различного рода политических, экономических, этнических, межгосударственных конфликтов, а также патриархальные традиции организации семейных отношений являлись основным фактором воспроизводства насилия в семьях в течение многих столетий.

Переход к отношениям, построенным на равенстве супругов, совместном решении вместе с детьми бытовых проблем, организации отдыха, начался в середине XX в. Однако за короткий период в несколько десятилетий стереотипы организации семейных отношений на основе безраздельной власти мужчины, разрушиться не могут. Требуются значительные усилия всего общества для того, чтобы во всех социальных группах, независимо от социального и материального положения, возраста и образования, места жительства, утвердилось негативное отношение к любым формам семейного насилия.

Предшествовавший индивидуальный и коллективный опыт, сложившийся под влиянием социально-исторических условий, накапливается и выражается

у людей в форме социального стереотипа. Социальный стереотип фиксирует устойчивые представления о социальных объектах, выражая типичное, закреплённое в сознании и поступках индивида отношение к различным явлениям социума, его субъектам [6].

Следует отметить амбивалентную природу социальных стереотипов. Функционально стереотипы могут созидательно или разрушительно воздействовать на систему общественных отношений. Согласно В. С. Агееву механизм стереотипизации является необходимым и полезным инструментом социального восприятия, особенно его подвидом — восприятия межгруппового [1], воспроизводя уже имеющиеся формы сознания и поведения индивидов. Однако социальные стереотипы, полные предрассудков, враждебности и т. п., — явления сугубо отрицательные [2].

Особенность насилия в семье и насилия между интимными партнерами заключается в его гендерном аспекте. К тому же гендерные стереотипы являются одним из факторов воспроизводства данного явления. Под гендерными стереотипами мы подразумеваем схематичные и относительно устойчивые социокультурные программы взаимодействия мужчин и женщин во всех видах трудовой, общественной, семейно-бытовой, досуговой деятельности, возникшей в определенных исторических условиях.

Т. Б. Рябова указывает на амбивалентную сущность гендерных стереотипов. Гендерные стереотипы включают оценочные суждения с разными знаками — и негативными, и позитивными [7]. На основе половой принадлежности индивида социальные и культурные механизмы стереотипизации способствуют принятию определенных социальных ролей, статусов, возможностей самореализации. Также гендерные стереотипы выполняют функции, связанные с воспроизводством гендерной асимметрии, гендерной иерархии, а также поддерживают, воспроизводят эти отношения, гарантируя стабильность социальных норм, определяющих отношения между мужчинами и женщинами в разных сферах их взаимодействия [Там же].

Современные общества многообразны в культурном отношении, это выражается в том, что в менее развитых в социально-экономическом отношении социумах дается отличное от европейской культуры осмысление того, что считается насильственным действием при возникающих между представителями двух полов конфликтами [3]. Так, в обществах, в рамках которых сильны патриархальные ценности — власть мужчин и зависимость женщин, насилие в семье в отношении жен и дочерей культурно легитимируется [4]. Гендерные стереотипы, основанные на патриархальной культуре, оказывают влияние на формирование иерархических отношений в обществе, устанавливая и оправдывая гендерное неравенство.

Необходимость изучения гендерных стереотипов заключается в поиске эффективных способов нейтрализации негативных последствий воспроизводства тех ориентаций и установок, которые связаны с возможностью использовать насилие при возникновении конфликтов между мужчинами и женщинами. В связи с этим актуальной проблемой становится изучение гендерных стереотипов восприятия насилия в семье у молодежи, которая, с одной стороны, может в той или иной

форме их воспроизводить, а с другой — способствовать ускорению темпов разрушения стереотипов насильственного решения семейных проблем.

Методика и методология исследования. Эмпирическую базу исследования составили материалы социологических исследований, проведенных автором в 2018–2019 гг. в Екатеринбурге. Сбор информации осуществлялся методами анкетирования и полуструктуризованного интервью. Выборочная совокупность анкетного опроса составила 624 человека из представителей молодежи Екатеринбурга от 18 до 30 лет, 16 респондентов было опрошено в технике полуструктуризованного интервью.

Результаты исследования. Проведенное нами эмпирическое исследование имело целью выявить стереотипные представления, существующие у молодежи крупного промышленного центра относительно участников конфликта в семье и самого этого феномена как одного из факторов воспроизводства насилия в обществе.

Выявлено, что в данной социально-демографической группе сохраняются давно возникшие стереотипы восприятия насилия в семье. Несмотря на то что большинство респондентов (88,2 %) поддерживают взгляд на насилие в семье, как на общественную проблему, затрагивающую здоровье и благополучие всего общества, 8,5 % считают, что насилие в семье следует рассматривать как частное дело супругов, родственников и ситуация должна разрешаться без привлечения других субъектов. *«Скорее это частная проблема: правонарушитель — потерпевший»* (жен., 26 лет), *«В отдельных случаях насилие может рассматриваться как частная проблема, которая должна решаться внутри семьи»* (муж., 25 лет).

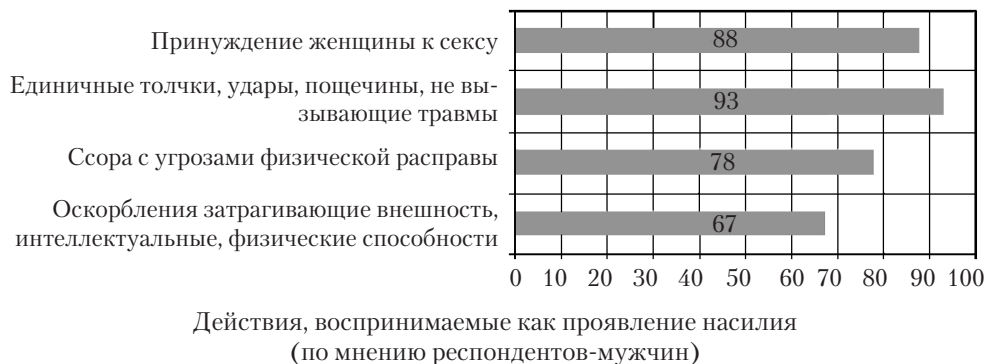
Среди тех, кто в целом негативно относится к насилию в семье, выделяются респонденты, считающие, что с данной проблемой человек может справиться самостоятельно. *«Ставя себя на место жертвы, я бы не хотела, чтобы за меня решало общество, что мне делать в таком случае»* (жен., 21 год). Наблюдается противоречие между отношением к насилию в семье как к серьезной социальной проблеме и представлением о том, что она может быть решена без какого-либо участия общественности, органов правопорядка. Будто бы насильник может осознать свой проступок, раскаяться и использовать только мирные способы разрешения конфликтной ситуации. Однако практика показывает обратное: насильник, не получивший вовремя достойный отпор, включая применение установленных законом норм воздействия, усиливает свою агрессивность.

Исследование выявило связь между мнением о том, что проблема насилия должна решаться в самой семье, и личным опытом столкновения с насильственными действиями; 32 % считающих насилие частным делом людей, находящихся в родственных отношениях, указали, что в детстве подвергались физическому насилию со стороны членов семьи; 17 % респондентов до сих пор являются объектом такого поведения в своих семьях; 56 % опрошенных отметили, что испытывали сильное психологическое давление со стороны своих родителей; 40 % продолжают подвергаться такому виду насилия во взрослом возрасте. Полученный

в семье опыт насилия не может бесследно исчезнуть из памяти жертвы. Жизнь в атмосфере семейного насилия может привести к тем или иным личностным деформациям, что сказывается на процессе всей жизни. Нередко те, кто испытывал в детстве насилие со стороны родственников, используют такие же методы установления своей власти в собственной семье. Через процесс первичной социализации, происходящей в семье, индивиды усваивают родительские паттерны поведения и семейные ценности, в том числе деструктивные, воспринимая их как норму. Все это способствует дальнейшему воспроизводству насилия в обществе.

Часть респондентов отметила допустимость жесткости при воспитании детей. *«Ну, если он не понимает, что ему говорят, безобразничает, тогда можно наказать шлепком»* (муж., 27 лет). Человек оправдывает некоторые формы насилия в семье, так как существуют морально приемлемые варианты взаимодействия членов семьи с использованием этих форм. Если раньше они не осуждались, более того, считались обязательными для того, чтобы добиться нужного поведения от членов семьи, то и в наше время они могут быть приемлемы, но в более мягкой форме. *«Однако если действия выходят за рамки норм, конечно, нужно привлекать социальные службы для усмирения насильника»* (жен., 21 год).

При анализе ответов респондентов мужского пола выявлено мнение, что семейное насилие сводится к его физическому проявлению, а психологическое давление (оскорбления партнера и угрозы) в меньшей степени воспринимается как насилие (см. рисунок).

Конфликты и разногласия воспринимаются частью представителей мужского пола как нормальная часть межличностных отношений, так как вред от оскорблений и унижений не так заметен, как от физических действий.

Выявлены стереотипы относительно определения гендера жертвы и агрессора. Большая часть молодых женщин обозначила мужчину как потенциального агрессора (63 % — при психологическом насилии, 87 % — при физическом и 70 % — при экономическом). Сохраняется у современной молодежи веками формировавшийся стереотип восприятия женщинами мужчин как потенциально опасных и агрессивных личностей в сравнении с женским полом.

Р. Мертон связывал повышенную преступность среди мужчин с тем, что общество ориентирует их на использование гендерных стереотипов, основанных

на физическом превосходстве представителей сильного пола, их природной агрессивности, на протяжении всей истории человечества обеспечивавшей успех в борьбе с опасностями, создающими угрозу жизни женщинам, детям. В семье, в обществе всегда ценились сильные мужчины, способные к тяжелому труду, защите страны. Культ силы ведет к тому, что границы ее применения размываются, допускается ее применение во всех конфликтных ситуациях, включая семейные. Женщина должна быть покорной, терпеливой, соблюдать требования родственников мужского пола. В системе ценностей современной и предшествующих культур образ женщины, прибегающей к насилию в конфликтной ситуации, никогда не был привлекательным и порицался обществом.

Кроме того, представление о мужчине-насильнике объясняется существованием гендерной асимметрии участников семейной агрессии (в России и в других странах): мужчина воспринимается в качестве насильника, женщина — в качестве жертвы. Иное положение считается редким, исключительным, хотя в последние десятилетия увеличилось количество случаев женской агрессии [5, 8].

Одним из главных предубеждений относительно жертв насилия в семьях и сексуального насилия является восприятие их как провокаторов. Данные нашего исследования показывают, что у молодых мужчин сохраняется стереотип, что женщина становится жертвой физического и сексуального насилия из-за своего провокационного поведения. Она в ряде случаев *«заслуживает наказания»* (муж, 20 лет). В частности, 14 % мужчин-респондентов считают, что физическое насилие можно оправдать в случаях измены, пренебрежения женой заботой о детях, невыполнения супружеских обязанностей; 30 % молодых людей согласились с тем, что если женщина остается с мужем-насильником, она виновата в сохранении насилия с его стороны. Происходит перенос ответственности с того, кто действует аморально, противоправно, на пострадавшую сторону. *«Нужно найти адекватного партнера, если не нашел — сам виноват»* (муж., 27 лет). Были сделаны и крайне резкие высказывания о женщинах как жертвах: *«просто дура»* (муж., 26 лет), *«низкий уровень интеллекта»* (муж., 20 лет).

При этом 8 % считают, что мужчина, проявляющий насилие по отношению к жене, может быть хорошим отцом. Однако многочисленными исследованиями доказано, что случаи насильственных действий между родителями оказывают на ребенка травматический и деструктивный эффект. Ошибочна мысль родителей, что ребенок не видит всего, что происходит между родителями. В исследовании американского социолога Джеффри Л. Эдлсена [9] дети описывали травматические события, которые они не наблюдали, а только слышали о них.

В исследовании выявились основные источники получения информации о случаях семейного насилия. Для преобладающего большинства молодых людей (88 %) СМИ (включая Интернет) являются главным транслятором сообщений о конфликтах в семьях и способах их разрешения. При этом нередко журналисты подают факты насилия субъективно, формируя нужное для одного из участников конфликта мнение. Средства массовой информации, выступая в наше время главным инструментом формирования общественного мнения, способны либо поддерживать и распространять давно возникшие гендерные стереотипы о семейном

насилии, либо разрушать их, утверждая ценность нормы мирного разрешения конфликтов между супругами, родителями и детьми.

Исследование показало, что, несмотря на установление равенства между мужчинами и женщинами при получении образования, трудоустройстве, у современной молодежи, в первую очередь у мужчин, сохраняются стереотипы восприятия семейного насилия, возникшие в условиях патриархального общества.

Семейное насилие как форма девиантного поведения формируется и поддерживается факторами природной и социокультурной среды, а также представлениями, отражающими нормы и ценности культуры патриархального общества. Корни насилия в семье лежат не только в конкретных семьях, а гораздо глубже — в культурных и социальных нормах, стереотипах общественных отношений. Сохранение возникших в патриархальном обществе гендерных стереотипов является одной из важнейших причин воспроизводства насилия в современной семье.

Сохранение у молодого поколения стереотипов восприятия насилия как возможного способа разрешения конфликтов между членами семьи и интимными партнерами является следствием отсутствия системы социализации личности, направленной на выработку культуры мирных способов разрешения конфликтов, возникающих в современной семье, подготовки нового поколения к семейной жизни. Негативные стереотипы и моральное оправдание насильственных действий, на первый взгляд не причиняющих серьезного вреда, поддерживают культуру насильственного способа решения конфликтов в семье, формируя основу для более жестоких и агрессивных действий.

Сегодня проблема домашнего насилия еще не полностью открыта для социальных дискуссий, не сформировано общественное мнение, однозначно его осуждающее. Это ведет к воспроизведению стереотипа восприятия семейного насилия как частной проблемы, не требующей постоянной борьбы с любыми формами ее проявления.

1. Агеев В. С. Психология межгрупповых отношений. М., 1983.

2. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://voppsy.ru/issues/1986/861/861095.htm> (дата обращения: 04.06.2019)

3. Бочаров В. В. Антропология насилия. СПб., 2001.

4. Клименкова Т. А. Насилие как основа культуры патриархатного типа: Гендерный подход к проблеме // Гендерный калейдоскоп. М., 2002.

5. Лысова А. В. Женская агрессия и насилие в семье // Общественные науки и современность. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/10/20/1214791096/Lysova.pdf> (дата обращения: 03.06.2019).

6. Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/31962> (дата обращения: 02.06.2019).

7. Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-stereotipy-i-gendernaya-stereotipizatsiya-metodologicheskie-podhody> (дата обращения: 29.05.2019).

8. Сильков Д. В. Характеристика динамики состояния женской преступности в Российской Федерации и ее федеральных округах // Известия ИГЭА. 2011. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-harakteristiki-zhenschin-sovershivshih-prestupleniya-po-rezultatam-issledovaniya-v-zhenskoj> (дата обращения: 10.06.2019).

9. Edleson J. Children's witnessing of adult domestic violence // Journal of Interpersonal Violence Volume. 14 iss. Aug. 1. 1999. P. 842 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1177/088626099014008004> (accessed: 02.06.2019).

Рукопись поступила в редакцию 3 июля 2019 г.

УДК 316.356.2 + 316.27 + 314.44-053.2

М. В. Курникова

ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РЕБЕНКА-ИНВАЛИДА НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЕГО СЕМЬИ С ПОЗИЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЬЕРА БУРДЬЕ

Проблема диагностики и критериев оценки социального самочувствия семьи с ребенком-инвалидом является одной из ключевых в формировании социальной политики государства. В статье предложен способ коррекции и накопления социального капитала данной категории семей через вовлечение в регулярную физическую активность ребенка с особенностями развития. Согласно социологической теории Пьера Бурдьё взаимодействие всех членов семьи с социальным полем, в данном случае — с полем физкультурной деятельности, предполагает расширение репертуара социальных связей родителей. Проведено исследование структуры семейной физической активности и видов семейного отдыха, определена степень вовлеченности родителей в активный образ жизни, в совместные физкультурные занятия с детьми. Выявлены дефицит двигательной активности ребенка-инвалида на фоне низкого уровня бытовой общей физической подготовленности и слабая мотивация родителей к поддержанию семейных форм физкультурной деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальное самочувствие семьи с ребенком-инвалидом, физическая активность, социальный капитал, Пьер Бурдьё.

Проблема качества жизни, субъективного благополучия, социального самочувствия личности изучается различными науками — социологией, психологией, медициной. В целом эти понятия определяются как субъективное реагирование индивидуума на осознание соотношения испытываемой нужды и своих реальных потребностей [9]. Социальное самочувствие является доминирующим фактором поведения человека и формирует его отношение к условиям жизни. Основу социального самочувствия составляют фундаментальные свойства личности, субъективные представления индивидуума о должном уровне собственного комфорта, которые, в свою очередь, формируют мышление, паттерны бытового интеллекта, образуют матрицу практической деятельности человека и особенности его взаимодействия с другими людьми. В эмпирических исследованиях

по изучению социального самочувствия одним из подходов является измерение показателей удовлетворенности различными аспектами жизни и психологического комфорта (безопасность, отношения в семье, досуг, возможность творческой самореализации, комфортная среда обитания, состояние здоровья и др.). Критерии исследования социального самочувствия содержат три основных компонента: оценку внутреннего настроения человека, оценку внешних объективных условий и индивидуальных перспектив [5].

Социальное самочувствие, по сути, является субъективным отражением образа жизни индивидуума в социальных условиях, оригинальной программой жизненного процесса и зависит от становления, развертывания и реализации потребностей субъекта. Важнейшей потребностью для существования, полноценной деятельности человека является его здоровье и здоровье членов его семьи.

Наличие здоровых и успешных детей традиционно считается критерием качества жизни семьи. Здоровье, психоэмоциональное состояние и физическое развитие ребенка являются важной потребностью, влияющей на социальное самочувствие всех членов семьи. Установление у ребенка особенностей развития и инвалидности всегда инициирует у родителей мощное стрессовое состояние и затрагивает все уровни функционирования семьи — физиологический, личностный, уровень межличностной и социальной интерактивности. Родители испытывают негативные эмоции из-за осознания того, что их ребенок «не такой, как все», что ограничения в его физическом или психическом здоровье не позволят ему вести самостоятельную жизнь в социуме. Современная ситуация в стране по отношению к лицам с инвалидностью не позволяет им быть уверенными в адекватной и достаточной поддержке со стороны государства в перспективе социализации ребенка.

При рассмотрении положения в обществе семьи с ребенком-инвалидом с позиции теории Пьера Бурдьё диагностируются нарушения как в «реальности первого порядка» (материальные ресурсы, престижные социальные блага и ценности), так и в «реальности второго порядка», которая существует в субъективных представлениях, образе мышления, поведения и эмоциональных оценок. Социальное пространство такой семьи будет нарушено во всех полях — экономическом, эмоциональном, интеллектуальном, физическом, и возможность существовать одновременно в нескольких полях будет значительно ограничена, что, в свою очередь, повлечет ограничения в накоплении социального капитала семьи. Социальный капитал семьи реализуется через проявление ценностных ориентаций членов семьи и представляет собой сочетание реальных или потенциальных ресурсов, аффилированных с устойчивой сетью реципрокных отношений знакомства и аддикции, то есть социальными связями. Объем социального капитала, по П. Бурдьё, зависит от размера сети связей, которые семьи (или индивидуум) может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым владеет непосредственное окружение семьи [1].

Воспроизводство социального капитала предполагает непрекращающуюся работу по установлению социальных связей, непрерывные серии обменов, в ходе

которых эти связи постоянно утверждаются и подтверждаются. Это работа, предполагающая затраты времени и сил, которыми не обладает семья с «особым» ребенком из-за концентрации всех имеющихся ресурсов на его реабилитацию. Связи такой семьи обедняются из-за определенного набора экономических и социальных условий, характеристик занимаемой семьей позиции, соответствующего стиля жизни, в итоге в реальности кристаллизуется особый тип габитуса семьи. Габитус, по определению П. Бурдьё, «есть продукт характерологических структур определенного класса условий существования, то есть экономической и социальной необходимости и проявления семейных связей». Он позволяет членам семьи самопроизвольно определяться в социуме и генерировать адекватные реакции на события и ситуации [1, 37]. Так как габитус производится средой, сходные условия могут генерировать сходные габитусы членов группы.

Наличие в семье «особого ребенка» приводит к хроническим деформациям личности членов семьи, формирует специфические семейные отношения и жизненный уклад. Стойкий стресс родителей ведет к их физическому и психологическому истощению, обедняются формы повседневной совместной активности с ребенком, требующие эмоционального вовлечения, постепенно редуцируются обязанности. Формируется особый тип габитуса, характерный для семьи с ребенком-инвалидом, который имеет отличительные признаки и диагностические критерии по специфическим особенностям разделения обязанностей между членами семьи, отношениям к материальным ресурсам, типам потребления, запретов, забот, моральных уроков, конфликтов, вкуса и т. д. Основная ответственность по уходу за «особенным» ребенком чаще всего ложится на мать. Беспокойство вызывают нарушения физического состояния, отставание в сенсомоторном и психическом развитии ребенка. Степень интенсивности переживаний матери, ее личностные особенности нарушают социальное самочувствие семьи в целом. Низкий уровень социального самочувствия семьи приводит к стойким деформациям габитуса семьи, способствует ее изоляции, обеднению социального капитала семьи.

П. Бурдьё отмечает, что насыщенная полиморфная структура габитуса позволяет расширить привычную систему предрасположенностей индивида, совокупность стереотипных рефлексов и ответов на внешние вызовы, тем самым обеспечить широкий репертуар реакций приспособления, умение действовать, реализовывать планы и цели для сохранения или изменения положения в социальном пространстве. Таким образом, увеличивая количество и качество структур определенного класса, условий существования для членов семьи с ребенком-инвалидом, создавая условия необходимости расширения социальных связей, возможно воздействовать на активность членов семьи и изменить стиль жизни. Трансформация стиля жизни, в свою очередь, инициирует уход от негативного восприятия жизненного сценария, образа мышления, поведения и токсичных эмоциональных оценок и может существенно воздействовать на «реальность второго порядка» и социальное самочувствие семьи.

Мы предполагаем, что коррекция социального самочувствия семьи с «особым» ребенком через расширение репертуара социальных связей членов семьи качественно изменит социальный капитал семьи и тем самым позволит

трансформировать условия существования (габитус) в условия, характерные для семьи с «нормотипированным» ребенком. Здоровье и «нормальность» ребенка являются основополагающим критерием, влияющим на уровень социального самочувствия родителей. Надежды на восстановление здоровья ребенка тесно связаны с возможностями медицины и реабилитационных технологий. Данная категория населения находится в прямой зависимости от конкретных мер государственной социальной политики [3] и склонна возлагать ответственность за заботу о себе на государственную медицину [4]. Характер и поведение человека, структура его личности всецело определяются теми социальными условиями, в которых он живет.

В медицинской практике существует понятие «реабилитационный потенциал» — совокупность биологических, психофизиологических характеристик человека, социально-средовых факторов, которые позволяют оценить его потенциальные возможности и предел восстановления нарушенных функций и социальных связей. Фундамент реабилитационного потенциала, или потенциал «первого порядка», состоит из возможностей физического развития, характера заболевания, особенностей личностного и психического развития, то есть индивидуальных компонентов, сохранившихся, несмотря на имеющиеся отклонения в здоровье. Данная основа является доминантой для стратегии индивидуальной программы реабилитации. Потенциал «второго порядка» состоит из социально-средовых факторов: семейного положения, наличия профессии, групп поддержки, правовых или общественных организаций, национально-культурных особенностей, экономического развития региона проживания и др. Они обуславливают возможность реализации реабилитационной программы.

Увеличение реабилитационного потенциала ребенка-инвалида возможно путем воздействия на составляющие «первого порядка», то есть коррекцией физического и психического развития ребенка, и влиянием на составляющие «второго порядка» — социальные связи членов семьи с организациями системы образования, здравоохранения, некоммерческими партнерами и другими социально ориентированными структурами. Данные структуры, согласно концепции Пьера Бурдьё, характеризуются как поля, составляющие социальное пространство семьи. Это поля и места накопления социальных связей семьи.

Необходимо найти фактор, который будет одновременно положительно влиять на физическое и психическое развитие ребенка, способствовать расширению социальных связей членов семьи, увеличивать реабилитационный потенциал ребенка, корректировать потребности членов семьи и, как следствие, повышать социальное самочувствие семьи в целом.

По данным В. П. Мусиной (2009), родители декларируют восстановление физических возможностей своего ребенка-инвалида как основное необходимое условие для его полноценной жизни [7]. Организм человека по своему строению предназначен для разнообразного движения. Двигательная активность обеспечивает энергетическую базу для нормального роста и формирования организма, индуцирует развитие высших психических функций. Мотивы занятий физическими упражнениями разнообразны и имеют как качественный, так

и количественный аспект. Это поддержание здоровья, проведение досуга, формирование положительных эмоций, субъективного чувства безопасности, желание иметь высокую работоспособность, обладать телосложением в соответствии с модными тенденциями и т. д. Физическая культура по своей социальной природе неоднородна, что выражается в ее структуре, составные элементы которой в своем развитии обусловлены разными группами социальных потребностей: элементарными потребностями в социализации, которые удовлетворяются за счет повышения уровня физической работоспособности, устранением гиподинамии; потребностями в творческой деятельности, которые реализуются через занятия разнообразными видами спорта. Благодаря различным формам физической активности удовлетворяются и духовные потребности в общении, познавательные, этические.

Двигательная активность формирует в человеке внутренние механизмы саморегулирования, управления деятельностью и поведением. Приобретенные на тренировках двигательные и психические навыки оказываются весьма пригодными в различных жизненных ситуациях, являются замечательным средством воспитания активности личности [2]. Доминирующей силой, которая регулирует процесс вовлечения индивидуума в регулярную двигательную активность, является микросоциум и отношение к физической активности со стороны членов семьи. Основными факторами, определяющими это отношение, являются социальное положение семьи, ее материально-бытовые условия, система воспитания детей, доступность средств массовой информации для всех членов семьи, наличие свободного времени у родителей и детей. Объективные факторы определяют личностные характеристики членов семьи, от которых зависит их отношение к регулярной физической активности. Критериями формирования данного отношения являются структура мотивационных побуждений, ожидаемый эффект от занятий, степень удовлетворенности занятиями [6].

Среди условий, оказывающих влияние на динамику вовлечения в двигательную активность ребенка-инвалида, помимо уклада семейной жизни, важное значение имеют уровень образования родителей, наличие у них знаний о пользе физических упражнений для человеческого организма, резерв свободного времени у ребенка и родителей, уровень развития системы физического воспитания в образовательном учреждении ребенка, спортивные увлечения ребенка, доступность спортивных сооружений для ребенка, наличие поддержки физкультурному движению инвалидов со стороны государственных институтов и учреждений.

В Российской Федерации разработаны правовая база для организации адаптивной физкультурно-спортивной деятельности, нормативные показатели приема (зачисления) в спортивные секции, нормативы по наполняемости учебных групп, утверждены типовые программы для секций адаптивного спорта. Для обеспечения круглогодичной физической активности детей-инвалидов в дополнение к урокам физической культуры возможны различные формы занятий и тренировок: в спортивном зале, на улице, массовые физкультурно-спортивные фестивали и праздники, выездные физкультурно-рекреационные мероприятия [8]. При этом инициатором и активным организатором вовлечения в регулярную

двигательную активность ребенка с нарушениями развития в необходимом объеме может быть только семья.

Цель нашего исследования — определение отношения к физической активности родителей, уровня регулярной двигательной деятельности ребенка-инвалида, наличия в семье традиций активного отдыха и степени вовлеченности родителей в совместную деятельность с детьми.

Исследование проводилось при содействии Департамента по спорту и молодежной политике Нижнего Новгорода. В анкетировании приняли участие родители детей-инвалидов, $n = 624$, проживающие в Сормовском, Канавинском, Ленинском, Автозаводском, Нижегородском и Приокском районах Нижнего Новгорода, из них родители девочек $n = 267$, родители мальчиков $n = 357$. Средний возраст детей $11,1 \pm 6,7$ года.

Наибольшую часть опрошенных составили родители детей с нарушением интеллекта и с соматическими заболеваниями (35,4 и 29,2 % соответственно). Указали поражение опорно-двигательного аппарата (детский церебральный паралич, ампутация конечностей, травма спинного мозга) как основную причину инвалидности ребенка 15,1 % родителей. Наименьшую часть опрошенных составили родители детей с поражением зрения и слуха (6,4 и 3,2 % соответственно). Не указали нозологическую группу инвалидности своего ребенка 67 человек, что составило 10,7 % опрошенных. Таким образом, основной массив исследуемой группы — родители детей с нарушением интеллекта, с соматическими заболеваниями и с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. В опрос была включена Functional Ambulation Classification для определения степени нарушения функции передвижения ребенка, так как ограничения произвольных движений являются лимитирующим фактором физической активности [10].

Полные семьи составили 75,8 % в группе исследования, большинство родителей указали полное высшее и среднее специальное образование, неполное среднее зарегистрировано единично. Две трети детей-инвалидов опрошенных семей не имеют ограничений функции передвижения. В помощи при передвижении различной степени участия нуждаются 18,5 % детей исследуемой группы. Основной формой регулярной двигательной активности для большинства детей являются уроки физкультуры в образовательных учреждениях и тренировки в организованных группах при спортивных учреждениях (56,9 %). Меньшее количество детей (25,4 %) занимаются при активном участии родителей, так как упражнения дома, на уличной спортивной площадке и посещение реабилитационного центра подразумевают совместное времяпрепровождение ребенка и взрослого члена семьи. Совсем не занимаются никакими видами физической активности 17,8 % детей с инвалидностью.

Субъективно оценивая ежедневную бытовую физическую активность ребенка, большинство родителей (76,9 %) считают, что их ребенок ведет малоподвижный образ жизни и его физическое состояние удовлетворительное или слабое. При этом 86,2 % родителей хотят, чтобы их ребенок занимался физической культурой, 70,5 % готовы сопровождать ребенка на систематические тренировки в физкультурно-спортивные учреждения города для занятий спортом в группах для детей

с особенностями развития. Отказались от сопровождения ребенка на занятия по причине отсутствия свободного времени и плотного рабочего графика 27,2 % родителей.

Большинство родителей (68,1 %) положительно относятся к участию своих детей в спортивных соревнованиях. Против высказались 26,1 % семей, так как считают, что соревнования несут в себе опасность для здоровья и вредную стрессовую нагрузку.

Воспитание потребности в регулярной физической активности у детей зависит в весомой степени от личного примера родителей, в связи с этим вызывает тревогу низкий уровень их физической культуры. Большинство родителей не занимались физкультурой и спортом – 79,7 %, не делали утреннюю гимнастику – 78,5 %. Утреннюю гимнастику ежедневно с родителями или самостоятельно делали единицы детей, не делали – большинство детей. Следовательно, родители не демонстрируют здоровьесберегающее поведение и не популяризируют регулярную двигательную активность своим детям вне зависимости от их состояния здоровья.

Летний отдых большинство школьников (87,8 %) проводили за городом или частично за городом. Большинство детей (68,1 %) предпочитали пассивные виды домашнего отдыха (компьютерные игры и просмотр фильмов). Дополнительные малоподвижные занятия с преобладающим интеллектуальным компонентом (иностранные языки, музыка, художественное искусство, освоение компьютерных технологий), которые не способствовали повышению двигательной активности, посещали 33,8 % детей.

Таким образом, выявлены следующие особенности образа жизни, которые можно отнести к «красным флагам» или маркерам специфики взаимодействия с полем физкультурной деятельности и особенностям габитуса данной категории семей:

- низкий уровень бытовой общей физической подготовленности ребенка, дефицит занятий физкультурой и спортом вне школы, редкие прогулки и подвижные игры на улице;
- преобладание в организации семейного отдыха пассивных статических форм проведения досуга;
- безынициативное поведение родителей в отношении своей регулярной двигательной активности (большинство из них не занимались физкультурой и спортом, не делали утреннюю зарядку);
- отсутствие мотивации у четверти родителей к сопровождению и участию в тренировочном процессе своего ребенка.

Выявленные нами особенности в типе габитуса, характерного для семьи с ребенком-инвалидом, формируются из-за ограничений и отказов от посильных форм физической активности, в том числе совместных семейных. Вследствие этого семья лишает себя возможности расширения и укрепления социальных связей, социального обмена в наиболее доступных структурах (рекреационных и физкультурно-оздоровительных), что ведет к обеднению социального капитала и снижению реабилитационного потенциала ребенка. Социальная работа на уровне выявленных «красных флагов» физической активности «особого»

ребенка предполагает формирование особого типа физкультурно-оздоровительных социальных услуг для детей-инвалидов с участием родителей. Объектом таких услуг будет являться не конкретный ребенок или родитель, а процесс совместной деятельности, при котором семья воспринимает и осмысливает достижения своего ребенка, мотивирована на поддержание его двигательной активности, готова реализовать самостоятельные долгосрочные стратегии физического развития ребенка и нести ответственность за их реализацию. Накопление социального капитала за счет трансформации мышления, стереотипов поведения, матрицы собственной практической деятельности родителей, то есть изменений, затрагивающих, согласно теории Пьера Бурдьё, реальность второго порядка, позволит преобразовать социальное пространство и повысить уровень социального самочувствия данной категории семей.

1. *Бурдьё П.* Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993.

2. *Еремюшкин М. А.* Двигательная активность и здоровье: От лечебной гимнастики до паркура. М., 2016.

3. *Жулковская Т.* Некоторые обстоятельства построения идентичности инвалидов // Социология и жизнь. 2015. № 1. С. 89–92.

4. *Истягина-Елисеева Е. А.* Анализ отношения к здоровому образу жизни, физической культуре и спорту в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 3. С. 35–37.

5. *Кученкова А. В.* Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестн. РГГУ. Сер. : Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2(4). С. 118–127.

6. Мотивация к занятиям физической культурой и здоровому образу жизни у различных групп населения Российской Федерации, в том числе подрастающего поколения : коллектив. моногр. / Ю. Д. Нагорных, С. П. Евсеев, М. Ю. Щенникова и др.; Мин-во спорта Рос. Федер., Нац. гос. ун-т физ. культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта. СПб., 2014.

7. *Мусина В. П.* Формирование активности родителей как фактора развития детей-инвалидов // Учен. зап. Санкт-Петербург. гос. ин-та психологии и социал. работы. 2009. № 2(12). С. 21–26.

8. Реабилитация инвалидов : нац. рук. / под ред. Г. Н. Пономаренко. М., 2018.

9. *Смолева Е. О., Морев М. В.* Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога : моногр. / науч. рук. докт. экон. наук А. А. Шабунова. Вологда, 2016.

10. Clinical gait assessment in the neurologically impaired. Reliability and meaningfulness / M. K. Holden, K. M. Gill et al. // Phys. Ther. 1984. 64(1). P. 35–40.

Рукопись поступила в редакцию 10 октября 2019 г.

УДК 177 + 329(470) + 303.1 + 316.653(470.5)

А. В. Логинов
М. А. Устинова

КАК ИЗМЕРЯТЬ ЦЕННОСТИ? ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ АКТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ*

В статье представлены результаты исследования актуальной структуры политического сознания граждан современной России. Объектами контент-анализа стали программы политических партий накануне выборов в Государственную думу, а интервью и транскрибирование использованы при анализе аргументов участников «открытого микрофона» — открытой дискуссии о причинах и последствиях акции против строительства храма Св. Екатерины в Екатеринбурге (май 2019). Показано, что «социология градов» Болтански и Тевено в качестве методологической рамки исследования оказывается более чувствительной к контексту, в конечном итоге нормализуя образ «гибкого, ситуативно зависимого» политического сознания, тогда как контент-анализ программ партий, построенный на допущениях И. Валлерстайна о трех ведущих идеологиях современности, фиксирует отсутствие идеологической борьбы в форме конкуренции ценностных систем на классических политических площадках.

Ключевые слова: политические партии России, ценности, сознание, контент-анализ, сквер, храм, Екатеринбург, «социология градов», Болтански и Тевено.

Введение. 20 ноября 2019 г. представитель исследовательской команды проекта РФФИ и АНО ЭИСИ выступал на теоретическом семинаре, организованном Институтом философии Уральского отделения Российской академии наук в Екатеринбурге¹. Ключевые тезисы доклада, спровоцировавшие дискуссию и подтолкнувшие участников семинара к обсуждению того, как и где сегодня существует «нормативное», ценностно нагруженное политическое сознание, можно свести к следующим:

Теоретическая рамка, описывающая уровни и формы общественного сознания, позволяет предположить, что идеология либо «отражает» интересы людей

* Работа выполнена при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 19-011-31649.

¹ Подробнее см.: [7].

(отражает, оформляет доминанты обыденного уровня социальной психологии), либо конструирует их, будучи подчинена интересам элит (например, в форме идеологических аппаратов государства у Л. Альтюссера).

Следовательно, вычислить ценностные предпочтения можно, если исследовать *сначала* программы политических партий, которые либо отразили, либо сконструировали ожидания большинства.

Если внятных результатов — в смысле иерархической системы ценностных предпочтений граждан — получить не удастся, это может быть интерпретировано по-разному: во-первых, это может быть свидетельством того, что идеологическая борьба «ушла» с привычных, классических политических площадок и, возможно, сейчас идет где-то еще; во-вторых, это может быть свидетельством того, что сам метод анализа (контент-анализ, о котором мы неоднократно писали [4]) не способен ухватить суть «спора о ценностях» и исследователям следует изменить методологию. И наконец, это может быть аргументом в пользу того, что наши *базовые* допущения и ожидания неверны: мы ищем иерархию и политическую «верность» в мире, где люди обладают политическим сознанием с *другой* структурой.

Напомним логику и основные результаты наших предыдущих исследований. Мы вслед за И. Валлерстайном [2] предположили, что при всем многообразии ответвлений идеологические программы могут быть сведены к трем макро-идеологиям модерности — либерализму, консерватизму и социализму. Соотнеся ценности каждой из трех крупных идеологий со словами-индикаторами (10 ценностей, 230 слов-индикаторов), мы создали инструмент контент-анализа и последовательно применили его к программам политических партий РФ, претендовавших на места в Государственной думе в электоральных циклах 2011 и 2016 гг. Результаты контент-анализа программ политических партий РФ накануне выборов в Государственную думу в 2011 г. показали принципиально гибридный, миксовый характер каждой программы (рис. 1).

Рис. 1. Индикаторы идеологий в программах партий 2011 г., % от общего количества упоминаний

Если интерпретировать этот результат в терминологии М. Селиджера [8], то можно сделать вывод о массовом и довольно циничном принесении идеологической «чистоты» в жертву оперативной задаче выиграть выборы. Если интерпретировать результат в классификации политических партий [3], то можно констатировать, что большинство партий не являются партиями мобилизационного типа. Примечательно, впрочем, что обработка программ политических партий 2016 г. фиксирует как количественно наблюдаемое увеличение объемов «идеологических» текстов, так и тяготение к риторике либерализма (рис. 2).

Рис. 2. Индикаторы идеологий в программах партий 2016 г., % от общего количества упоминаний

Опять-таки, оставаясь в рамках изначальных теоретических допущений (о возможности классификации идеологий по ценностному ядру и о взаимном влиянии уровней общественного сознания), можно предположить, что либо мы имеем дело с молчаливым либеральным консенсусом (рефлексия политических процессов в России преимущественно оформлена за счет риторики либерализма) и надо выяснять, как такой договор был сформирован (подробнее об этой задаче см. [5]), либо, с учетом того что контент-анализ не всегда «видит» контекст, мы должны допустить существенную погрешность в обнаруженном объеме упоминаний либеральных ценностей, ведь о них можно было говорить *негативно*. В этом случае мы «возвращаемся» к более-менее сбалансированной представленности всех идеологий в программах партий. В любом случае то, что контент-анализ позволил схватить однозначно, это фиксация *отсутствия* идеологической борьбы на классической политической площадке. Политические партии РФ незначительно различаются в своих идеологических (ценностных) предпочтениях в том смысле, как они оформлены в программах. Возможно, борьба идет где-то еще? Возможно, программы вообще не являются достойным объектом анализа, в конце концов, многие ли читают программы партий?

Мы применили ту же методологию и матрицу индикаторов к публикациям в политических сообществах сетей, а именно к наиболее многочисленным (численность подписчиков), обновляемым в плане контента (в течение двух недель

до и двух недель после выборов в Госдуму 2016 г.) группам в «Живом журнале», Фейсбуке и Вконтакте. Результат коррелирует с программами партий (рис. 3).

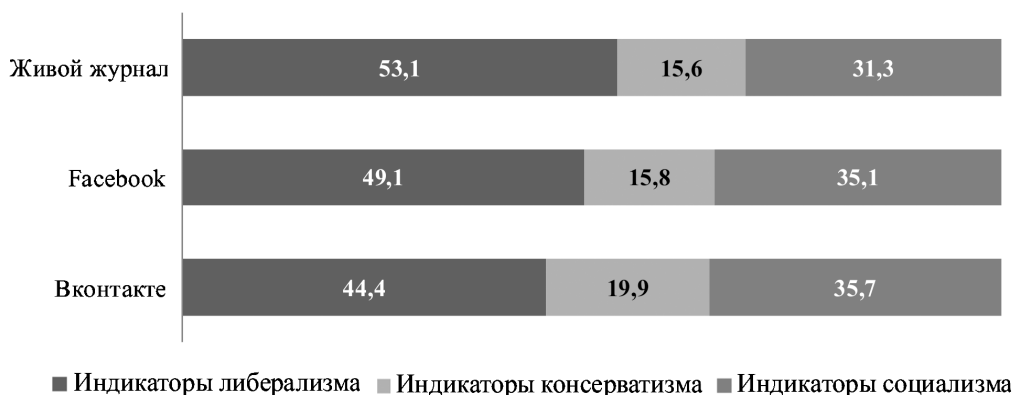

Рис. 3. Индикаторы идеологий, % от общего количества упоминаний

Разумеется, анализ социальных сетей не является строго репрезентативным. Речь — только о тенденциях и риторике. Тем не менее напрашивается вывод о гибридном и несистемном характере ценностных установок современного человека (отраженного либо сконструированного идеологиями) [6, 220–243]. Гибридность свидетельствует о смешении идеологических порядков в программах партий и в обыденном политическом сознании. Тезис о том, что общественное мнение непоследовательно и неустойчиво, подкрепляется утверждением, что в сознании большинства людей нет цельной системы убеждений, выражающих их интересы в публичном пространстве, нет ясного восприятия концептуально оформленных в идеологию идей. Что же тогда ожидать в плане борьбы и конфликтов от людей/партий, которые не имеют *принципиальных* убеждений? Принципов и иерархии ценностей нет, и это *плохо*.

Такой вывод, впрочем, будет считаться негативным только в тех научных парадигмах, которые исходят из предположения о том, что действия индивида обусловлены изначально закрепленным за ним набором ценностей, определяющим его идентичность и действия в обществе, то есть составляют его *природу*. Добродетельный в высоком смысле слова индивид в данном случае обладает последовательной и фиксированной идеологией, в то время как неопределенность или смешанный характер ценностных установок свидетельствует о его низкой политической культуре. Однако, руководствуясь в том числе и рекомендациями сотрудников ИФ УрО РАН о том, как следует оценить «негативный» результат первой части исследования, можно использовать принципиально другую установку: «реальную жизнь» невозможно описать с помощью заранее готовых классификаций, нужно идти от интерпретаций и оценок самих людей (особенно вступивших в политический конфликт) к выявлению и описанию всегда контекстуально зависимых, исторически и, позволим себе, пространственно-чувствительных оптик должного положения дел.

Методологические основания такого подхода мы обнаруживаем в «социологии градов» Л. Болтански и Л. Тевено. Болтански и Тевено отказываются закреплять тот или иной аксиологический набор за социальной группой в качестве ее сущностного определения. Каждый день перед людьми стоит необходимость обосновывать справедливость своих поступков. Для этого необходимо не только умение выносить моральные суждения, но и идентифицировать ситуации, в которых эти суждения производятся. Порой эти суждения носят непредсказуемый характер, что делает неприменимыми любые априорные классификации для анализа ценностей. В реальности люди действуют в условиях неопределенности, поэтому сконструированные социологами и философами объяснительные теории далеки от действительности.

Болтански и Тевено вписывают в ценностный порядок не людей, а окружающие их объекты, которые люди наделяют определенной ценностью: «Люди руководствуются принципами когерентности, которые присутствуют не только в них самих в виде ментальных схем, но и в диспозиции людей и вещей, составляющих их окружение, в расположении разного рода предварительно “слаженных” ансамблей» [1, 229]. Объекты составляют различные миры, в которых люди могут себя реализовывать. Мир не закреплен за теми или иными социальными группами. Миры квалифицируются по сложным ансамблям объектов, которые люди используют для легитимации собственных убеждений в конфликтных ситуациях. Конфликт происходит при столкновении этих миров: «Присутствие различных миров в одном пространстве влечет за собой конфликтное напряжение, которое должно быть разрешено, чтобы ход действия мог продолжаться нормальным образом» [Там же, 332]. В обосновании своей позиции не было бы необходимости, если бы люди не сталкивались с убеждениями, легитимированными объектами другого мира.

У каждого из миров есть свои нравственные идеалы, свое видение очевидности и естественного порядка вещей, а также способы его сохранения путем определенной логики аргументации. Такие миры в виде абстрактных и систематических построений сформулированы в различных философских концепциях политических философов различных эпох. Болтански и Тевено включают в свою аналитику ценностей труды Августина, Боссюэ, Гоббса, Руссо, Смита и Сен-Симона в качестве грамматик обоснования справедливости.

Таким образом, Болтански и Тевено осуществляют переход от социологического подхода, основанного на идее квалификации моральных установок по социальным параметрам (возраст, профессия, место проживания, образование и т. п.), к подходу, в котором учитывается неуловимость качеств и свойств людей. При окончательном закреплении определенных ценностей за людьми невозможно было бы осуществление согласия по какому-либо вопросу об общем благе между ними. Но тогда как люди приходят к согласию? Как члены сложного дифференцированного общества оспаривают позиции друг друга или приходят к консенсусу?

Ответ на данный вопрос Болтански и Тевено дают, предлагая собственную модель анализа способности людей на практике связывать моральную аргументацию с объектами соответствующего мира. Модель множественных миров

предполагает различные способы достижения согласия между людьми. Опора анализа на суждения, осуществляемые людьми, и их представления об условиях справедливого достижения согласия, из которых они исходят, составляет необходимое условие анализа ценностей, поскольку это требование накладывает ограничение на интерпретацию и объяснение социальных явлений.

Модель социологического анализа Л. Болтански и Л. Тевено изложена в их совместном труде «Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов» [1]. Так как ценности теперь не являются лишь сущностной характеристикой индивида, проблему гибридного характера ценностных установок следует пересмотреть с учетом модели множественных миров. Далее мы попытаемся подробнее рассмотреть данную модель анализа и попробуем применить ее для интерпретации дискуссии в рамках открытого микрофона для жителей Екатеринбурга, который был организован после акции протеста в сквере на Октябрьской площади в мае 2019 г.

Новая методология. Болтански и Тевено выдвигают ряд методологических ограничений. Приступая к исследованию, необходимо абстрагироваться от представления о том, что человеческими отношениями управляют некие внешние силы. Следует отказаться от критики аргументации людей, как если бы их оценочные суждения были продуктом навязываемой идеологии. Исследователь должен учитывать умение людей выносить свои суждения самостоятельно и разумно, а не интерпретировать суждения индивида в терминах власти и силы, подозревая детерминацию его мышления: «Принятие всерьез обоснований справедливости, осуществляемых людьми, и метафизик согласия, из которых они исходят, составляет необходимое условие строгой социальной науки, поскольку это требование (*exigence*) накладывает ограничение (*contrainte*) на интерпретацию и объяснение социальных явлений» [Там же, 512]. Вместо того чтобы заранее занять благоразумную позицию и устанавливать классификации, нужно анализировать то, как сами люди формулируют порядки в реальной жизни.

Необходимо учитывать знания людей о собственных поступках и действиях, их умения правильно распознавать природу данной ситуации и выносить разумные суждения. Люди не просто проецируют собственные ценности вовне, а принимают во внимание множественность мнений и отсылают к тем принципам, которые считают надындивидуальными и универсальными, чтобы найти согласие друг с другом: «Высший общий принцип сдерживает разногласия в пределах допустимого, не допуская того, чтобы прения перешли в крайность и привели к оспариванию самого принципа согласия. <...> Разногласия по поводу присвоения того или иного состояния человеку находятся на более низком логическом уровне, чем соглашение (*convention*) по поводу этих состояний и связанных с ними благ» [Там же, 132]. Для того чтобы понять ценности общества, необходимо анализировать суждения людей, направленные на обсуждение и критику несправедливости реальных ситуаций.

Материал для анализа трансформации ценностей общества у Болтански и Тевено открывается в реальных спорах, упорядоченных аргументацией

и предъявлением доказательств. Ситуации конфликта, когда различные ценности сталкиваются между собой и у конфликтующих сторон возникает необходимость аргументировать их значимость, являются объектом исследования. В данных ситуациях сами акторы ссылаются на собственные убеждения и принципы, упорядочивая социальный мир вокруг себя. Они сами отстраняют неубедительные доводы и случайные обстоятельства, выделяя то, что может иметь общее значение не только в конкретной ситуации, но и в связи с чем-то глобальным и индивидуальным. Исследователи анализируют способность людей переходить от конфликта внутри единичной ситуации к обобщающим суждениям для его разрешения. Чтобы обосновать справедливость решения локального конфликта, людям нужно придать ему общее значение, которое бы обеспечивало его действенность и уместность в других ситуациях. При изучении обобщающих суждений у исследователя в итоге появляется возможность установить те принципы справедливости, те убеждения и ценности, которыми руководствуются люди.

Как происходит переход аргументационных суждений к уровню абстрактных ценностей от их реальной координации в конкретных обстоятельствах? Как трансформируются принципы, сталкиваясь с обстоятельствами? Как показать реализацию моральных убеждений на практике? Для ответа на вышеперечисленные вопросы исследователь должен сфокусировать свое внимание на имеющих прагматический характер требованиях акторов. Подобные требования определяют адекватность тех или иных фактов и предметов, которые используются в качестве доказательств. Чтобы умерить противоречия, люди оценивают релевантность вещей и лиц, вовлеченных в ситуацию: «...Поиск согласия приводит людей не только к учету обстоятельств, но и к возвышению над второстепенными обстоятельствами (*contingences*) и к определению релевантности вещей и лиц, вовлеченных в ситуацию, относительно одного общего принципа эквивалентности» [1, 205–206]. Для решения общезначимых проблем они соизмеряют друг друга, представляют свои варианты справедливого распределения общего блага в обществе и выстраивают иерархии, указывая на требования легитимного порядка объектов.

Инструментом для распределения в иерархии являются не только идейные аргументы, но и различные предметы: «Общим между доказательством, обращенным к нашему чувству справедливости, и научным доказательством является то, что оба они опираются не только на ментальные состояния (такие, как убеждения или мнения), но и на некоторые достаточно стабильные диспозитивы, то есть наборы объектов, оцениваемых с позиций той или иной формы общего (*evaluation generale*)» [Там же, 38]. Приписывание людям того или иного положения всегда может быть оспорено. Чтобы обеспечивать значимость аргумента, нужно отсылать к объектам внешнего мира, то есть использовать реальные факты в качестве доказательного ресурса. Под объектами внешнего мира понимаются самые разнообразные элементы ситуации — социальные институты, регламенты, эмоциональные переживания, авторитетные мнения, данные экспертиз, средства оплаты, народные приметы и т. д. В зависимости от соответствия или несоответствия ситуации объект наделяется большей или меньшей ценностью. Уместность

людей и вещей устанавливается в критике конфликтующих сторон. Чтобы прийти к согласию, спорящие должны отсеять менее значимые объекты и договориться о том, что важно для обеих сторон, то есть прийти к тому набору объектов, который будет приемлем для всех.

Различные наборы объектов образуют самодостаточные миры — взаимосвязанные объединения, которые в ситуации спора будут рассматриваться как достаточно эффективное доказательство. Объекты, приводимые в доказательство, «...образуют объединения, которые являются достаточно когерентными, чтобы их применение в ситуации спора рассматривалось как эффективное, чтобы ожидаемые процессы шли своим ходом и чтобы ситуации могли развиваться надлежащим образом...» [1, 80]. В качестве опоры для суждения необходимо указать на нечто объективное, чтобы спор не длился бесконечно. Наборы объектов соответствуют тому или иному граду. Град строится из понимания того, что является общим благом, обладание которым в большей или меньшей степени распределяет по определенному принципу людей и объекты в иерархические отношения.

В повседневных спорах, как правило, люди не формулируют эти принципы. Они указывают на объекты, свойственные мирам, которые данным принципом руководствуются. Болтански и Тевено предлагают использовать концепции политических философов как уже сформулированные в абстрактной форме модели градусов в качестве инструмента социологического анализа. В современном обществе люди используют принципы этих градусов в различных ситуациях реальной жизни. Цель исследования в данном случае — проследить, как эти грамматики обоснования справедливости проявляют себя в процессе принятия общезначимых решений. Деятельность, направленная на поиск согласия между конфликтующими мирами, предусматривает не просто локальные конвенции, а построение нового порядка, нового гибридного града, который включал бы в себя наиболее ценные объекты из разных миров.

Для аналитики ценностей в ситуациях необходимо выделить ее элементы, которые меняются в зависимости от града: высший общий принцип, атрибуты величия, субъекты, перечень подтверждающих позицию субъекта объектов, способ выражения суждения, формы жертвы. Высший общий принцип обеспечивает соизмерение положений субъектов и объектов и является условием для определения соглашения между людьми. Модель града предполагает устройство определенного порядка, исходя из принципа одного общего блага. Атрибуты величия задают граду иерархичное измерение. Место в этой иерархии зависит от платы или жертвы, требуемой для его достижения.

В итоге Болтански и Тевено выделяют шесть градусов, сформулированных на основе канонических текстов политических философов: град вдохновения (Августин), патриархальный (Боссюэ), град репутации (Гоббс), гражданский (Руссо), рыночный (А. Смит) и научно-технический (Сен-Симон). Кратко рассмотрим ключевые характеристики этих градусов, чтобы приступить к аналитике реальных ситуаций.

Высший общий принцип в граде вдохновения — наивысший подъем чувств, порыв вдохновения, состояние высшего совершенства. Чувства не поддаются

измерению и унификации, поэтому атрибуты величия могут быть ориентированы на нечто уникальное, единичное и духовное. Субъекты этого града испытывают спонтанные состояния озарения, для чего эмоции, страсти и чувства являются объектом подтверждения. Творческие порывы субъекта дороже апелляции к здравому смыслу и обыденности. Для вдохновенной личности характерен поиск нового — новых встреч, новых приключений, новых эмоций. Необходимо жертвовать привычными практиками и подвергать сомнению материальные блага ради стремления к полету над всем мирским. Достоверностью суждения выступает очевидность интуиции: истина недоступна напрямую, ее можно познать только с помощью метафор, образов и символов.

В патриархальном граде на первый план выходят взаимоотношения людей, порядок устанавливается за счет обращения к роду и традиции. Величие субъектов определяется качеством связей с другими людьми. Отношения развиваются только в непосредственной близости. Хорошие знакомства возвышают человека, в то время как дурное окружение принижает его. Объекты величия включают в себя всевозможные титулы, ранги и регалии, знаки принадлежности и обычаи определенной группы. Атрибутами в этом случае являются хорошие манеры, хорошее воспитание, постоянство и покладистое поведение. В качестве жертвы выступает отказ от эгоистических побуждений и вспыльчивости; необходимо проявлять сдержанность и услужливость, чувствовать долг и ответственность, чтобы сохранить существующий порядок общественных отношений. Суждение об очевидном может выражаться в форме примера из жизни, повествующего об образцовом поведении уважаемого человека.

В граде репутации ценится не столько качество, сколько количество связей с другими людьми. Общий принцип для достижения согласия опирается на признание публики. Известность и популярность субъектов этого мира утверждается за счет объектов, влияющих на общественное мнение, — средства массовой информации выступают инструментом для коммуникации с большим количеством людей, а PR-кампании помогают обрести хорошую репутацию. В этом граде субъект жертвует правом на частную жизнь и скрытное поведение, которое может не понравиться публике. Чем большее влияние оказало суждение субъекта, там весомее оно в рамках данного града. Спорным мнением будет являться такое мнение, которое незаметно и неизвестно большинству.

В гражданском граде величие субъектов зависит от их принадлежностей к коллективу или от их способности выступать в качестве представителей определенного сообщества. Превосходство коллективных ценностей определяет высший общий принцип. Жертвуя частными интересами и стремлением к сиюминутной выгоде, субъект подчиняется общей воле. Атрибутами величия являются представительство, то есть способность выразить общее видение общезначимых проблем, солидаризироваться и достичь общего состояния, и законность действия, которое определяет его ценность. Очевидность суждения опирается на юридические нормы. Объектами поддержания величия являются всевозможные нормативные и законодательные акты, политические программы, правовые институты, а также политические акции и митинги. Субъектами в этом граде выступают

коллективные образования или граждане, которые их представляют: активисты, члены партий, профсоюзные организации и т. д. Суждение — осознание общей воли, которое может быть выражено в форме лозунга на протестной акции или в форме голоса за определенного кандидата на выборах.

Общим принципом, лежащим в основе координации рыночного града, является конкуренция. Для осуществления своих желаний люди заключают сделки между собой, выступая в разное время клиентами, продавцами или конкурентами. Субъектам, в равной степени движимым желаниями, соответствуют объекты — редкие блага, различные предметы роскоши, товары, которые можно обменять, и т. п. Чем большим состоянием владеет субъект, тем выше его положение в иерархии. Атрибут величия — богатство и успешность. В рыночных отношениях необходимо соблюдать отстраненность как по отношению к самому себе, так и по отношению к другим. Контроль собственных эмоций и фокус внимания на потребностях других для достижения каких-либо успехов — умение дистанцироваться. Дистанция предполагает, что качества людей, которые отличны от качеств продавца, никак не принимаются в расчет во время сделки. Деньги — мера всех вещей, а цена — мерило в конфликтах рыночного мира.

Эффективность, производительность и результативность являются общим принципом в научно-техническом граде. Отношения между субъектами этого мира определяются их профессиональными компетенциями. Эксперты, специалисты, профессионалы — наиболее ценные субъекты научно-технического мира. Статистика, методы, схемы, данные измерительных приборов, вычисления, планирование — объекты научно-технического мира. Суждения будут оправданы, если подтверждены объективно установленными данными, научными исследованиями, экспертизой. Инвестировать нужно в будущие проекты, так как прогресс является условием существования всех лиц и объектов в данном мире. Стабильность развития и рост будут являться атрибутами величия.

Используя методологию социологического анализа Болтански и Тевено, попробуем теперь определить те объекты, на которые опираются участники открытого микрофона для обоснования собственной позиции. Данные объекты могут принадлежать как одному миру, так и быть результатом слияния принципов нескольких миров, гибридом. В суждениях людей может присутствовать как критика других порядков и принципов, так и поддержка соединения нескольких миров для разрешения проблемных вопросов. Анализ критики и компромиссов в отношении единичного факта (кейса) поможет выйти на ценностный уровень.

Кейс. В ночь на 13 мая на Октябрьской площади в центре Екатеринбурга, рядом с Театром драмы, территорию сквера огородили забором. На этом месте к 300-летию города в 2023 г. совместными усилиями городских властей и епархии при поддержке крупнейших ресурсодобывающих предприятий планировали построить храм Святой Екатерины. Установка забора на данной площадке вылилась в масштабные протестные акции, которые продолжались неделю на территории сквера.

Спустя месяц, в воскресенье 16 июня, в Президентском центре Б. Ельцина проходил «Открытый микрофон», на котором участникам предлагалось осмыслить конфликт в сквере, поделиться собственной позицией, переживаниями и эмоциями, озвучить аргументы. Формат открытого микрофона предполагает возможность для каждого участника встречи поделиться собственной позицией без строгих формальных ограничений. Информация о проведении мероприятия была распространена в местных СМИ, любой желающий мог выступить в качестве спикера или задать вопросы другим участникам. В ходе выступлений и мини-дискуссий участники успели обсудить как частные, так и общие проблемы. Далее предлагаем рассмотреть суждения участников подробнее.

Первый спикер, представляясь, сразу определил свой социальный статус и специфику своего взгляда на конфликт: «Я являюсь студентом юридического университета. <...> Я могу смотреть на эту ситуацию с точки зрения *правового поля*». Ситуацию он определил как *прецедент* и сделал акцент на специфике *населения как источника власти*. Проблемой, по мнению спикера, является в целом пассивное отношение людей к изменениям. При этом спикер критикует некоторые действия протестующих за их излишнюю эмоциональность и стихийность: «Высказывание недовольства и какой-то позиции *не должно перерастать в какую-то агрессивную акцию*. <...> Разрушение забора — безусловно, это неправильно, это *неправомерно*. <...> *Не было какой-то организованности*, и поэтому люди творили, что хотели». В данном случае с позиции гражданского града критикуется такая черта града вдохновения, как спонтанность, которая является отклонением и подрывает согласованность коллективных действий. Спикер выступает за постепенные преобразования, коллективные размышления вместо стихийных действий. Решением проблемы «неорганизованного запроса» к власти со стороны населения, по мнению спикера, могут выступить коллективные институты — *территориально-общественные самоуправления*, которые бы формулировали претензии по поводу действий городской администрации. Мы видим, что в выступлении соединились объекты гражданского града (прецедент, население, правовое поле, акция, источник власти, территориально-общественные самоуправления) с универсальным принципом определения справедливости научно-технического града (эффективность и организованность процесса).

Пассивность и равнодушие граждан как источник упадка гражданского града была отмечена и другими участниками мероприятия. Как и первый спикер, многие отмечают слабость или отсутствие гражданского общества, которое больше представляет «*аморфную толпу*» без четко сформулированного запроса и способности к действию. «Если мы хотим говорить о себе как о гражданах, не как о населении, не как о толпе, мы должны принимать участие в этих процессах с самого их начала», — говорит второй спикер. Отмечают также, что для настоящего гражданского общества необходимы *включенность* в политический процесс и постоянное *внимание* к общезначимым проблемам, а не «вялая дискуссия в Интернете» и *стихийные всплески недовольства*: «В *приличном обществе* люди не роняют заборы». Один из спикеров сформулировал предположение о том, что хорошо устроенный и налаженный административный аппарат в принципе предупредил

бы все митинги. Тезис вторит концепции А. Сен-Симона об устройстве общества: «А может, рациональнее не создавать таких ситуаций, которые позволяли бы людям выходить на улицы? Мы могли бы в принципе просто наладить все. Наладить весь *механизм*». Другие спикеры видели проблему в том, что *интерес* со стороны общества к проблеме выбора места для строительства храма возник очень поздно: «Инцидент со сквером показателен еще тем, что на самом деле эта ситуация долго продолжалась... но никто этим не интересовался».

Один из участников выдвинул свои предположения по поводу факторов, которые повлияли на внимание общественности. Популярность протестных акций, по его мнению, зависит от того, насколько точно сформулирована цель протеста и в какой степени она влияет на удовлетворение личного блага индивида: «Успешный протест складывается из того, что человек получает какой-то *выхлоп*. Особенность ситуации в сквере заключается в том, что здесь была четко сформулирована цель». По мнению спикера, человек выходит на протест только тогда, когда вероятность удовлетворяющего результата выше, чем риск, который индивид берет на себя: «Когда человек идет на какой-то митинг, протест, мне кажется, он учитывает две вещи: некое количество времени, которое он потратит, и вероятность того, что он будет задержан. Это его *издержки*». Издержки и «выхлоп» можно интерпретировать как объекты аргументации на основе рыночного града, в котором особо ценится стремление к решению общезначимых проблем только при условии личного интереса.

Несколько из участников мероприятия указали на значение слов «*власть*» и «*население*», утверждая, что сами спикеры, используя их, находятся в дискурсе, который предполагает эту гражданскую безынициативность: «Очень странно слышать от людей, которые хотят каких-то позитивных изменений в стране, слово “власть”. Будто мы находимся в *Средневековье*». С позиции гражданского града критикуется использование той лексики, которая отражает подчинение патриархальному авторитету. Одна из выступающих критиковала с позиции града вдохновения, отличительной чертой которого является открытость новому и разрушение границ, страх перед изменениями, который характерен для патриархального града. Также она отмечала важность способности формулировать свое мнение и преодолевать стереотипное мышление: «Кто-то боится, что кто-то посмотрит, что кто-то узнает. <...> Не ограничивать, не забивать в себе возможность сказать, выходить на *диалог* и не бояться — наверное, один из таких важных моментов. <...> Необходимо постепенно *убирать границы*, начиная с садика, начиная со школы, с семьи». Мы видим, что здесь формируется компромисс, соединение гражданского и патриархального градов, поскольку прививка демократических ценностей осуществляется за счет воспитания.

Отдельно стоит отметить возражения по поводу выступления спикеров, которые появились у аудитории. Во многом их можно рассмотреть как критику со стороны града вдохновения: «Иногда нужно все-таки делать *резкие движения*». При отсутствии легитимных политических ресурсов, позволяющих определить народ как верховную власть, в граде вдохновения запрос на изменения выливается в агрессивные действия. Эта позиция связана с представлением

о том, что конфликт вышел на уровень решительных действий и интерес общества проснулся именно тогда, когда протестующие повалили забор: «Пришлось долго-долго мирно протестовать, но в конце концов мирное перешло в дерзкое». Компромисс между гражданским градом и градом вдохновения предполагает привлечение объектов из града репутации, а именно привлечение внимания с помощью публичного жеста. Гражданский порядок с этой позиции критикуется, если он принимает форму системы, как в научно-техническом граде, так как бюрократизация успокаивает общественное внимание. В качестве оптимального публичного жеста упоминалась деятельность представителей сферы искусства: «Я считаю, что может быть не насилие, может быть агрессия. Агрессия полезна. *Агрессия природна* и человеку свойственна. Формы агрессии должны быть достаточно светскими. Для этого нужно заниматься *искусством* конечно же». Порождение различных литературных, художественных и музыкальных форм самовыражения многие связывали именно с конфликтными ситуациями, провоцировавшими порыв вдохновения: «*Культурная творческая интеллигенция*, наши поэты и художники все переоформят и переосмыслят, что мы сразу скажем, что это круто».

Для гражданского града наибольшую ценность несет коллективное действие, что также отмечалось в аудитории: «Мы должны показывать, что конечно же есть мы». Кто-то видит проблему в том, что даже на уровне индивидуального сознания люди не могут сформулировать собственное мнение: «В любой момент мы можем стать “мы”, если ты осознаешь “я”, то есть у тебя есть *свое мнение*, ты понимаешь, что ты твердо стоишь на ногах, ты понимаешь, где ты находишься в данный момент. И тогда ты можешь встать на позицию другого, даже если его мнение отличается».

Одна из участниц встречи сделала акцент на том, что ей было важно видеть знакомых в пространстве сквера. Это переводит рассмотрение конфликта в регистр патриархального града, когда аргументы основаны на утверждении ценности личных взаимоотношений. Еще одна девушка высказала мнение, что акции протеста в сквере повлияли на преодоление конфликта ценностей между младшим и старшим поколением: «Появляются какие-то опорные точки, которые как бы сближают нас со старшим *поколением*». Для одной из участниц ценным было приобретение новых знакомств: «Сквер всех объединил, мы там познакомились, нашли новые связи». Многие согласились с тем, что городские и областные СМИ, оперативно распространяя информацию, способствовали умножению числа горизонтальных связей, привлекли большое количество людей, в то время как федеральные СМИ критиковались за пропаганду и манипуляцию общественным мнением. Для некоторых спикеров эффективным результатом является не только собственно принятие определенных решений, но и привлечение внимания бóльшего количества людей: «Главное — *привлечь внимание* тех людей, которые не вышли». Новые знакомства и привлечение внимания в случае митингов или политических акций выступают компромиссом между гражданским градом и градом репутации, — наибольшая известность среди общественности способствует мобилизации гражданского общества. Выражалось недоверие к информации,

поступающей иерархичным путем, то есть критика соединения патриархального и репутационного градов в объекте федеральных СМИ.

Если рост связей среди протестующих оценивался положительно, то неформальные отношения внутри административного аппарата подверглись жесткой критике. Один из спикеров выдвинул тезис о том, что фактически произошло сведение природы конфликта публичного характера к области личных отношений учредителей строительства храма. Смешение различных объектов патриархального и рыночного миров в сфере государственного управления приводит к критике со стороны гражданского града, обличающей намерения получить личную выгоду путем создания союзов, основанных на личных отношениях между людьми, которых должны были бы связывать только уважение к закону и работа над общезначимыми проблемами: «Я бы назвал эту ситуацию издержками нынешней системы. Издержки нашего государственного строя, который строится прежде всего на *неформальных отношениях*».

По поводу ценностных установок как учредителей строительства храма, так и протестующих в сквере высказывались различные точки зрения. Кто-то видел проблему в принципиальной разнице в отношении к миру между данными группами: «Тот, кто нами управляет, имеет отличную *систему ценностей* от людей, которые живут в этом городе. <...> Этот конфликт — визуальная точка двух параллельных *мировоззрений*». Кто-то, наоборот, указывал на парадоксальность того, что мотивация и ценности схожи, просто у одной части населения средств для того, чтобы свободно реализовывать свои амбиции больше, чем у другой части. Кто-то определял универсальные ценности, которые в равной степени важны для всех, например, экологические: «Есть ценности, которые не купишь». Кто-то выделял проблему отсутствия представительства: «Мы видим, что молодежь своих *представителей* не знает».

Выводы. Конфликт на территории сквера в Екатеринбурге сам по себе явился объектом споров и обсуждений в публичной сфере гражданского общества. И поэтому ожидаемо конфликт в основном рассматривался в дискурсе гражданского града. Однако мы видим, что в своей аргументации участники открытого микрофона привлекали также объекты других миров, которые создавали новые формы компромисса гражданского града с другими.

В целом все участники озвучили запрос на изменения как в самом обществе, так и в правительственных структурах. И в той и в другой сфере критике подвергаются корысть и личный интерес. Во многом проблему видят в ориентации сознания людей на удовлетворение только личной выгоды и равнодушие по отношению к общезначимым проблемам. Практически каждый спикер упоминал о важности сохранения внимания к политическим и социальным проблемам: «Каждый должен осознать собственный интерес и его взаимосвязь с общими проблемами». Возможно, такая повестка связана именно с тем, что люди проявили интерес и пришли на мероприятие добровольно. Значит, они уже активно проявляют себя в публичной сфере и хотят, чтобы эта активность повышалась у других людей.

Мнения разделились по поводу способов достижения изменений, которые бы оценивались или с точки зрения эффективности, или с точки зрения искренности намерения в отказе от личной выгоды. Кто-то предлагал реформировать саму социальную систему и механизмы власти, как это характерно для научно-технического града. Кто-то указывал на необходимость изменений в сознании людей, что характерно для града вдохновения: «Должна пройти революция не такая, как была в сквере, где мы роняем забор, а *революция сознания*, определенный сдвиг в сознании». Произошло противопоставление того, что относится к области организации, и того, что относится к области воображения, оформленное в виде противопоставления стабильно функционирующего *механизма* и живой системы.

Заключение. Таким образом, с помощью анализа суждений и способности людей на практике связывать моральную аргументацию с теми или иными объектами мы рассмотрели конкретный кейс, недавно произошедший в городе Екатеринбурге. Мы видим, каким образом модели градов Болтански и Тевено образуют формы критики и формы компромиссов, что в аргументации участников открытого микрофона показывает условия достижения «справедливого решения». Возвращаясь к изначальной проблематике — проблематике ценностной иерархии в политическом сознании, мы отмечаем, что методология Болтански и Тевено приводит к принципиально иному видению «нормальной структуры сознания» — как структуры «гибкой» и ситуационно зависимой.

Такое «видение» политического сознания имеет, на взгляд авторов статьи, несколько преимуществ: эта оптика а) остается оптикой нормативной, апеллирующей к благу (ценности, определяющие наше видение мира, не редуцируются в ней к расчету «голого» экономического интереса); б) является чувствительной к контексту, поскольку обоснование этой оптики всегда ситуационно, а предполагаемое разделение градов на «близкие/далекие» (включая границы между градами своих и чужих) при этом оказывается всегда контекстуальным, требующим от говорящего умения «работать с людьми»: говорить в большей степени на языке «мужчин и женщин» (М. Уолцер), нежели на языке философских кабинетов и «канцелярий». Тем не менее нельзя сказать, что подход Болтански и Тевено в целом, а также использованные качественные методы (интервью, транскрибирование) являются универсальным «ключом» к ценностным установкам всех граждан. В конце концов, в событиях мая 2019 г. участвовали далеко не все жители Екатеринбурга. Разумеется, на открытый микрофон пришли также не все из участвовавших в событиях люди, при этом некоторые из пришедших не выступали. Мы полагаем, что центральной задачей дальнейших исследований ценностных предпочтений «молчаливого большинства» будет анализ практик. Люди могут что-то делать или не делать, то есть воздерживаться от действий, даже при возможности эти действия совершить. Действие и бездействие в ситуациях морального выбора, как кажется авторам, будет еще более «ярким» сигналом наличия ценностных установок, но и потребует очередной перенастройки методологического аппарата, используемого в такого рода исследованиях.

1. *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М., 2013.
2. *Валлерстайн И.* После либерализма : пер. с англ. / под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М., 2003.
3. *Дюверже М.* Политические партии. М., 2002.
4. *Логинов А. В., Руденкин Д. В., Данилова А. В.* Трансформация идеологических систем // Изв. УрФУ. Сер. 3 : Общественные науки. 2013. № 1(112). С. 87–102.
5. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыянова, Л. Г. Фишмана. М., 2016.
6. *Руденкин Д. В., Логинов А. В.* Идеология в обществе позднего модерна: исчезновение или трансформация? // Социол. обозрение. 2018. № 3. С. 220–243.
7. Теоретический семинар ИФиП УрО РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://yearbook.uran.ru/gosti-zhurnala/985-teoreticheskij-seminar-13-noyabrya-2019-g> (дата обращения: 21.11.2019).
8. *Seliger M.* Ideology and Politics. L., 1976.

Рукопись поступила в редакцию 29 ноября 2019 г.

УДК 172 + 321.01 + 316.3 + 124.5

А. Е. Якимов
К. П. Худорожков

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ: ЛИБЕРАЛИЗМ И КОММУНИТАРИЗМ*

В статье приводятся анализ и описание различных определений понятия «гражданственность». Рассматриваются особенности его трактовки. Обосновывается гипотеза, что в основании концепции гражданственности находится набор базовых ценностей той или иной политической теории. Базовые ценности определяют практики гражданственности. В статье приводится описание гражданственности как вовлеченности, гражданственности как заботы об общественном благе и гражданственности как взаимопомощи. Опираясь на работы представителей либеральной политической теории (Дж. Ст. Милль, Дж. Роулз) и представителей политической теории коммунитаризма (М. Сэндел, А. Этциони и А. Макиантайра), авторы описывают концепции гражданственности, свойственные данным теориям.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гражданственность, либерализм, коммунитаризм ценности, политическая теория, аксиология.

Понятия «гражданство» и «гражданин» занимают важное место в нормативных политических теориях (как, например, различные направления либеральной мысли), поскольку во многом их содержание определяет пути оправдания/обоснования необходимости государства как института с этической, ценностной, экономической, социальной точек зрения а также обоснование стратегий

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-33012.

взаимодействия гражданина и государства. Общие представления о взаимоотношении гражданина и государства или общества и государства в рамках той или иной политической теории мы обозначим понятием «гражданственность». Однако это не значит, что гражданственность ограничивается взаимоотношениями индивида, общества и государства. Далее мы увидим, что понятие «гражданственность» также может применяться к локальным сообществам и помимо этого обладает широким набором различных аспектов. Этим отчасти и вызвана актуальность проблематизации гражданственности. Во многих русскоязычных публикациях гражданственность рассматривается в русле воспитания патриотизма и морально-нравственных качеств личности, тогда как само понятие обладает множеством значений и требует более всестороннего рассмотрения. Понятие «гражданственность» позволяет рассмотреть политические теории с точки зрения роли отдельного индивида, гражданина, а также локальных сообществ в реализации политических проектов.

Целью исследования является обоснование гипотезы, что понятие гражданственности строится на наборе определенных ценностных установок. Они, в свою очередь, определяют представления той или иной политической теории об «идеальном» гражданине и об «идеальном» институте гражданства как двух субъектах политического, социального или экономического взаимодействия. Ключевые задачи данной статьи — проанализировать некоторые определения понятия «гражданственность», а также показать связь между набором базовых ценностей и практиками гражданственности на примере либерализма и коммунитаризма. В этой статье мы остановимся на попытке определить типы ценностей, которые в самом общем смысле характеризуют концепции гражданственности в политических теориях либерализма и коммунитаризма, а также на их сравнительном анализе.

Важно отметить, что основным объектом исследования являются гражданственность и ее аксиологические основания. В нашу задачу не входит подробное и всестороннее рассмотрение аксиологических оснований самих политических теорий либерализма и коммунитаризма, поэтому их анализ может показаться читателю несколько поверхностным и частичным. Наша стратегия заключается в попытке проследить связь между практиками гражданственности и ценностями; политические теории, либерализм и коммунитаризм, выступают в данном случае лишь в качестве примера того, насколько сильно может отличаться концепция гражданственности в зависимости от набора базовых ценностей.

Всестороннее и полное рассмотрение аксиологических оснований той или иной политической теории требует отдельного исследования, находящегося в поле политической философии. Поэтому в данной статье мы лишь кратко остановимся на некоторых основных положениях описываемых теорий, это необходимо, чтобы прояснить различия в представлениях о гражданственности, но, безусловно, и мы это понимаем, тот набор ценностей, о которых мы будем говорить применительно к либерализму и коммунитаризму, не является исчерпывающим.

Общее содержание различных определений понятия «гражданственность»

Существует по крайней мере два основных смысла понятия «гражданство». Гражданство как подданство (принадлежность государству) и гражданство как участие (вовлеченность в политическую жизнь). Гражданственность же это прежде всего «форма производства политической субъектности» [5, 140]. Так характеризует гражданское общество Б. Г. Капустин в своей работе «Гражданство и гражданское общество». Однако это определение прекрасно подходит и понятию «гражданственность». Помимо этого гражданственность, как и гражданское общество, «необходимо противостоит и форме производства политической субъектности» [Там же]. Немыслимо гражданское общество без сформированной гражданственности как условия политической активности, присущей политическому субъекту. Важно подчеркнуть, что гражданственность не может быть универсальной, она всегда представлена в рамках конкретного набора ценностных установок и политических идеалов, а также в контексте определенной политической ситуации и находится под влиянием той или иной политической теории. «Она есть свобода, но в качестве свободы-как-действия (в отличие от моральной свободы как сознания свободы) она есть определенное социальное отношение к тем, чье всегда политически конкретное самоопределение это действие отрицает» [Там же]. То есть гражданственность — формирование политической субъектности в противовес волюнтаризму субъекта власти.

Обращение к понятию «гражданственность» актуально ввиду того, что оно употребляется все чаще в последнее время, тогда как его смысл не является до конца определенным. Если такие понятия, как гражданство, гражданин, институт гражданства, гражданское общество, для политической теории достаточно привычны и описывают они вполне конкретные явления политической и социальной жизни, то понятие гражданственности вводит в заблуждение в связи с тем, что является более абстрактным и спекулятивным. Оно подразумевает особую рациональность индивида, рассматривающего себя как гражданина, особенности национальной/государственной идентичности, законопослушность, лояльность государству, социальную ответственность, а также ряд психологических, социальных установок, определяющих модели поведения. Вероятно, обращение к данному понятию вызвано семантической недостаточностью понятий «гражданин», «гражданство» и «гражданское общество». Гражданственность, категория, обладающая чрезвычайно широким набором значений, может стать теоретическим инструментом для анализа ценностных оснований той или иной политической теории, поскольку, помимо практической стороны взаимодействия индивида и общества, включает в себя этический, культурный, психологический аспекты.

Для начала рассмотрим некоторые определения понятия «гражданственность», которые встречаются в академическом пространстве, чтобы прояснить сферу его применения и выделить ключевые особенности. Нельзя не заметить, что большинству определений свойственны поверхностность и широкий набор значений. Из-за чего они не ограничивают сферу употребления данного понятия

и зачастую лишают его ясности. Однако во всех определениях можно выделить единую логику построения. Почти всегда они фиксируют противоречие между обществом и государством или индивидом и сообществом. В публикациях на русском языке есть тенденция отождествлять гражданственность и патриотизм или рассматривать эти понятия неотделимо друг от друга. Часто гражданственность определяется исключительно как черта личности, и многие авторы сосредотачиваются на морально-нравственном аспекте гражданственности. В самом широком смысле гражданственность определяют как «фактор и условие воспроизводства социальных связей» [6, 49], как «базовую социальную установку» [Там же, 50], «интегративный компонент взаимодействия» [Там же, 51] общества и человека, как «духовно-нравственные качества людей» [11], как «практическую сторону политической культуры» [Там же], как «участие и вовлеченность в политическую жизнь через практики диалога и оспаривания» [17], как «набор институционально закрепленных общественных практик» [3, 163], как когнитивную и нормативную установку с отвечающими ей стереотипами действия [Там же, 164].

Гражданственность реализуется через «понимание гражданами ценности своих прав и свобод, обязанностей, отражающих интересы общества» [6, 49], и является междисциплинарной категорией, включающей в себя социально-правовой, морально-этический, социально-психологический, практический, политический, философский и культурологический аспекты. Помимо вышеперечисленного понятие также рассматривается часто как забота об общественном благе, как осознание гражданского долга, «личное качество, выраженное в глубоком осознании человеком своей принадлежности к обществу, в котором он живет, а также в осознании совокупности своих прав, обязанностей по отношению к обществу, в готовности добровольно следовать предписаниям его морали и закона» [12].

Рассмотрим более подробно социально-психологическое определение гражданственности. Эдмунд Внук-Липинский, автор «Социологии публичной жизни», выделяет три аспекта гражданственности. Он утверждает, что гражданственность — это «определенная позиция и установка человека, которая включает в себе осознание своих прав в общности и своих обязанностей перед общностью... Чувство гражданственности легитимирует гражданскую роль, а также установки и варианты поведения, представляющие собой последствия пребывания гражданином» [3, 160]. Первый аспект и необходимое условие гражданственности — это «действенная субъектность», предполагающая активную установку и наличие свободы выбора, а также «убежденность в собственной действующей субъектности» [Там же, 161]. Убежденность субъекта в собственной ничтожной субъективности «порождает не только чувство отсутствия всякого влияния на то, что происходит в ближнем и дальнем социальном окружении, но также отсутствие какого-либо контроля над собственной жизнью» [Там же]. Исходя из этого еще одна особенность гражданственности — это убежденность субъекта в том, что от него что-то зависит. Второй аспект — чувство безопасности, связанное с тем, что «гражданский статус ограничивает произвольность отношения к людям со стороны существующих институтов» [Там же]. Третий аспект — обязательства индивида перед политической общностью.

Гражданственность также зачастую определяется как совокупность убеждений и взглядов, которые предполагают, «с одной стороны, высокую степень независимости и самостоятельности индивидуальных суждений об обществе, с другой — нерушимую социальную солидарность, выражающуюся в участии человека в жизни социума» [11]. Здесь важно отметить, что важной составляющей частью гражданственности является чувство социальной ответственности/солидарности.

В рамках представленного понимания гражданственности наличествует упомянутое выше противоречие: это готовность добровольно подчиняться формальным правилам, то есть законам, но это и активная позиция, то есть готовность гражданина/гражданского общества противопоставить себя этим законам в случае, если они не соответствуют базовым ценностям сообщества, которые, в свою очередь, определяют понимание справедливости и легитимности (как представление о некотором распределении прав и обязанностей). Противоречие отсылает нас к идее общественного договора, согласно которой государство является результатом согласия между обществом и властью по поводу базовых ценностей. «Современная политическая гражданственность воспроизводит оппозицию свободы и несвободы... Эта оппозиция уже не неизменная, “естественная данность” (“естественного рабства” и “естественной свободы”). Она есть сугубо историческое явление, открытое новым “ревизиям”, производимым новыми явлениями “политической гражданственности”» [5, 140].

Согласно мысли политолога Джина Л. Коэна и социолога Эндрю Арато немыслимо общество, лишенное норм поведения, то есть не вырабатывающее политических проектов [7, 10]. «При подобном положении дел неизбежен уход граждан в частную жизнь» [Там же, 11]. Гражданственность подразумевает, таким образом, наличие некоторых идеалов, которые обладают характером ценностных ориентиров, таких как справедливость, социальная солидарность, равенство, демократия и т. д. Согласно Коэну и Арато ценностное основание гражданского поведения связано с некоторым уровнем утопичности представлений об «идеальном государстве», которые так или иначе становятся основанием, мотивацией для политических, социальных (в общем смысле гражданских) действий индивида и гражданского общества. Таким образом, ценности можно рассматривать как важнейший аспект процесса формирования норм.

Так мы приходим к выводу о том, что основанием гражданственности является набор ценностей, который формируется в результате попыток преодолеть противоречие между субъектом гражданственности и субъектом власти.

Ценностное основание концепции гражданственности заключается в убежденности субъекта в важности конкретных ценностей. Эта убежденность трансформируется в поведенческую установку на основании уверенности в возможности повлиять на публичное пространство (в его политическом, социальном, культурном, экономическом измерениях). В качестве основополагающих ценностей, как правило, выступают «гражданские добродетели», такие как справедливость, равенство, общее благо, традиции, коллективность, индивидуализм и т. п. Как раз набор этих добродетелей и определяет то, каким предстает концепция гражданственности в той или иной политической теории. Чувство гражданственности

поддается культивированию путем социализации, аккультурации, воспитания, образования, пропаганды и прочих подобных процессов.

Гражданственность как вовлеченность и гражданские практики на примере «демократических кафе» Кристофера Филлипса

Прежде чем перейти к анализу ценностных оснований гражданственности в либеральных политических теориях, приведем пример того, как на основании представления о гражданственности могут формироваться и реализовываться конкретные гражданские практики. Это позволит более подробно конкретизировать особенности понятия. Политический теоретик Джоэль Шлоссер в своей работе «What Would Socrates Do? Self-examination, Civic Engagement, and the Politics of Philosophy» («Что бы сделал Сократ? Самопроверка, гражданская вовлеченность и философская политика») (2014) рассматривает понятие «гражданская активность» как погруженность в общество, которое характеризуется вовлеченностью и участием в социальной жизни. Понятие гражданственности как участия возникает в процессе переосмысления автором сократовской вовлеченности в жизнь античного сообщества. Автор пытается ответить на вопрос «Что бы сделал Сократ?», чтобы актуализировать метод сократовской вовлеченности как особого модуса гражданственности. По мнению автора, важной чертой Сократа является его «странность» [17, 16] или своего рода отстраненность, которая проявляется в виде «неудобных», «раздражающих» вопросов. Эти вопросы являются проявлением критического отношения к устройству общества, некоторой политической стратегией, которой придерживается Сократ. В практическом смысле гражданственность реализуется в моменты собрания в «разных пространствах, для того чтобы задавать вопросы, спорить, беседовать, и обсуждать актуальные темы» [Там же, 17]. Таким образом, специфика гражданственности характеризуется понятиями «заинтересованность», «критичность», «коммуникативность», которые выражаются в вопросах и спорах. Данные понятия, по мнению автора, являются ключевыми составляющими демократии. «Философия Сократа предполагает, что граждане и неграждане в равной степени наделены возможностью быть вовлеченными в коллективные практики диалога и размышления, что, в свою очередь, формирует их как мыслящих, действующих субъектов, которые способны более полно реализовать предпосылки демократической жизни» [Там же, 21]. Гражданственность, следовательно, предполагает участие в жизни общества в форме диалога и критического оспаривания. Сократовские вопрошания в данном случае всего лишь пример того, на каких практиках (в первую очередь «публичное отстаивание своих мыслей и оспаривание существующей демократии посредством вопроса и диалога» [Там же]) может основываться реализация гражданственности.

Шлоссер приводит в пример Кристофера Филлипса, который проехал всю Америку, организовывая так называемые «демократические кафе» — организации, в которые входят очень разные люди: «иммигранты, пожилые, дети, бездомные, заключенные, студенты, владельцы малого бизнеса и многие другие граждане. В настоящее время более 600 групп по всему миру собираются, чтобы

философствовать в рамках проекта «демократическое кафе» [17, 18]. Этот проект основан на совместной практике философствования, которая исходит из сократовского метода вопрошания. Это особый «тип философствования, “антигуру”, в котором ведущий дискуссии (фасилитатор) всегда учится у других участников гораздо большему, чем он мог бы сам научить их. Метод, который предполагает, что вопросы раскрывают о нас и о мире гораздо больше информации, чем ответы» [Там же]. Другими словами, это особая модель локальной гражданственности, которая основана не на самоутверждении и конкурентоспособности отдельного индивида, но на ценности коллективного участия, которое основано на вопрошании и исследовании. Почему мы так подробно остановились на данном примере? Это связано с тем, что данный проект не просто философский клуб. В первую очередь это попытка создания новой формы сообщества, основанной на объединении представителей различных слоев населения в рамках локальных дискуссий. Как показывает практика, данные объединения выходят за рамки дискуссионных собраний, перерастая в дружбу и политические сообщества. Таким образом «демократическое кафе» обретает политическое измерение через нестандартную для современности практику гражданственности. «По мнению Филлиппа, коллективное философское исследование по своей природе противостоит устоявшимся авторитетам и иерархиям, помогает избежать интеллектуальных тюрем социальных ограничений» [Там же, 21]. Данный проект ставит своей целью обучение индивидов гражданской вовлеченности через участие в дискуссиях, совместном исследовании. Формирование гражданственности в данном случае происходит за счет осознания субъектом себя как части сообщества, а также за счет проживания опыта коллективного действия, что, в свою очередь, становится предпосылкой гражданского общества как такового.

В данном случае противоречие внутри гражданственности между волюнтаризмом индивида и волюнтаризмом сообщества/государства решается путем совместной, неиерархической практики вопрошания. Ключевой аспект — преодоление атомизации через участие и вовлеченность.

Рассмотрим то, на каких ценностях основана гражданственность в либеральных политических теориях и каким образом разрешается это противоречие в рамках либеральной и коммунитаристской концепций гражданственности.

Гражданственность как забота об общественном благе.

Аксиологические основания гражданственности в либеральной политической теории

В рамках европейской философской традиции политика еще с античности мыслится как сфера этического. Аристотель в «Никомаховой этике» утверждает, что добродетели являются предметом «важнейшей науки», науки о государстве, целью которой является достижение «блага» государства и народа [2]. Благо становится одним из центральных предметов утилитаристской этической философии Дж. Ст. Милля и И. Бентама, которая прямо выражает воззрения классического либерализма. Они совершают перенос ценностных этических категорий в область

экономической и политической жизни. «Утилитаризм Милля и Бентама переводит этические аспекты поведения исключительно в наблюдаемую плоскость» [8]. Ценность свободы, согласно Миллю, заключается в ее пользе как для общества в целом, так и для отдельного индивида [10]. Достижение этой пользы возможно только в случае разграничения сфер индивидуальной и общественной жизни, сферы свободы и ответственности [Там же, 55]. Необходимо ограничить сферу употребления понятия «свобода». Понятие, которое обладает большим набором различных значений, часто подразумевает свободу воли, экзистенциальное переживание, абстракцию и т. п. Под понятием «свобода» в данном исследовании мы будем понимать прежде всего его представленность в социальном, экономическом и гражданском поле, как понятие, которое подразумевает особую структуру социальных взаимоотношений, в рамках которой взаимное ограничение субъектов является результатом добровольного соглашения. Добровольное согласие большинства членов сообщества с его нормами является, следовательно, главным условием свободы.

Свобода в данном случае мыслится как результат некоторого ограничения, которое осуществляется различными институтами. Здесь возникает связь с понятием «социальная ответственность», поскольку осуществление свободы через ограничение предполагает готовность индивидов соблюдать нормы (как результат взаимного ограничения) и готовность общества пресекать их несоблюдение через наказание и принуждение. Только в результате взаимного ограничения возникает польза как благо для государства и граждан. Таким образом, через понятия свободы и ответственности мы приходим к таким понятиям, как негативные права и позитивные права, а также права и обязанности. Представления о правах и обязанностях напрямую характеризуют гражданственность, предполагая коммуникативные, деятельностные модели реализации гражданственности в рамках любого политического проекта. Исходя из определяющих ценностей либерализма формируется особая модель гражданственности, предполагающая опору на негативные права и делегирование обязанностей уполномоченным субъектам, легитимация которых происходит путем рационального распределения обязанностей для достижения максимальной пользы (общественного блага). «Социальная ответственность» — особая установка субъекта, подразумевающая стремление к достижению общего блага. Это очень широкое и абстрактное определение, однако показывает сущностную черту «социальной ответственности». В зависимости от того, что мы понимаем под понятием «общее благо», различаются стратегии реализации социальной ответственности в практическом действии и различается само переживание социальной ответственности в социально-психологическом смысле. Являясь важной составляющей гражданственности, ответственность также зависит от набора базовых ценностей, присущих отдельному индивиду или сообществу.

Например, Ричард Даггер, обосновывая политическую теорию либерального республиканизма, утверждает, что дискурс защиты прав отдельных сообществ или личностей не способствует осознанию себя частью сообществ, от которых мы зависим и которые в значительной степени составляют нашу идентичность.

На этом основана его критика либерализма, в котором социальная ответственность основана не на прямом участии, но на делегировании и сосредоточенности на отдельной личности, ее свободе и благополучии. Благо индивидуальное становится условием общего блага. «Мы настолько обеспокоены своими правами, что теряем из виду наши обязанности и потребность действовать добродетельно, то есть на благо общества» [16]. Как мы увидим дальше, из этого также исходит теория коммунитаризма, в которой общее благо — условие индивидуального блага.

Определяющими ценностями либерализма являются индивидуализм, справедливость и рациональность. «Рациональный план для человека определяет его благо» [13, 358]. Являясь по преимуществу нормативной теорией, либерализм постулирует рациональность как основание для определения того, какими должны быть взаимоотношения гражданина и государства. Согласно Дж. Роулзу, который развивает теорию блага, менее успешными, благополучными членами общества (гражданами) являются те, чей «жизненный план» не соответствует критериям рационального выбора. Счастливый человек (успешный гражданин) — тот, кто «находится в процессе успешного выполнения рационального жизненного плана» [Там же, 359].

На какие типы ценностей опирается либерализм в процессе формирования представлений о гражданственности? Это прежде всего:

1) политические ценности (антиавторитаризм, возможность гражданского участия в реализации политической власти, соблюдение прав граждан, независимый суд и т. п.);

2) экономические ценности: частная собственность и свобода контракта (как условие свободы рынка);

3) культурные ценности — свобода индивидуальных проявлений гражданина (искусство, самореализация, свобода слова и пр.);

4) социальные ценности: конкуренция (необходимая в рамках свободы контракта и свободы рынка), индивидуализм.

Таким образом, свобода определяется уровнем независимости индивида от общества и государства до той степени, пока результаты этой независимости не нарушают условия соглашения общества и государства, которое по своей сути напоминает контракт. Недаром либеральный дискурс XX–XXI вв. возрождает несколько иным образом понятие общественного договора. «Гражданин пользуется защитой от агрессии извне вне зависимости от того, заплатил он налоги или нет» [Там же, 239], тогда как государство должно взять на себя «организацию производства и финансирование коллективных благ» [Там же, 240]. Этот договор призван обеспечить осознание того, что общее благо — это результат принуждения, «которое является совершенно рациональным с точки зрения каждого» [Там же].

Идеалы либеральной теории в целом опираются на вышеперечисленные ценности. Рационализм и утилитаризм данных теорий основан на делегировании гражданами многих политических, гражданских обязательств государству; это делегирование основано на некотором недоверии теоретиков либерализма ко всему, что связано с коллективной ответственностью граждан. Чтобы свести к минимуму потенциальную непредсказуемость прямой демократии,

добровольности и волонтаризма граждан, обеспечить стабильность рыночных взаимоотношений и неотчуждаемость собственности, либеральная теория формирует гражданственность исходя из индивидуализма, призванного обеспечить стремление каждого к сохранению индивидуальных прав, свобод, и личной выгоды. Конкуренентность политическая, экономическая и социальная в данном случае призвана способствовать росту благосостояния общества, поскольку в рамках конкурентности граждане более склонны, по мнению теоретиков либерализма, к поведению, соответствующему критериям рационального планирования. Обращение к понятию «гражданственность» в рамках либерально-демократического дискурса, по мнению, Б. Г. Капустина, становится популярным после того, как наступает разочарование в социалистических проектах и проблематизация гражданственности и гражданского общества заменяет собой прямую критику капитализма. Обращение к практикам гражданственности, даже к локальным, становится единственной стратегией преодоления атомизации и повсеместной конкуренции внутри общества.

Однако практики гражданственности, предлагаемые в классической либеральной теории, основанной на конкуренции, защите индивидуальных прав и собственности, не всегда соответствуют представлению о гражданственности как об участии и вовлеченности, поскольку модель государства, функционирующего по принципам представительной демократии, ограничивает официальную гражданственность делегированием социальной ответственности политическим представителям. Неформальная же гражданственность уходит в слепую зону, обращаясь маргинальными практиками (объединение в локальные сообщества), представляющими потенциальную угрозу государству.

Гражданственность в представлении либеральной теории в широком смысле предполагает стремление к достижению общих благ, которые являются условием блага индивидуального. Основываясь на политических, культурных, социальных, экономических ценностях в практическом поле, гражданственность реализуется через работу с институтами в процессе передачи социальной ответственности политическим представителям, основной задачей которых является обеспечение и сохранение свободы слова, института частной собственности, независимости суда, рыночной конкуренции и т. п. Социальная ответственность в рамках либеральной теории строится на делегировании гражданами некоторого количества своих политических прав, и в первую очередь права на самозащиту. Таким образом, ключевым элементом практик гражданственности в либерализме является практика отстаивания индивидуальных прав и свобод, угрозу которым представляет, как правило, государство. В такой системе политическая и экономическая неуспешность субъекта является причиной несостоятельности и нерациональности его жизненного плана. Социальная ответственность зачастую ограничивается частной жизнью.

В рамках теории либерализма общество мыслится прежде всего как «совокупность владельцев частной собственности и членов групп интересов и партий, голосующих за поддержку собственных материальных интересов» [1, 266]. Уделяя большое внимание роли отдельной личности, либеральная теория формирует

индивидуалистичную гражданственность, практики которой направлены в первую очередь на конкуренцию и защиту индивидуальных прав, свобод и собственности. Демократические же практики гражданственности, по мнению Джоеля Шлоссера, по необходимости должны способствовать возрастанию социальной ответственности и вовлеченности в коллективные практики коммуникации. Здесь мы постепенно подошли к критике либерального индивидуализма и свойственной ему сосредоточенности на частной жизни с позиций представителей коммунитаризма.

Гражданственность как взаимопомощь. Аксиологические основания гражданственности в политической теории коммунитаризма

Коммунитаризм возникает как своего рода результат разочарования в современном положении дел, к которому, по мнению Майкла Сэндела, Алистера Макинтайра, Амитаи Этциони и других теоретиков этого направления политической мысли, приводит либеральная модель общества, что связано с тем, что серьезную роль в ней играют индивидуализм и преобладание рыночной конкуренции над взаимопомощью. «Коммунитаристское движение направлено прежде всего на восстановление гражданских ценностей и коллективизма» [1, 213].

Майкл Сэндел в своих работах «Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка» и «Справедливость. Как поступать правильно?» выступает с активной критикой повсеместной коммерциализации, к которой, по его мнению, приводит либеральная политическая теория, основанная на утилитаристских воззрениях. Основной проблемой Сэндел считает тот факт, что рыночные отношения вошли в те сферы общественной жизни, где раньше им было не место. Поэтому он предлагает «переосмыслить ту роль, которая отводится рынку в жизни общества» [15, 13]. Рыночная стоимость, по его мнению, способствует «недопустимому» с моральной точки зрения способу определения ценности того или иного явления. Например, такие сферы общественной жизни, как образование, здравоохранение, общественная и национальная безопасность, защита окружающей среды, являются «общегражданскими ценностями» и не должны становиться товаром. А гражданские обязанности «не должны рассматриваться в качестве частной собственности, которой гражданин может распоряжаться по своему усмотрению, это элемент личной ответственности гражданина перед обществом. Передача кому бы то ни было гражданских обязанностей ведет к неправильной их оценке и принижению степени гражданской ответственности в целом» [15, 17].

Набор ценностей, который отстаивает Сэндел, является до некоторой степени традиционным. Он считает, что семья, здравоохранение, природа, гражданские обязанности «должны рассматриваться не только в экономическом, но и в моральном и политическом аспектах» [Там же]. На конкретных примерах он пытается показать, что рыночное распределение не способствует максимизации общего блага, а зачастую, наоборот, является пагубным с моральной точки зрения. Он противопоставляет принципу рынка принцип «очереди». Метафора очереди отлично подходит для иллюстрации представления о справедливости в теории

коммунитаризма. Поскольку добросовестный человек, стоящий в очереди за чем-либо, не стремится идти по головам или платить кому-то за то, чтобы тот стоял в очереди за него. Честно отстоять очередь — значит проявить социально ответственное и моральное поведение, тогда как для либеральной теории все средства хороши и можно купить место в начале очереди, что не будет противоречить рыночным представлениям об общественном благе. «Распределение доходов и возможностей не должно основываться на факторах, произвольных с моральной точки зрения» [14, 172].

Ценность индивидуализма также оспаривается в рамках теории коммунитаризма, который на первый план выдвигает «социальную обусловленность личности общественными нормами и ценностями в противовес ничем не ограниченной свободе и асоциальному индивидуализму либеральной концепции» [4]. Если для либеральной теории условием всеобщего блага является благо и свобода отдельного субъекта, то в коммунитаризме благо сообщества выше свободы отдельного человека, а благо более крупного сообщества ценнее блага менее крупного. «Коммунитаристы полагают, что либеральный индивидуализм присутствует только там, где общественные связи нарушились, индивиды испытывают отчуждение» [1, 214]. Гражданственность в данном случае предполагает совсем иные практики взаимодействия. Во-первых, это взаимодействие должно осуществляться в рамках локальных сообществ. Во-вторых, оно необходимо учитывает конкретные традиции и особенности сообщества. Если гражданственность в либеральной теории строится на отстаивании индивидуальных прав и свобод, то здесь стратегии гражданственности опираются на требование соблюдения обязанностей и конвенциональных общественных норм (в том числе моральных), которые должны сохранять общность и взаимопонимание. С точки зрения Амитаи Этциони, «нельзя расширить сферу прав человека за счет сужения сферы его обязанностей» [4].

Если либеральные практики гражданственности основаны на политическом делегировании обязанностей, то коммунитаристы, наоборот, призывают членов сообщества стремиться самим, коллективно, и по мере возможностей решать свои проблемы. «Коммунитаризм видит смысл общества в моральных ценностях и общине, противопоставляя их государственности» [1, 215]. Общество понимается в рамках коммунитаризма как сообщество сообществ. Справедливость также является одной из ключевых ценностей коммунитаризма, однако она понимается несколько иначе чем в классической и современной либеральной теории. «Справедливость состоит в оказании каждому члену сообщества помощи в том, чтобы он мог полностью использовать свои способности, играть соответствующую социальную роль, чувствовать себя полезным» [4], тогда как справедливость в либеральной теории основана на равных условиях в процессе конкуренции.

В этом смысле коммунитаризм намного ближе к той модели гражданственности, которую мы описали в разделе «гражданственность как вовлеченность и гражданские практики на примере “демократических кафе” Кристофера Филлипса». Ключевые особенности гражданственности в данном случае — это практики взаимопомощи и вовлеченности в сообщество, ценность морального

поведения, соответствующего традициям и конвенциональным нормам конкретного сообщества. Преобладание коллективного, общего блага над благом отдельного индивида не противоречит его автономности и свободе в условиях рынка, который должен быть ограничен моральными нормами. Стоит упомянуть ценность традиционных явлений социальной жизни для коммунитаризма: общинность, семья, традиции, патриотизм, в некоторых случаях религия. «Именно от своей общины, будь то деревня, субкультура, общественно-политическое движение или этническая группа, мы приобретаем специфические права и обязанности. В то же время мы обязательно участвуем в реализации целей нашего сообщества» [1, 214].

Если модель гражданственности в либерализме формируется с опорой на ценность рационализма, справедливости и индивидуализма, в которой акцент смещен на частную жизнь и основной целью является социальный, экономический и политический успех отдельных конкурирующих граждан, политическая теория коммунитаризма основывается на практически противоположных ценностях и, следовательно, формирует совершенно иную концепцию гражданственности.

От глобального взгляда на общество и политику либеральной теории, для которой традиционно важно понятие справедливости, коммунитаристы переходят к тому, что придают значение локальным сообществам и пытаются оправдать традиционные ценности. Важными инструментами для преодоления преобладающего в современном обществе индивидуализма и конкуренции коммунитаристы видят практики взаимопомощи и коллективной социальной ответственности. Таким образом, взаимопомощь, опора на локальные сообщества и их традиции, конвенциональные нормы, коллективная ответственность — это главные особенности гражданских практик в рамках теории коммунитаризма.

В заключение необходимо отметить, что гражданственность — многогранное понятие, которое включает в себя множество различных аспектов. Основанием гражданственности является набор ценностей, который формируется в результате попыток преодолеть противоречие между субъектом гражданственности и субъектом власти, противоречие, которое является сущностной характеристикой гражданственности. Ключевой аспект понятия «гражданственность» — формирование политической субъектности и поведенческой установки на основании определенных ценностей и идеалов, а также на основании уверенности индивида в возможности оказать влияние на публичное пространство (в его политическом, социальном, культурном, экономическом измерениях).

Исследование показало, что концепции гражданственности в либерализме и коммунитаризме имеют значительные различия. Отличаясь по набору определяющих ценностей, они в итоге предполагают отличные друг от друга практики реализации гражданственности. Дальнейшие перспективы развития данной темы лежат в области более подробного рассмотрения отдельных аспектов гражданственности — культурных, коммуникативных, психологических.

1. Алексеева Т. А. Современные политические теории : курс лекций. М., 2007.
2. Аристотель Никомахова этика // Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 53–295.
3. Внук-Липинский Э. Социология публичной жизни. М., 2012.
4. Волкова Т. П. Либералы и коммунитаристы: дискуссия о социальной справедливости продолжается // Вестн. МГТУ. 2004. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liberaly-i-kommunitaristy-diskussiya-o-sotsialnoy-spravedlivosti-prodolzhaetsya> (дата обращения: 04.11.2019).
5. Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. М., 2011.
6. Климович В. Н. Гражданственность как ключевой элемент гражданского общества // Вестн. гос. и муниципал. управления. 2013. № 3.
7. Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.
8. Суценицова М. С. Утилитаризм И. Бентама и Дж. С. Милля: от добродетели к рациональности // Вестн. СПбГУ. Экономика. 2017. Т. 33, вып. 1. С. 17–35.
9. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории. М. ; Екатеринбург, 2000.
10. Милль Дж. С. О свободе. Public Domain, 1866 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/dzhon-stuart-mill/o-svobode-8521374/> (дата обращения: 01.10.2019).
11. Никифорова Ю. Н., Скалина А. Н. О понятии «гражданственность» // Вестн. Баш. ун-та. 2007. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-grazhdanstvennost> (дата обращения: 05.11.2019).
12. Профессиональное образование : слов. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М., 1999 [Электронный ресурс]. URL: https://professional_education.academic.ru/1050/ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ (дата обращения: 05.11.2019).
13. Роулз Дж. Теория Справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск, 1995.
14. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? М., 2013.
15. Сэндел М. Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка. М., 2013.
16. Dagger R. Civic virtues. Rights, Citizenship, and Republican Liberalism. N. Y., 1997
17. Schlosser J. A. What Would Socrates Do? : Self-Examination, Civic Engagement, and the politics of philosophy // Joel Alden Schlosser. Cambridge University Press, 2017.

Рукопись поступила в редакцию 8 ноября 2019 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.7 + 327.51(1-11) + 341.17

В. И. Михайленко
Р. Сухроб

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В КОНСТРУИРОВАНИИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА*

После распада Советского Союза в Центрально-Азиатском регионе наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, продолжается сложный процесс конструирования государственной идентичности, национальных государств и их легитимизации. С другой стороны, под влиянием как внутрирегиональных вызовов, так и внешних акторов идет процесс регионостроительства. Достигнутый в 2017 г. «самаркандский консенсус» активизировал инициативу пяти центральноазиатских государств по созданию регионального блока. В 2019 г. Европейский союз принял новую стратегию в отношении Центральной Азии. Таким образом, речь идет о сопряжении интеграционных проектов в Центральной Азии, о пересекающемся регионализме (overlapping regionalism). В статье рассматриваются инициативы и роль Европейского союза в конструировании Центрально-Азиатского региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Европейский союз, Центральная Азия, регионостроительство, Стратегия Европейского союза, пересекающийся регионализм (overlapping regionalism).

Постановка научной проблемы

Тема политики Европейского союза в отношении стран Центральной Азии рассматривается в ряде российских и зарубежных исследований. Историко-политический контекст международных отношений в Центральной Азии анализируется коллективом исследователей под руководством А. Д. Богатурова [11].

Фундаментальное значение для изучения процессов регионального измерения международных отношений имеют труды А. Д. Воскресенского и руководимого им научного коллектива [4, 12]. «Дифференциация пространства, — отмечает А. Д. Воскресенский, — является реальным феноменом, а значит, анализ

* Исследование выполнено при поддержке гранта кафедры Жана Монне «Европейский регионализм и внешняя политика» (номер проекта 575043-EPP -1 2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR).

пространственного измерения может иметь и имеет существенное значение для прикладных, в том числе прогностических, исследований, которыми никто не собирается пренебрегать в реальной жизни» [4, 7].

Вместе с тем в отечественной историографии не так много работ, обращенных к темам регионального строительства в Центральной Азии, самоидентификации региона, роли Европейского союза в конструировании Центрально-Азиатского региона.

Некоторые современные исследователи рассматривают Центральную Азию как своего рода эмпирический полигон, на котором могут разрабатываться теории изучения типичных регионов. Этому способствует географическое расположение региона, который занимает центральный угол (*central corner*) посередине между Европой и Азией. В связи с этим Р. Исаак и А. Фриджеро полагают, что было бы уместно называть регион Центральной Евразией [33, 2, 3]. Европейский союз расширительно рассматривает Центральную Азию, включая в нее Афганистан наряду с Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном [25].

С геополитической точки зрения в регионе присутствуют такие крупные игроки, как Китай, США, Европейский союз, Россия, Индия, Турция, Иран, Республика Корея, Япония [1]. Это объективно ведет к возникновению в этом «уголке» больших игр, даже если в странах управляют местные элиты. Р. Исаак и А. Фриджеро отмечают, что они первоначально исходили из того, что это наложение глобального и периферийного, противопоставление «мы» и «они» должны придать дополнительную жизненность и индивидуальность региону. В этом плане особенность региона как «центрального угла» может стать основанием для формирования новых теоретических подходов к изучению интеграционных процессов [33, 2, 3].

Государственное строительство и реконструкция центральноазиатской идентичности

Обретение независимости центральноазиатскими государствами после распада СССР первоначально оценивалось аналитиками в рамках теорий транзитологии (*transitionology*) или модернизации, которые сводились к линейному представлению о демократическом процессе, поддерживаемом субъектами гражданского общества и политическими элитами, о переходе всех постсоветских государств к «капитализму демократии и свободного рынка». Спустя десятилетия после начала «демократического транзита» государств Центральной Азии отечественные и зарубежные исследователи попытались теоретически осмыслить промежуточные или итоговые результаты государственного строительства в регионе [4, 8, 9, 11, 15].

К примеру, Т. Каросерс поставил вопрос о том, следует ли классифицировать политические системы, переставшие быть авторитарными режимами и имеющие схожие институты с либеральными демократиями, в качестве государств, находящихся в фазе транзита, или пришло время признать их гибридными институтами с «переходной экономикой» в точке устойчивого равновесия,

а не на пути к дальнейшей демократизации [26]. Как отмечает И. Звягельская, политические режимы в государствах региона являются авторитарными, однако разброс вариантов достаточно велик — от управляемой демократии до восточного деспотизма [7, 7].

Современная политическая наука типологизирует центральноазиатские режимы как качественно новые «гибридные» режимы с собственной внутренней логикой, как «личные диктатуры», «авторитарный президентализм», «неопатримониальные» и «султаннические» режимы [30, 33].

Новые научные подходы направлены на объяснение разнообразия авторитарных моделей в регионе, несмотря на кажущуюся схожесть условий их возникновения. В научной литературе возникли новые дискуссии относительно внутренних и внешних факторов, влияющих на процессы демократических реформ, и относительно того, являются ли эффективными методы стимулирования и принуждения извне со стороны великих держав для продвижения демократии в государствах региона.

О конструировании государственной идентичности, национальных государств и их легитимизации имеется обширная отечественная и зарубежная литература. Понятие государственной идентичности емко сформулировал Катзенштайн как «публично утвержденные представления о природе и целях коллективности» [33, 216].

Как отмечает А. Касьянова, само государство можно считать производителем идентичности через три автономные, но частично совпадающие и взаимодействующие социальные группы, которые создают доктринальные документы стратегического значения: интеллектуальная элита, политическая элита и высшие правительственные органы [27, 821, 839]. Кроме того, в теориях международных отношений используется методология анализа конструирования идентичности через антиномии «мы против них» или «свой против иной», где «свой» типологизирует идентичность [33, 218]. «Иной» не обязательно подразумевает государство или политический объект. Это могут быть угрозы, опасность, сдерживание и др. К примеру, отмечает С. Ханова, политическая элита Киргизии для формирования государственной идентичности ссылается на негативный опыт гражданской войны в соседнем Таджикистане [Там же, 219]. В качестве угроз может быть представлена также гипертрофированная оценка «негативного опыта» пребывания в СССР.

Внедрение моделей идентичности в повседневную жизнь мониторится через методологию «рутинизации» (routinization). Рутинизация рассматривается как «средство построения базовых систем доверия и предоставления средств для рефлексивного мониторинга самоидентификации» [Там же, 220]. Эти процедуры могут принимать различные институциональные и организационные формы, быть дружественными или антагонистическими. На практике политическая элита формирует идеал государства и создает историю о нем, а затем выстраивает онтологию вокруг этой государственной идентичности [Там же].

Отправная точка самоидентификации государств в 1991 г. была свободной от элементов исламизации и тюркизации. Тем не менее у всех пяти новых независимых государств не было одинакового пути формирования государственной

идентичности. Возможно, единственным общим фундаментом, подчеркивает С. Ханова, являлось обращение к фольклору, который поддерживался в рамках идентификации национальных советских республик. Иерархия распространения базовых идей самоидентификации во всех пяти республиках является схожей. Как правило, построение соответствующего нарратива начинается с президентов и по нисходящей включает министров, глав областей и т. д. Казахстан использует внешнюю политику для укрепления внутренней титульной идентичности. «Казахстанская государственная элита стремится закрепить восстановленную казахстанскую идентичность как умиротворенную, экономически либеральную и интернациональную, связав эту идентичность с региональными и многосторонними институтами и идентичностями, а именно с государством, титульной и нетитульной нациями» [33, 220].

Иной подход к идентификации государства был принят в Узбекистане, где часто упоминается термин «идеология национальной независимости». Консолидация узбекской национальной культуры проходит через возрождение и возвращение к историческому прошлому и организацию воспитательного процесса для внутреннего национального строительства на примере таких исторических личностей, как Тамерлан и Бабур. При президенте Узбекистана И. Каримове утверждалась государственная идентичность в форме «осажденной крепости». На официальном уровне говорилось, что за пределами Узбекистана находятся территории нестабильности и беспорядков. Руководство страны не допустило перетекания беспорядков на свою территорию [Там же, 221].

В Туркменистане государственная идентичность артикулируется с утверждением концепции «нейтралитета». Причем туркменская версия нейтралитета подается как сочетание модернизма с древней традицией туркменской нации — терпимостью и дружелюбием. Путь к национальному возрождению лежит через признание ценностей и независимости всех национальных культур, каждая из которых вносит свой вклад в сокровищницу универсальной культуры и духовности [Там же, 222].

Государственная идентичность Киргизии формируется на основе концепта «многонациональной» и «многоконфессиональной» риторики с постепенным уклоном в сторону доминирования этноса кыргызов и зарождающегося национализма. В последнее время культивируются роль и место кочевого и особенно кыргызского наследия. В то же время вторая тенденция возникла вокруг эпического героя Манаса как примера позитивно-конструктивной идеологической фигуры. В целом руководство страны акцентирует внимание на прагматизме и многовекторности внешней политики [Там же].

Национальная консолидация всех «титульных» народов Центральной Азии не завершена до настоящего времени, констатирует И. Звягельская [7, 7]. Проблемы, которые современные центральноазиатские государства решают на пути регионального строительства: правовое и институциональное строительство суверенного государства; создание однородного национального общества (гражданского/этнического/религиозного); ответы на вызовы клановости и нипотизма в политической власти; формирование общественного и политического

консенсуса; преодоление внутренних религиозных и межэтнических конфликтов; урегулирование межгосударственных конфликтов в регионе; противодействие давлению со стороны соперничающих в регионе великих держав.

Значительное внимание уделяется конструированию центральноазиатской идентичности. Как отмечает профессор Бухарского университета Х. Х. Хураев, государства Центральной Азии объединяют общая история, общность традиций, религии, культуры и схожесть языка. Таким образом, Центрально-Азиатский регион представляет собой единое культурно-цивилизационное пространство [10, 90]. Религиозному экстремизму противопоставляется традиционный в регионе ислам в его Мавераннахрской ханафитской школе [Там же, 81]. Или идут поиски сближения исламской школы Матуриды с ее рационалистической и антигегемонической ориентацией и политического либерализма Джона Ролза с его концепциями справедливости и пересекающегося консенсуса [37, 95].

На пути конструирования центральноазиатской идентичности встречается немало сложных проблем. К примеру, руководство Таджикистана стремится противопоставить «арийское» происхождение таджиков окружающему тюркскому миру [2].

Региональное строительство в Центральной Азии. «Самаркандский консенсус» как начало «мягкого регионализма» в Центральной Азии

Американский исследователь Марта Брилл Олкотт называет мифом единое цивилизационное целое Центральной Азии [15]. З. А. Дадабаева и Е. М. Кузьмина скептически оценивают экономические основания для внутрирегиональной интеграции стран Центральной Азии. Авторы отмечают, что экономические структуры этих государств являются однотипными и формируются под влиянием спроса и предложения третьих стран. Производства, способные обеспечить внутрирегиональную интеграцию, развиваются значительно медленнее, в то время как ведущие отрасли, а именно водное хозяйство, транспорт, энергетика, приводят к росту межгосударственных противоречий, а не к наращиванию сотрудничества [5, 6, 29].

Тем не менее за период независимого существования центральноазиатских государств предпринимались неоднократные попытки интеграции региона. Пять центральноазиатских государств входят в СНГ (Туркмения в качестве ассоциированного члена), в Организацию экономического сотрудничества, в 1993 г. подписали Протокол о создании общего рынка. В 1994 г. Казахстан, Узбекистан и Киргизия подписали договор о создании Единого экономического пространства, который обеспечивал свободу перемещения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и согласование таможенной и валютной политики.

В 1998 г. к Договору присоединился Таджикистан и было создано Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). Были приняты Положение о Координационном совете научно-технического развития (КСНТР) и Программа сотрудничества в области миграции рабочей силы. Однако противоречия оказались настолько сильными и неурегулированными, что сотрудничество было низведено до уровня межгосударственного форума (ЦАФ).

В 2002 г. была создана организация «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ЦАС). В 2004 г. к ней присоединилась Россия. В 2005 г. ЦАС объединилась с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС). Итоги деятельности ЦАС оказались скромными. Ни один из запланированных консорциумов не был создан. В 2005 г. Узбекистан вошел в ЕврАзЭС, и ЦАС объединилась с этой организацией. В том же 2005 г. Президент Казахстана Н. Назарбаев предложил создать Союз Центрально-Азиатских государств (СЦАГ). План создания СЦАГ предусматривал три этапа: первый (2006–2008) — формирование нормативно-правовой базы и реализация режима свободной торговли, второй (2009–2015) — создание Таможенного союза и формирование общего рынка товаров и услуг, третий (2015–2020) — создание единого экономического пространства [5, 31]. Е. Байдаров полагает, что речь шла о возрождении идеи туркестанского федерализма [2]. Эта инициатива не нашла поддержки у Узбекистана, а в 2008 г. Узбекистан покинул ЕврАзЭС из-за противоречий внутри региона и с Россией.

В 2014 г. ЕврАзЭС был упразднен в связи с началом функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [5, 10, 11, 30].

Новый Центрально-Азиатский союз был предложен президентом Казахстана Н. Назарбаевым 26 апреля 2007 г. в целях создания экономического и политического союза, подобного ЕС. В рамках этой инициативы президенты Казахстана и Киргизии подписали соглашение о создании Высшего международного совета между двумя государствами. Продолжением этой инициативы стало заключение «Вечного договора о дружбе» между Казахстаном, Узбекистаном и Киргизией. Казахстан и Узбекистан договорились о зоне свободной торговли. Несмотря на то что идея нового Центрально-Азиатского союза была поддержана президентами Казахстана, Киргизии и Таджикистана, она была отвергнута в 2008 г. президентом Узбекистана И. Каримовым. После смерти Каримова эта идея вновь легла на стол переговоров [29].

В 2013 г. ЕС попытался наладить Диалог по вопросам безопасности высокого уровня. Однако попытка провалилась, поскольку некоторые государства Центральной Азии направили участников лишь на уровне послов. В 2014 г. эта инициатива и вовсе не была поддержана государствами региона [1].

15 марта 2018 г. в Астане состоялся саммит лидеров пяти центральноазиатских государств (Туркменистан был представлен спикером парламента). Была достигнута договоренность о ежегодных встречах руководителей государств в марте, накануне религиозного праздника Навруз. Аналитики расценили эту встречу как показатель «региональной оттепели». Выступая на встрече, президент Казахстана Н. Назарбаев подчеркнул, что страны Центральной Азии «способны самостоятельно решать региональные проблемы». «Для решения проблем стран Центральной Азии нет необходимости привлекать посторонних, мы можем решить все сами, поэтому мы встречаемся» [34].

Процесс регионального строительства в Центральной Азии получил новый импульс после смены руководства в Узбекистане. В 2017 г. на Самаркандской международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания» президент

Узбекистана выдвинул инициативу запуска механизма консультативных встреч глав центральноазиатских государств, создания регионального Экономического форума, учреждения Ассоциации руководителей регионов и бизнес-сообществ стран региона. Поддержанная участниками конференции инициатива получила название «самаркандский консенсус». «Предлагаемая Ташкентом повестка для стран региона рассматривается в международном сообществе как платформа для изменения логики регионального сотрудничества в сторону его развития и усиления геоэкономической субъектности Центральной Азии в мире» [14, 20, 21]. В процессы регионального сотрудничества активно вовлекается Афганистан.

По инициативе Ташкента 22 июня 2018 г. была принята специальная резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центрально-Азиатском регионе». Это первый документ, в котором была зафиксирована единая позиция пяти государств Центральной Азии по международным вопросам и борьбе против терроризма и религиозного экстремизма [Там же]. В развитие предложенных инициатив 29–30 октября 2018 г. в Ташкенте и Бухаре было проведено первое заседание Центрально-Азиатского экспертного форума [10].

Судя по заявлениям ряда руководителей стран Центральной Азии, предложенная инициатива регионального строительства не исключает участия в других региональных блоках, в том числе в ШОС, СНГ, АСЕАН и др. Таким образом, региональная инициатива может быть обоснована теоретической концепцией *overlapping regionalism* (пересекающийся регионализм), то есть концепцией взаимодействия, взаимодополняемости и сопряженности региональных интеграционных проектов. Это означает, что одно и то же государство может быть одновременно членом нескольких интеграционных институтов [31].

Роль ЕС в региональном строительстве в Центральной Азии

В 2018 г. ЕС занимает второе место в торговом обороте региона с объемом 36,5 млрд долл., незначительно уступая Китаю [18]. С 2014 по 2020 г. ЕС планирует инвестировать в страны региона 1,1 млрд евро, включая более 454 млн евро на региональные программы, из которых 115 млн предназначено на программы Erasmus плюс. В ходе поездки главы европейской дипломатии Ф. Могерини в июле 2019 г. региону будут выделены дополнительные 72 млн евро, из них 20 млн евро — на строительство гидроэлектростанции в Таджикистане. Новая ГЭС должна будет обеспечить население доступной электроэнергией. Также запланирован экспорт электричества на север Афганистана [24].

Взаимодействие Европейского союза с Центрально-Азиатским регионом значительно расширилось с начала 1990-х. Оба региона разделяют общую цель достижения стабильности и процветания мирными средствами. А. А. Казанцев обратил внимание на политику ЕС под углом планов расширения Европейского союза. По его мнению, согласно используемым ЕС принципам четырех «концентрических кругов европеизации», страны Центральной Азии и Южного Кавказа входили в третий из них по первоочередности задач расширения ЕС, в основном

в контексте энергетической политики в зоне Каспийского моря. После 2004 г. регион стал восприниматься как последняя, четвертая зона европеизации пост-социалистических стран Европы [8].

В 2007 г. Европейским союзом была начата реализация программы «ЕС и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства» [23]. «Стратегия была принята в контексте более активного участия ЕС в соседнем Афганистане, распространения Европейской политики соседства на Каспийский регион, постоянной поддержки ЕС реформ и модернизации постсоветских обществ в регионе, осуществления интересов ЕС в области энергетической безопасности и освоения богатых ресурсов в регионе, а также исходя из того факта, что один из главных коридоров незаконного оборота наркотиков из Афганистана в Европу проходит через этот регион» [32].

Направлениями сотрудничества были определены регулярный высокий уровень диалог, образование, верховенство закона, энергетика и транспорт, окружающая среда и водные ресурсы, торговые и экономические отношения, угрозы и вызовы региональной безопасности, пограничный контроль и борьба с наркотрафиком. Усиление сотрудничества в области антитеррористической деятельности планировалось через имплементацию Совместного плана действий всех центральноазиатских государств, разработанного в рамках Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Европейский союз взял на себя обязательства содействовать развитию сотрудничества на региональном уровне через укрепление доверия между государствами региона [23].

В июне 2012 г. в ЕС обсудили промежуточный отчет по исполнению ранее принятой программы. Итоги деятельности получили оценку «хорошего прогресса». В документе была отмечена важная роль ЕС по осуществлению демократического транзита в странах региона, в частности, роль ЕС в «мирном, транспарентном и электоральном переходе власти» в рамках урегулирования политического кризиса в Киргизии в 2010 и 2011 гг.

Вопросы безопасности вышли на первый план в отношениях региона с ЕС, особенно в связи с кризисной ситуацией в Афганистане. Под этим углом ЕС рассматривает Центральную Азию как «стратегически один из наиболее важных регионов». «Трансрегиональные вызовы, такие как похищения людей, наркотрафик, организованная преступность и терроризм, оказывают влияние на безопасность ЕС» [25]. По границам и наркотикам было достигнуто соглашение по обновленному Плану действий ЕС — Центральная Азия по борьбе с наркотиками (EU-Central Asia Drug Action Plan). Европейский союз по-прежнему заметно вовлечен в ведущие программы — Программу содействия управлению границами в Центральной Азии (Border Management in Central Asia, BOMCA) и Программу действий по борьбе с наркотиками в Центральной Азии (Central Asia Drug Action Programme, CADAP), которые координируются в рамках Инициативы по безопасности границ в Центральной Азии (Central Asian Border Security Initiative, CABSI).

Во исполнение вышеупомянутых программ ЕС оказал содействие в создании современной инфраструктуры интегрированного управления границами

(Integrated Border Management), оснащенной новейшим оборудованием, осуществил подготовку кадров пограничной, таможенной, миграционной служб, контроля за наркотрафиком, в областях здравоохранения и сельского хозяйства. Одна из задач заключалась в решении проблемы координации и согласованных действий центральноазиатских институтов управления границами. Только на реализацию программ ВОМСА на 2015–2018 гг. было выделено 4 млн 504 тыс. евро.

Наряду с достижениями в промежуточном отчете обращается внимание на нарастание напряженности в регионе в связи с климатическими изменениями и дефицитом водных ресурсов. В документе отмечается, что ЕС и далее сосредоточит свою политику в регионе на безопасности и развитии. Среди конкретных проектов было отмечено создание Транскаспийской трубопроводной системы [32].

Вместе с тем на встрече в Брюсселе некоторые эксперты выразили неудовлетворение итогами реализации первой стратегии ЕС в Центральной Азии (ЦА). Было отмечено, что для стран региона она не была эффективной, поскольку имела слишком общий характер, содержала немало недостатков, что не смогло заинтересовать страны ЦА. В стратегию четыре раза вносились поправки и дополнения с целью повышения ее эффективности, однако предложенные инициативы и совместные программы имели практически нулевой результат [6].

В 2017 г. ЕС подвел итоги десяти лет реализации программы сотрудничества с регионом ЦА и поставил целью подготовку новой программы, которая соответствовала бы Глобальной стратегии ЕС, утвержденной годом ранее. В согласованном документе «На пути к новой Стратегии ЕС для Центральной Азии» отмечалось, что «пересмотренная и обновленная» стратегия должна исходить из учета геополитических событий прошедших лет, новых предпочтений в странах региона, а также из новой Глобальной стратегии ЕС. Речь идет о включении в процесс формирования региональных отношений правительств стран ЦА и государств–членов ЕС, гражданского общества, исследовательских сообществ, которые должны сыграть свою роль в перестройке политики ЕС в отношении региона. Таким образом реализуется популярная в последние годы в ЕС тенденция создания «эпистемических сообществ» в странах, входящих в пространство «соседства» [36]. После десятилетия построения отношений и сотрудничества пришло время оценить, что сработало, а что нет, а также обобщить и применить извлеченные уроки для улучшения новой стратегии в условиях радикально изменившейся международной обстановки [35].

17 июня 2019 г. Европейский совет одобрил новую стратегию ЕС в Центральной Азии, которая адаптирует политику ЕС к новым условиям в регионе. В ее разработке приняли участие эксперты из ЕС и стран ЦА [21]. Новый документ соответствует линии Глобальной стратегии ЕС 2016 г., сделавшей «устойчивость» (resilience) и «вовлеченность» (connectivity) приоритетами внешней региональной политики ЕС. Стратегия ЕС в ЦА согласовывается с другими документами ЕС и ООН, например, с Европейским консенсусом по развитию (European Consensus on Development), Целями устойчивого развития (The Sustainable Development Goals) и Повесткой по устойчивому развитию 2030 (2030 Agenda for Sustainable Development) [22].

Таким образом, страны Центральной Азии вовлекаются во взаимно пересекающиеся элементы (cross-cutting elements) инициатив ЕС и ООН, которые направлены на достижение устойчивого развития региона ЦА через комплексный подход в решении проблем молодежи, гендерного равенства, мобильности и миграции, устойчивой энергетики и изменения климата, инвестиции и торговли, эффективного управления, демократии, верховенства закона и прав человека, инновационного взаимодействия с развитыми странами, использования внутренних ресурсов. Одним из важных аспектов новой Стратегии является создание общей зоны безопасности для Европы и Азии путем формирования общей экономической «вовлеченности» евразийского пространства. Центральноазиатские государства занимают ключевое положение на этом пространстве.

В новой стратегии особое внимание уделяется роли местного гражданского общества. При подготовке документа ЕС провел ряд консультаций в странах Центральной Азии с представителями гражданского общества, итогом которых стало учреждение новой институциональной платформы — Форум ЕС — Центральная Азия (EU-Central Asia Forum). Планируется ежегодное проведение форума с участием министров, общественных деятелей, «мозговых центров», представителей гражданского общества. Его целью является развитие партнерских отношений между ЕС и ЦА. Запланировано создание совместных исследовательских и аналитических центров по изучению Центральной Азии.

В ЕС новая стратегия вызвала неоднозначную оценку. Принимавший участие в подготовительной работе над стратегией координатор Центра исследований европейской безопасности из Гронингена Й. Боонстра считает принятый документ более гибким по сравнению с предыдущим, менее конфликтным в отношении России. В новой стратегии он отмечает две главные темы — устойчивость и процветание. В перечне мероприятий новой стратегии доминируют темы продвижения демократии, развития гражданского общества и прав человека. Во-первых, документ демонстрирует более гибкий подход к региональному сотрудничеству, учитывает специфику развития стран Центральной Азии, открывает перспективы для привлечения Афганистана и стран Восточного партнерства к региональному сотрудничеству. Во-вторых, в документе четко говорится о важности продвижения демократии, подотчетности власти как условия привлечения инвестиций. В-третьих, соблюдение прав человека и безопасности рядовых граждан является важнейшим условием для развития сотрудничества. В-четвертых, больше внимания, чем ранее, уделяется теме региональной устойчивой энергетики. В-пятых, в документе развитие экономики и решение социальных проблем тесно увязываются между собой, в частности, выделяется содействие местной торговле, устранению разрыва между городом и деревней. В-шестых, большое внимание уделяется молодежи и образованию, созданию рабочих мест для молодежи, исследованиям экстремизма и профилактике экстремизма среди молодежи. Наконец, новая стратегия предусматривает более активное взаимодействие с европейскими и центральноазиатскими организациями гражданского общества [19].

Вместе с тем Й. Боонстра отмечает ослабление контроля со стороны ЕС за финансированием проектов в Центральной Азии и возлагает на гражданское

общество в странах ЦА больше ответственности за мониторингом поступающих средств и эффективностью их использования. По его мнению, остается открытым вопрос о том, как в практическом плане согласовать деятельность в регионе существующих инструментов сотрудничества ЕС, прежде всего политики соседства (Neighbourhood) и Инструмента развития и международного сотрудничества (Development and International Cooperation Instrument, NDICI) [19].

Профессор Гентского университета Ф. Боссю выделяет в новой стратегии в качестве важного приоритета укрепление регионального сотрудничества. Что касается акцента ЕС на вовлечение гражданского общества в принятие общественных решений как способ обеспечения устойчивости процессов модернизации, то Ф. Боссю считает этот подход чрезмерно европейским, не учитывающим специфику незападного традиционного общества в центральноазиатских странах. В связи с этим непросто прогнозировать, как будут реализовываться усилия ЕС, направленные на обучение активистов гражданского общества и правозащитников по вопросам прав человека и правозащитной деятельности [3].

Н. Кассенова, директор Центра центральноазиатских исследований (Казахстан), отмечает «выверенность предусмотренных политических действий и шагов, обещающих более эффективное взаимодействие» между ЕС и государствами ЦА. В качестве нового момента она обращает внимание на попытки создать синергию сотрудничества в рамках политики соседства между Центральной Азией, Южным Кавказом и Восточной Европой [19].

Американский специалист по Центральной Азии М. Ларюэль полагает, что стратегия ЕС не затрагивает некоторые ключевые проблемы, такие как «патриархальная природа политических режимов» в Центральной Азии. Новая стратегия слишком широка, чтобы можно было категорично ответить на вопрос о ее влиянии на социально-экономическое развитие региона. К примеру, в перечне предлагаемых инициатив находится «расширение диалога и сотрудничества по вопросам миграции и мобильности». Однако эта позиция не наполнена конкретным содержанием. Ничего не говорится о том, каким образом ЕС может помочь региону справиться с миграционными проблемами, трудоустройством молодежи, расширением прав и возможностей женщин.

М. Ларюэль считает, что вместо общих слов полезнее было бы выделить одну-две флагманские инициативы, например, в продвижении лучших практик и ноу-хау в сфере агробизнеса и новых технологий с акцентом на занятость молодежи. Комментируя политику США в регионе, автор подчеркнула, что она еще более лишена реального наполнения. Основное внимание в США уделяется снижению зависимости региона от России, предотвращению влияния Ирана в Центральной Азии, как и в Афганистане или на Ближнем Востоке, и укреплению роли союзников США в регионе, особенно в Индии. Относительно региональной политики усилия США сосредоточены на содействии демократическому транзиту, эффективному управлению и рыночной экономике. Бюро Государственного департамента по вопросам демократии, прав человека и труда настаивает на религиозных свободах, реформе здравоохранения, реформе судебной системы, вовлечении молодежи в общественно-политическую жизнь

и укреплении независимых средств массовой информации и доступа к информации. Однако эти пожелания редко сопровождаются конкретными политическими действиями. В целом М. Ларюэль отмечает уменьшение роли США в регионе в областях безопасности, экономического присутствия и использования «мягкой» силы по сравнению с ЕС [28].

По словам другого американского эксперта, из Института исследований Центральной Азии и Кавказа (Central Asia-Caucasus Institute), С. Корнелла, ЕС не считается главным политическим актором в Центральной Азии и более влиятельным актором стать не так-то просто [13].

Таджикский эксперт А. Мамадазимов более оптимистично оценивает динамику отношений ЕС и ЦА: «ЕС — влиятельный игрок в Центральной Азии, который, в отличие от других ведущих игроков, в основном использует “мягкую” силу. Поэтому в ближайшие годы его авторитет будет не ниже авторитета ведущих сверхдержав современности». По его мнению, ЕС ведет прагматичную политику в регионе, не вовлекаясь в геополитическое соперничество трех сверхдержав (Россия, США, Китай) [Там же].

В недавней публикации на сайте РСМД (Российского совета по международным делам) Ф. Боссю обратила внимание на предложение ЕС, содержащееся в только что принятой стратегии, о кооперации с другими внешними партнерами (Россией и Китаем) на основе совместного развития инфраструктуры. Речь идет о развитии инфраструктуры вдоль транспортного коридора Китай — Европа, являющегося частью Экономического пояса Шелкового пути [20].

* * *

С большой долей уверенности можно прогнозировать дальнейшее регионостроительство в Центральной Азии на принципах overlapping regionalism (пересекающийся регионализм).

Европейский союз активно вовлечен в этот процесс. По сравнению с другими великими и крупными региональными державами — Китаем, США, Россией, Индией, Турцией, Ираном, Японией, Республикой Кореей — Европейский союз имеет наиболее выверенную и комплексную программу для стран региона Центральной Азии, в которой «взаимно пересекаются» направления развития экономики, борьбы с терроризмом и наркотрафиком, укрепления границ, развития малого и среднего бизнеса, укрепления демократических институтов и гражданского общества, эффективного управления и др. Руководство ЕС и европейские аналитики адекватно оценивают проблемы демократического транзита центральноазиатских обществ. Для углубленного понимания проблем и осуществления постоянного мониторинга в регионе аналитические центры ЕС находятся в постоянном взаимодействии с коллегами из ЦА.

Во время визита в Центральную Азию в июле 2019 г. Ф. Могерини, выступая на первом Форуме ЕС — Центральная Азия в Бишкеке, констатировала, что «Центральная Азия значительно опередила другие бывшие страны советского блока в проведении демократических реформ», отметив тем не менее, что демократический транзит в этих странах может сопровождаться «болезненными процессами».

Руководству данных стран «может не нравиться все, что исходит от нас, особенно внимание к правам человека». «Верховенство права иногда может быть тяжелым для стран с переходной экономикой» [17].

Препятствием на пути имплементации стратегии и программ ЕС в Центральной Азии может стать соперничество великих держав и региональных акторов, различия «ценностных подходов» между ними, «клановый» характер политических режимов и др. [16].

Уроки «арабской весны», в ходе которой демократическим путем пришли к власти религиозные экстремисты, были переосмыслены в ЕС в многочисленных аналитических исследованиях, научных и политических дебатах. Их результаты нашли отражение в новой Глобальной стратегии ЕС 2016 г., в которой на первый план во внешней региональной политике ЕС вышли «устойчивость» (resilience) и «вовлеченность» (connectivity) в странах-реципиентах. Однако извлечение уроков из ошибок еще не гарантирует успех новой Стратегии ЕС в ЦА.

1. *Алексеевкова Е.* Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5 + 1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/> (дата обращения: 19.07.2019).

2. *Байдаров Е.* Центральноазиатская интеграция в контексте единого культурно-цивилизационного пространства [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2013/09/09/ru-pub-52896> (дата обращения: 14.04.2019).

3. *Боссю Ф.* Инфраструктурное сотрудничество в Евразии: возможно ли взаимодействие между Россией, Китаем и ЕС в Центральной Азии? [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/infrastrukturnoe-sotrudnichestvo-v-evrazii-vozmozhno-li-vzaimodeystvie-mezhdu-rossiey-kitaem/> (дата обращения: 16.07.2019).

4. *Воскресенский А. Д.* Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2(8). С. 37.

5. *Дадабаева З. А., Кузьмина Е. М.* Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия : науч. докл. М., 2014. С. 6, 29.

6. ЕС выделил Таджикистану средства для строительства ГЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://arzuw.news/10424/es-vydelil-tadzhikistanu-sredstva-dlya-stroitelstva-ges.html> (дата обращения: 17.04.2019).

7. *Звягельская И.* Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М., 2009. С. 7.

8. *Казанцев А. А.* Политика стран Запада в Центральной Азии: проекты, дилеммы, противоречия. М., 2009.

9. *Малашенко А.* Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М., 2012.

10. Материалы первого заседания Центральноазиатского экспертного форума. 29–30 октября 2018 г. С. 90–92 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isrs.uz/ru/Нашрлар/materialy-pervogo-zasedania-centralnoaziatskogo-ekspertnogo-foruma> (дата обращения: 13.04.2019).

11. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2014.

12. Мировое комплексное регионоведение: Введение в специальность : учеб. / под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2019.

13. *Низора Ф.* Интересы региона и сокращение масштабов деятельности: будет ли эффективной новая Стратегия ЕС по ЦА? [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/>

politics/20190715/interesi-regiona-i-sokratshenie-masshtabov-deyatelnosti-budet-li-effektivnoi-novaya-strategiya-es-po-tsa (дата обращения: 12.04.2019).

14. *Норов В.* От главного редактора // Стратегические вопросы безопасности и развития : информ.-аналит. журн. 2018. № 1. С. 20–21.

15. *Олкотт М. Б.* Двенадцать мифов о Центральной Азии. М., 2001.

16. *Фазлиддин Н.* Интересы региона и сокращение масштабов деятельности: будет ли эффективной новая Стратегия ЕС по ЦА? [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/politics/20190715/interesi-regiona-i-sokratshenie-masshtabov-deyatelnosti-budet-li-effektivnoi-novaya-strategiya-es-po-tsa> (дата обращения: 17.04.2019).

17. At the EU-Central Asia forum with civil society, in Bishkek [Electronic resource]. URL: <http://www.federicamogherini.net/at-the-eu-central-asia-forum-with-civil-society-in-bishkek/?lang=en> (accessed: 16.07.2019).

18. *Kassenova N.* Interview [Electronic resource]. URL: <https://eucentralasia.eu/2019/06/new-eu-strategy-for-central-asia-first-reactions/> (accessed: 14.07.2019).

19. *Bhutia S.* The EU's new Central Asia strategy: What does it mean for trade? [Electronic resource]. URL: <https://eurasianet.org/the-eus-new-central-asia-strategy-what-does-it-mean-for-trade> (accessed: 10.07.2019).

20. *Boonstra J.* Enough to do for the EU in Central Asia [Electronic resource]. URL: <https://eucentralasia.eu/2019/06/new-eu-strategy-for-central-asia-first-reactions/> (accessed: 15.07.2019).

21. *Bossuyt F.* Interview [Electronic resource]. URL: <https://eucentralasia.eu/2019/06/new-eu-strategy-for-central-asia-first-reactions/> (accessed: 15.07.2019).

22. Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia [Electronic resource]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (accessed: 13.07.2019).

23. European Consensus on Development [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/policies/european-development-policy/european-consensus-development_en (accessed: 02.07.2019).

24. The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. 31.05.2007 [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/st_10113_2007_init_en.pdf (accessed: 12.07.2019).

25. EU builds a strong and Modern Partnership with Central Asia [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/factsheet_centralasia_2019.pdf (accessed: 14.07.2019).

26. 15th EU-Central Asia Foreign Ministers' Meeting Bishkek, 7 July 2019 Joint Communiqué "The EU and Central Asia: Forging a Stronger Partnership Together" [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/65107/15th-eu-central-asia-foreign-ministers-meeting-bishkek-7-july-2019-joint-communic%C3%A9-eu-and_en (accessed: 16.07.2019).

27. *Gans-Morse J.* Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm [Electronic resource]. URL: <http://faculty.wcas.northwestern.edu/~jlg562/documents/Gans-Morse--PSA.pdf> (accessed: 10.04.2019).

28. *Kassianova A.* Russia: Still Open to the West? Evolution of the State Identity in the Foreign Policy and Security Discourse // Europe-Asia Studies. 2001. № 53(3). P. 821–839.

29. *Laruelle M.* Interview [Electronic resource]. URL: <https://eucentralasia.eu/2019/06/new-eu-strategy-for-central-asia-first-reactions/> (accessed: 15.07.2019).

30. *Lee D.* Central Asian integration: more real than ever? [Electronic resource]. URL: <https://astanatimes.com/2017/05/central-asian-integration-more-real-than-ever/> (accessed: 10.07.2018).

31. *Olimova S., Olimov M.* Public Opinion, Democracy, and Authoritarianism in Central Asia // Central Asia and the Caucasus. 2014. Vol. 15, Iss. 2.

32. *Pankea D., Stapel S.* Exploring overlapping regionalism // Journal of International Relations and Development. July 2018. Vol. 21, Iss. 3. P. 635–662.

33. Progress Report on the implementation of the EU Strategy for Central Asia. Implementation Review and outline for Future Orientations [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/20120628_progress_report_en.pdf (accessed: 12.07.2019).

34. *Rico Isaacs R., Frigerio A.* Political Theory and Central Asia: An Introduction // Theorizing Central Asian Politics. The State, Ideology and Power. Ed. By Rico Isaacs and Alessandro Frigerio. Oxford, 2019. P. 8.

35. Rare Central Asian Summit Signals Regional Thaw [Electronic resource]. URL: <https://www.rferl.org/a/central-asian-summit-astana-kazakhstan-uzbekistan-tajikistan-kyrgyzstan-turkmenistan/29101686.html> (accessed: 13.07.2019).

36. Towards a new EU Strategy for Central Asia [Electronic resource]. URL: <https://biblio.ugent.be/publication/8548965/file/8548973.pdf> (accessed: 15.04.2019).

37. Zhussipbek G., Moldashev K. Rawlsian Liberalism and Rationalistic Maturidi Islam in Central Asia // Theorizing Central Asian Politics. The State, Ideology and Power. Ed. By Rico Isaaks and Alessandro Frigerio. Oxford, 2019.

Рукопись поступила в редакцию 19 июля 2019 г.

УДК 341.232.7 + 327.3(5) + 323.1(571.61/64)

Н. А. Коломейцева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СУБЪЕКТОВ РФ (НА ПРИМЕРЕ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

В статье комплексно проанализированы проблемы и перспективы реализации программ приграничного сотрудничества субъектами РФ в период современного кризиса международных отношений. Автором представлены факторы, препятствующие налаживанию приграничного сотрудничества в пределах южных границ Дальнего Востока, а интеграционные межрегиональные объединения рассмотрены в рамках институционального подхода. В заключение автор делает вывод о необходимости выхода российских регионов на более высокий уровень приграничного сотрудничества с административно-территориальными единицами стран Северно-Восточной Азии в условиях позитивных сдвигов в отношениях между Россией и странами региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: приграничное сотрудничество, внешняя политика, региональная политика, Дальний Восток, АТР.

Регионы Российской Федерации, являясь субъектами государственной внутренней и внешней политики, согласно логике федеративного строительства, имеют функции государства, предоставленные Федерацией в виде особых полномочий, находящихся в ведении субъекта РФ. Впрочем, подходы к определению функций государства, на наш взгляд, до сих пор изучены лишь поверхностно. В. В. Лазарев и С. В. Липень справедливо отмечали, что статья Л. А. Морозовой «Функции Российского государства на современном этапе» в журнале «Государство и право» остается «чуть ли не единственной специальной работой по теме, вышедшей с 90-х гг.» [2, 88].

Проводимая в последние годы федеральным Центром политика развития Дальнего Востока поставила перед регионами округа проблемы решения важных государственных задач, находящихся в области международных и межрегиональных отношений. В 2017 г. был принят долгожданный Федеральный закон № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества», который впервые ввел

общие принципы, задачи, направления и полномочия органов всех уровней власти в сфере приграничного сотрудничества.

Принятый закон наделяет каждый из 47 приграничных субъектов Российской Федерации отдельными полномочиями, правами и обязанностями при заключении соглашений о приграничном сотрудничестве или осуществлении политики в рамках уже принятых соглашений и договоров на государственном уровне. Кроме того, впервые на законодательном уровне введено понятие международной программы приграничного сотрудничества, осуществляемого субъектами соответствующих отношений. Наконец, закон создал систему согласования соглашений о приграничном сотрудничестве между муниципальными образованиями, субъектами и Правительством РФ, а также определил сроки формирования отчетности уполномоченными органами на региональном и муниципальном уровнях.

В 2018 г. Департамент международного сотрудничества Администрации Приморского края зарегистрировал три соглашения о приграничном сотрудничестве муниципальных образований региона [4, 13]. С принятием федерального закона в структуре департамента появился Отдел приграничного сотрудничества.

В то же время по-прежнему не приняты международные программы приграничного сотрудничества на юге Дальнего Востока в отличие от многочисленных проектов в Балтийском регионе, Поморье и на границе РФ с Казахстаном. Единственным (при этом нереализованным) подобным проектом в дальневосточном направлении является программа «Туманган» на пересечении границы Хасанского района Приморья с территориями провинций Цзилинь (КНР) и Северный Хамген (КНДР). В свое время авторы проекта предполагали вложить в развитие территории не менее 30 млрд долл. США инвестиций.

Отметим, что трудности с реализацией подобных проектов связаны не только с внешнеполитическими рисками и принимаемыми в связи с этим решениями государств, но также с отсутствием широкой инициативы на местах. Н. Н. Фролова выделяет несколько условий участия общественности в международных программах приграничного сотрудничества [5, 126], среди которых их открытость, честность, прозрачность и беспристрастность; допуск в проекты общественных организаций и поддержка властями всех уровней; учет потребностей участников сотрудничества и местного населения; наличие долгосрочного видения развития региона. При этом цели проекта не должны быть продиктованы лишь решением насущных проблем, а должны предполагать долговременное развитие региона в различных аспектах.

Негативную роль в налаживании приграничного сотрудничества между дальневосточными и сибирскими субъектами РФ и территориями сопредельных азиатских стран играют противоречия между государствами и недостаток опыта в создании подобных программ у территорий региона (как российских, так и азиатских).

Политика укрепления приграничных субъектов и территорий федеральных округов, по нашему мнению, придавала бы большую эффективность внешнеполитическому курсу страны, активизированному в последние годы во всех направлениях.

Джилберт Розман называл три фактора успешного взаимодействия регионов государств друг с другом: это тип власти, уровень открытости и степень централизации [6, 123–124].

Степень централизации и тип власти диктуют соотношение акторов в политическом процессе региона, что в конечном итоге отражается на развитии внешних связей субъекта. Например, при президентском типе правления развитие приграничных отношений во многом зависит от профессиональных и личностных качеств конкретных лидеров, их умения удержать ситуацию в определенном русле [1, 101–102].

Кроме того, Дж. Розман выделяет три типа открытости, два из которых характерны для дальневосточных приграничных территорий. Речь идет о проэкспортном и приморском типах.

Регионы проэкспортного типа строят приграничные отношения с соседями на основе привлекательности для зарубежных инвесторов своих экспортных производств или продукции.

Приморский тип открытости присущ большинству мировых приграничных регионов, значимая часть которых сосредоточена в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Принцип реализации этого типа заключается в создании экономических зон межрегиональной кооперации. Классический пример — «треугольники развития», участниками которых выступают не государства в целом, а правительства в лице своих регионов.

Важно отметить, что регионы при реализации данных форм приграничного сотрудничества не исполняют и не должны исполнять прямых «внешних» полномочий (в первую очередь входящих в исключительное ведение Федерации или центрального правительства), — субъекты должны руководствоваться принципами «открытого регионализма». В то же время постоянные контакты между участниками приграничных соглашений в большинстве случаев приводят к улучшению двусторонних отношений на уровне государств.

Впрочем, несмотря на выгодное географическое положение Приморского края, его ресурсный и рекреационный потенциал, прежде чем начинать разработку новой международной программы приграничного сотрудничества с провинциями Северного Китая и КНДР, необходимо решить ряд накопившихся проблем, представленных ниже:

1. Высокая степень политических, экономических и социальных инвестиционных рисков. В большинстве регионов Дальнего Востока политическая обстановка характеризуется частой сменой не только представителей власти, но и курса региональной политики. При этом деятельность региональных и федеральных институтов развития отличается слабым уровнем координации, поскольку они не образуют единую систему органов, а подчинены исполнительным органам власти федерации и субъекта соответственно. Экономические инвестиционные риски, на наш взгляд, связаны с сокращающейся покупательской способностью населения Дальнего Востока и продолжительным падением уровня реальных доходов. В условиях последних непопулярных решений федерального центра (повышение пенсионного возраста, ставки НДС, а также других сборов

и платежей) существуют реальные риски снижения уровня притока иностранных инвестиций в регион, поскольку негативные тенденции в благосостоянии граждан могут отпугнуть зарубежных партнеров.

2. Низкий уровень эффективности приграничного сотрудничества в Дальневосточном регионе. Модернизация железнодорожных путей, проведенная на юге Дальнего Востока в последние годы, существенно не продвинула решение проблемы развития приграничной инфраструктуры юга Дальнего Востока. Так, на границе Приморского края с Китаем и Северной Кореей с суммарной протяженностью более 1000 км функционируют всего 8 пограничных переходов автомобильного, железнодорожного и смешанного типов, в то время как в Калининградской области, границы которой вдвое короче, действуют 15 автомобильных и железнодорожных пунктов пропусков. По-прежнему мешает приграничному сотрудничеству Дальнего Востока вопрос о принадлежности Южных Курил, который ставит японская сторона. После продолжительных переговоров на высшем уровне Москва и Токио остались на исходных позициях по «курильскому вопросу».

3. Отрицательный показатель демографического сальдо на юге Дальнего Востока. Так, в Приморском крае с 2005 г. население региона стабильно сокращается на 3–4 тыс. жителей в год. В частности, в 2018 г. регион покинуло 82 567 человек, прибыль населения составила 77 913 человек. Согласно статистическому прогнозу при сохранении имеющихся в регионе неблагоприятных для людей условий жизни Приморье и к 2025 г. не выйдет на «устойчивый прирост численности населения», а только потеряет еще около 44 тыс. жителей.

4. Низкий уровень освоенности территории субъектов ДФО, объясняемый отдаленностью макрорегиона от экономических центров страны, специфичными климатическими условиями, слабым развитием транспортной инфраструктуры, а также неэффективной отраслевой структурой экономики, о чем было сказано ранее. Структуру экономики Дальневосточного федерального округа по-прежнему составляют сырьевой сектор, а также цветная металлургия, рыбная и лесная промышленность, производственный цикл в которых, как правило, характеризуется низкой трудоемкостью и старыми технологиями [3, 1017]. Данные тенденции негативно отражаются на инвестиционном климате и имидже региона в странах АТР: экономика Дальнего Востока, в отличие от западносибирских и европейских территорий страны, предстает в Восточной Азии как сугубо региональная. Во всяком случае, пока она не отражает намерения федерального правительства расширить приграничные и трансграничные связи со странами АТР.

Итак, на характеристики приграничного сотрудничества субъектов РФ влияют различные субъективные и объективные факторы, среди которых можно выделить политические, геоэкономические, исторические и социокультурные.

Однако, несмотря на многочисленные предпосылки развития межрегионального сотрудничества на юге Дальнего Востока, достижения его регионов в международном направлении довольно ограничены. Во многих случаях связи между российскими и иностранными регионами сопряжены либо только с политическими, либо только с экономическими интересами. Стабильностью и значимой

эффективностью в осуществлении приграничного сотрудничества характеризуются лишь несколько субъектов РФ. Все они расположены в европейской части России.

В условиях активизации внешнеполитического курса России и кризиса международных отношений приграничное сотрудничество регионов приобретает особое значение. Предоставление регионам и муниципалитетам дополнительных полномочий в сфере приграничного сотрудничества в перспективе может помочь решить многие социально-экономические проблемы в стране. Нынешняя конъюнктура развития Дальнего Востока требует выхода регионов на азиатские рынки и более тесного уровня сотрудничества с приграничными регионами стран АТР.

1. *Бирюков С. В., Барсуков А. М.* Институционализация региональных политических режимов в России // Социогуманитар. вестн. 2012. № 1. С. 99–102.

2. *Лазарев В. В., Липень С. В.* Теория государства и права : учеб. для академ. бакалавриата. 5-е изд., испр. и доп. М., 2015.

3. *Минакир П. А.* Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1016–1029.

4. Отчет о работе департамента международного сотрудничества Приморского края за 2018 год : офиц. сайт Администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <https://www.primorsky.ru/> (дата обращения: 16.07.2019).

5. *Фролова Н. Н.* Управление процессами разработки и реализации совместных и международных программ и проектов приграничного сотрудничества // Белорус. экон. журн. 2011. № 1(54). С. 121–130.

6. *Rozman G.* Spontaneity and Direction Along the Russian-Chinese Border // Rediscovering Russia in Asia; Siberia and the Russian Far East. L., 1995.

Рукопись поступила в редакцию 31 июля 2019 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ЗАЩИТЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МИРОВОГО БИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ: ЦЕЛИ, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается эволюция международной политики биоразнообразия в период 1992–2019 гг. Демонстрируется актуальность глобальной проблемы исчезновения биологических видов. Характеризуются структура и основные направления международной политики биоразнообразия. Показаны особенности переговорного процесса по защите и использованию мирового биоразнообразия, сложности формирования единой глобальной политики. Обозначены основные этапы развития механизмов защиты и использования биоразнообразия. Анализируются главные документы международной дипломатии биоразнообразия — Конвенции о биологическом разнообразии, Картахенский и Нагойский протоколы. Изучаются роль групп государств в формировании повестки дня конференций, их позиции и интересы.

Ключевые слова: биоразнообразие, исчезновение видов, устойчивое развитие, международная политика, Конвенция по биологическому разнообразию, Картахенский протокол, Нагойский протокол, Айтинские соглашения.

Введение

Исторический путь эволюции биосферы нашей планеты насчитывает несколько миллиардов лет. За этот продолжительный срок сформировалась уникальная по богатству своего живого многообразия экологическая система Земли. Эта сеть многообразия жизни в неразрывной связи с абиотическими структурами позволяет, по мнению британского ученого Д. Лавлока, нашей планете поддерживать состояние динамического равновесия, создающего оптимальные условия для процветания жизни на ней [17, 40]. Человечество — неотъемлемая часть биосферы. Его жизнь полностью зависит от ее состояния. Без физиологической деятельности растений, животных, микроорганизмов невозможно обеспечение общества чистой водой, воздухом, продовольствием. В преамбуле Конвенции о биологическом разнообразии (КБР) указывается на «непреходящую ценность биологического разнообразия, а также экологическое, генетическое, социальное, экономическое, научное, воспитательное, культурное, рекреационное и эстетическое значение биологического разнообразия и его компонентов» [8]. Одновременно человечество стало главным фактором невиданного в истории планеты исчезновения биологических видов. Его экономическая деятельность прямым или косвенным образом разрушает природные взаимосвязи и тем самым лишает многие биологические виды основ их существования. Во всех частях нашей планеты наблюдается этот процесс.

По данным Международного фонда охраны дикой природы, биологическое разнообразие в мире, отраженное в индексе живой планеты (LPI), сократилось в период 1970–2014 гг. на 60 % [16, 5]. Ежегодно в мире бесследно исчезает 25–100 тыс. живых организмов. Под угрозой исчезновения находятся не только редкие и чувствительные к небольшим экологическим колебаниям виды, но также растения и животные измененных культурных ландшафтов. Так, если 100 лет назад в мире насчитывалось порядка 30 тыс. сортов возделанной кукурузы, то на сегодняшний день их осталось всего 12. Из 20 тыс. сортов яблок сегодня в супермаркетах Европы можно найти лишь 6 [11, 9]. На территориях интенсивной экономической деятельности (так называемых развитых стран) процессы вымирания живых организмов приняли апокалиптический размах. В Германии, например, численность птиц сократилась за последние 200 лет на 80 %, биомасса насекомых только в последние годы уменьшилась практически в три раза [Там же, 7]. Еще более драматическая ситуация наблюдается в развивающихся странах, где процессы «обуздания» человеком природы только набирают обороты.

Прогрессирующее исчезновение биологических видов требует создания международных инструментов защиты биосферы и предотвращения процессов вымирания биологических видов. С начала 1960-х гг. данная проблематика находит свое отражение в международных документах по защите окружающей среды. В 1992 г. на конференции в Рио-де-Жанейро представители более 150 государств мира подписали Конвенцию о биологическом разнообразии. В ней признается, что сокращение биологического разнообразия является результатом некоторых видов человеческой деятельности [8, 1]. Главным механизмом защиты биологического разнообразия в ней называется сохранение стабильных экологических систем и естественных мест обитания видов [Там же].

Конвенция о биологическом разнообразии стала первым фундаментальным международным документом, который заложил основу *международной дипломатии биоразнообразия*. Ее руководящим органом является конференция сторон (КС). На протяжении 1992–2019 гг. состоялось 14 конференций, на которых были приняты конкретные шаги по реализации международной конвенции о биоразнообразии. По инициативе Японии период с 2011 по 2020 г. был объявлен ООН десятилетием биоразнообразия. Цель данной статьи — рассмотреть основные этапы формирования и эволюции международной дипломатии биоразнообразия, проанализировать тематику и принятые решения конференций сторон, структуру переговорного процесса, а также характеристику представленных позиций, интересов различных групп стран.

Сокращение биологического разнообразия как глобальная проблема

Понятие «биоразнообразии» трансформировалось в процессе его этикетирования в международную дипломатию из чисто биологического термина в политически-правовой конструкт, включающий в себя как естественно-научную составляющую, так и законодательные нормы защиты и использования биологических видов. Под *биологическим разнообразием* понимают «вариабельность живых

организмов биосферы, включая, среди прочего, наземные, морские и иные водные экосистемы и экологические комплексы, частью которых они являются; это понятие включает в себя разнообразие в рамках вида, между видами и разнообразие экосистем» [8, 3]. При этом биоразнообразиие — это не просто сумма всех живущих организмов, но также разнообразие внутри живых организмов и отношений между ними [13, 16]. Таким образом, понятие «биологическое разнообразие» включает в себя *разнообразие экосистем, видовое разнообразие, генетическое разнообразие, а также функциональное разнообразие биосферы*. Биологическое разнообразие обусловлено различиями в генетическом аппарате живых существ и дальнейшего естественного селекционного отбора биологических видов. На сегодняшний день число научно зарегистрированных видов живых организмов составляет порядка 1,8 млн единиц [12]. По оценкам, общее количество биологических видов (микроорганизмов, грибов, растений и животных) находится в диапазоне от 10 до 20 млн экземпляров [Там же, 146].

Уровень биологического разнообразия имеет региональные особенности. Одни регионы мира выделяются богатством видов, другие — их бедностью. Центры биоразнообразия Земли лежат в тропической и экваториальной зонах. Это тропические леса Центральной и Южной Америки, горы Восточной и Южной Африки, Юго-Восточной Азии, Северной Австралии, Индонезии и Папуа–Новой Гвинеи. С политико-административной точки зрения это территории в подавляющем большинстве развивающихся и слаборазвитых государств. Напротив, территории индустриально развитых государств отличаются бедностью биоразнообразия (за исключением Австралии и Новой Зеландии). Данный факт определяет формирование различных по интересам группировок стран в международной дипломатии защиты и использования биологического разнообразия.

Процессы появления и исчезновения биологических видов определяют направление эволюции биосферы. Из естественной истории нашей планеты известны периоды массового вымирания биологических видов. Число живущих сегодня видов растений и животных составляет лишь 1 % от существовавших ранее [13]. Современные темпы вымирания биологических видов превышают все известные аналогии в истории планеты. По отдельным данным, скорость вымирания составляет от 1 до 3 видов в час или в среднем 36 тыс. видов в год [18, 30]. По сравнению с естественными процессами вымирания видов, имевшими место в прошлом, темпы их исчезновения выросли более чем в 1000 раз. Важнейшим источником информации об угрозе исчезновения ныне живущих видов растений и животных являются международные Красные списки находящихся под угрозой исчезновения видов растений и животных, составляемые ежегодно Международным союзом охраны природы (МСОП). Однако ими охвачено лишь 2,7 % существующих видов (в большинстве случаев млекопитающие, птицы). Об истинных масштабах исчезновения биологических видов можно только догадываться.

Главной причиной сокращения биологического разнообразия в мире считается экономическая деятельность человека. С начала индустриальной революции человек становится главной геологической силой планеты, кардинально изменяя ее внешний облик, а также ее естественные биохимические процессы.

Вмешательство человека в природные процессы настолько велико, что говорят о новом геологическом периоде в истории Земли — антропоцене. Противоречия между экономической и экологической (природной) системами, между линейным ростом производства на основе поглощения материально-энергетических ресурсов в экономике и круговой циркуляцией веществ в природе становятся дестабилизирующим фактором для всех планетарных систем. Особенно чувствительны экосистемы к антропогенному влиянию. Основными факторами исчезновения биологических видов считаются, во-первых, уничтожение человеком естественных ареалов обитания биологических видов, их антропогенное загрязнение; во-вторых, чрезмерная эксплуатация природных биологических ресурсов (чрезмерный вылов рыбы и морепродуктов, вырубка лесов); в-третьих, инициированная человеком инвазия чужеродных видов в аборигенные экосистемы и, в-четвертых, антропогенное изменение климата.

Уничтожение и изменение человеком естественных ареалов обитания биологических видов образуют «ядро» современного политического дискурса защиты биоразнообразия. За счет расширения сельскохозяйственных угодий, роста урбанизированных территорий, прокладки новых транспортных магистралей, территориальной экспансии промышленности полностью исчезают сформированные за миллионы лет эволюции природные экосистемы — естественная среда обитания биологических видов. Особенно показательны процессы исчезновения естественных ареалов обитания на примере сокращения площадей лесных массивов. Так, 80 % территории лесов, покрывавших пространства нашей планеты 8 тыс. лет назад (начало неолитической революции), на сегодняшний день полностью вырублены или сильно изменены [12]. В период 1980–1990 гг. ежегодно в мире площадь лесов сокращалась на 15 млн га (табл. 1). В 50 странах мира лес как природная экосистема за последние 100 лет исчез полностью [Там же, 100]. Хотя темпы исчезновения лесов благодаря национальным программам высадки сильно уменьшались, до сих пор в мире ежегодно исчезает порядка 5 млн га леса [Там же].

Таблица 1

Сокращение площадей лесов в мире в период 1980–2010 гг.*

Регион	Площадь территории, млн га	Площадь лесов, млн га	Ежегодное изменение, млн га		
			2000	1980 – 1990	1990 – 2000
Африка	2978	650	–4,2	–4,0	–3,4
Азия	3934	745	–4,3	–0,6	1,5
Европа	2260	1039	0,2	0,8	0,6
Северная и Центральная Америка	2137	549	–0,9	–0,2	–0,01
Южная Америка	1755	886	–6,4	–4,2	–3,9
Мир	13 064	3869	–5,7	–8,3	–5,2

* Источник: [12, 99].

Разрушению подвергаются и другие места обитания биологических видов: пресноводные и морские экосистемы, засушливые и субгумидные земли, острова, горные районы. Уничтожая данные системы, человек не только наносит вред биоразнообразию, но и теряет основу своей жизнедеятельности. Концепция экоуслуг демонстрирует экономическую ценность разнообразных функций природных систем для человека. Понимание важности сохранения биологического разнообразия вызвало к жизни современную международную дипломатию по защите и использованию природных систем.

Эволюция, структура, цели и задачи международной политики биоразнообразия

Становление международной дипломатии в области биоразнообразия неразрывно связано с процессами «экологизации», «озеленения», глобального политического дискурса и признания мировым сообществом существования глобальной экологической проблемы. С середины 1970-х гг. комплексные проблемы загрязнения окружающей среды, охраны природы, истощаемости земных ресурсов, глобального изменения климата перемещаются в центр международной политики. Также окончание холодной войны, политика разрядки в международных отношениях резко усилили ее экологический компонент. Французский социальный философ Б. Латур в своей книге «Земной манифест» выделяет «экологический аттрактор» как главный вектор развития современной международной политики [15]. Дипломатия биоразнообразия — лишь одно из направлений глобальной экологической политики.

Переговоры на платформе ООН о создании международных инструментов по защите и использованию биоразнообразия начались уже в 1989 г. [14, 30]. Результатом их явилось создание Конвенции о биологическом разнообразии. На конференции ООН по Окружающей среде и развитию (ЮНЕП) в г. Рио-де-Жанейро (Бразилия) в 1992 г. данная Конвенция была представлена мировому сообществу. В тот же год более 150 государств мира поставили под ней свою подпись. В декабре 1993 г. Конвенция вступила в силу. В целом сам факт создания и принятия данной Конвенции имеет огромное историческое значение: «Конвенция является одним из наиболее всеобъемлющих и перспективных правовых документов, когда-либо принятых сообществом наций, резюмирует новое видение взаимосвязи между человечеством и природой» [8]. Статья 1 Конвенции определяет цели политики биоразнообразия: «сохранение биологического разнообразия, устойчивое использование его компонентов и совместное получение на справедливой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов, в том числе путем предоставления необходимого доступа к генетическим ресурсам и путем надлежащей передачи соответствующих технологий с учетом всех прав на такие ресурсы и технологии, а также путем должного финансирования» (см. рисунок) [Там же, 3]. Три названные в Конвенции главные цели политики биоразнообразия составляют ее триединую основу. Имплементация третьей цели Конвенции — получение справедливых и на равной основе

выгод от доступа и использования генетических ресурсов — оказалась на практике наиболее сложной и спорной.

Наряду со статьями Конвенции, регулирующими основы защиты, устойчивого использования биологического разнообразия, подготовки кадров (статьи 1–12), имеются статьи, определяющие условия доступа к генетическим ресурсам, а также особенности финансового, информационного и технологического трансфера между странами (статьи 12–22). В статье 15 Конвенции названы главные принципы регулирования доступа и совместного использования генетических ресурсов (ABS режим) [Там же]. В ней подчеркивается признание суверенитета стран на свои генетические ресурсы и их право регулирования доступа к ним. В статьях 23–42 Конвенции определены инновационные институциональные механизмы, касающиеся кооперации между странами, проведения переговоров, юридических процедур в рамках развития и совершенствования международного договора о биологическом разнообразии. Также как и в климатической дипломатии, главным органом международной дипломатии биоразнообразия становится конференция сторон. Как правило, она проводится в среднем 1 раз в два года.

Первая конференция сторон состоялась 28 ноября — 9 декабря 1994 г. в столице Багамских островов г. Нассау. На повестке дня конференции стояли главным образом организационные вопросы, касающиеся процедур принятия решений, работы экспертных комиссий, конференции, переговорного процесса, а также вопросы создания секретариата Конвенции, механизмов финансирования программ и т. д. [1]. На Второй конференции сторон в 1995 г. в Джакарте (Индонезия) было принято решение о тесном сотрудничестве, согласно положениям КБР, со Всемирной продовольственной организацией (ФАО), ЮНЕСКО, а также с принятыми ранее конвенциями по международной торговле видами флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС, 1973), Боннской конвенцией по сохранению мигрирующих видов диких животных (СМС, 1979) и Рамсарской конвенцией о водно-болотных угодьях (RAMSAR, 1971). Кроме того, на повестке дня конференции в Джакарте стояли вопросы финансирования организации, межстрановой торговли живыми измененными организмами, защиты лесов и прибрежных морских зон [2]. Итоги работы первых двух КС показали эффективность данного международного форума в освещении новых проблемных областей в рамках КБР, организации международного совещательного процесса.

В январе 2000 г. на внеочередном совещании конференции сторон (ВКС) в г. Картахена (Колумбия) было принято дополнительное соглашение к КБР, которое получило известность как Картахенский протокол о биобезопасности. Картахенский протокол призван защитить биологическое разнообразие от потенциальных рисков, создаваемых живыми измененными организмами, являющимися результатом применения современной биотехнологии. Протоколом учреждена процедура заблаговременного обоснованного согласия (ЗОС), гарантирующая предоставление странам информации, необходимой для принятия обоснованных решений до предоставления согласия на импорт таких организмов на свою территорию. Также в нем учреждается механизм посредничества по биобезопасности для оказания помощи по обмену информацией о живых измененных организмах [7].

Важным этапом эволюции дипломатии биоразнообразия стали конференции сторон в Куритибе, Бразилия (КС 8, 2006), и в Бонне, ФРГ (КС 9, 2008). На конференции в г. Куритиба были сделаны конкретные шаги по сохранению биоразнообразия островных государств. Для этого была создана специальная программа, предусматривающая создание охраняемых островных зон, устойчивое использование их биоресурсов, генетического фонда. Кроме того, на конференции был заложен фундамент обсуждения нового международного соглашения — Соглашения о режиме регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования выгод (Access and Benefit Sharing) [3]. На конференции в Бонне в 2008 г. данная тематика получила свое дальнейшее развитие. В центре обсуждений находились вопросы «биопиратства» и его пресечения, создания правовых инструментов регулирования отношений между собственниками биоресурсов и их пользователями. Стороны пришли к согласию, что в перспективе должен быть создан правовой базис для доступа и совместного использования выгод от применения генетических ресурсов. Если из генетических ресурсов живых организмов стран, территории которых располагают данными ресурсами, производят коммерческие товары в странах-пользователях, то страны-поставщики генетических ресурсов должны получить справедливую долю от продаж. Предполагается, что «пользователь» ресурсами будет делиться своей прибылью со страной-поставщиком (benefit sharing). На практике, однако, создание товаров биокомпаниями развитых стран связано не столько с доступом к биогенетическому материалу, биосубстанциям стран-поставщиков, сколько с доступом к традиционным знаниям коренного населения этих стран [4, 53]. А это создавало новые труднопреодолимые препятствия в переговорном процессе между государствами мира.

На 10-й конференции сторон в японском городе Нагоя в 2010 г. международная дипломатия биоразнообразия достигла определенных успехов. Во-первых, на ней был принят Нагойский протокол по регулированию доступа к генетическим ресурсам и совместного использования выгод [10]. Цель протокола состоит в обеспечении совместного использования на справедливой и равной основе выгод от применения генетических ресурсов и в оказании тем самым содействия сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия. Для этого Нагойский протокол устанавливает обязательства для договаривающихся

сторон принимать меры касательно доступа к генетическим ресурсам, совместного использования выгод. Что касается доступа к традиционным знаниям коренных народов, то Нагойский протокол предусматривает регулирования этого вопроса самим коренным населением. За ним остается право предоставления доступа к традиционным знаниям: «Договаривающиеся Стороны должны принимать меры для обеспечения предварительного обоснованного согласия данных общин и совместного использования выгод на справедливой и равной основе, принимая во внимание законы и процедуры общин, а также традиционное использование и обмены» [5]. Нагойский протокол был ратифицирован большинством стран мира и вступил в силу 12 октября 2014 г.

Во-вторых, на конференции в Нагои был принят пересмотренный и обновленный Стратегический план в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия (Айтинские целевые задачи в области биоразнообразия на период 2011–2020 гг.). Этот план был призван обеспечить деятельность структур по сохранению биоразнообразия не только в рамках конвенций, связанных с биоразнообразием, но и всей системы Организации Объединенных Наций и других партнеров, занимающихся вопросами управления и разработки политики в области биоразнообразия. Наряду с международными целями в области биоразнообразия подписавшие страны обязались в двухлетний срок подготовить национальные стратегии сохранения и устойчивого использования биоразнообразия. К июлю 2019 г. более 150 стран мира представили свои национальные стратегии и планы действий по сохранению биологического разнообразия до 2020 г. Российская Федерация представила свою стратегию в декабре 2015 г.

Айтинские целевые задачи в области биоразнообразия являются «дорожной картой» для достижения странами (сторонами) целей защиты и использования биологического разнообразия. План включает в себя пять стратегий, каждая из которых состоит из нескольких ключевых задач (табл. 2).

Таблица 2

**Целевые стратегии и задачи в области биоразнообразия до 2020 г.,
принятые на конференции сторон в г. Нагоя в 2010 г.***

Стратегия	Целевые задачи
А. Ведение борьбы с основными причинами утраты биоразнообразия путем включения тематики биоразнообразия в деятельность правительств и общества	<p>1. К 2020 г., но не позднее этого срока, люди должны быть осведомлены о стоимостной ценности биоразнообразия и о мерах, которые они могут принимать для его сохранения и устойчивого использования.</p> <p>2. 2020 г., но не позднее этого срока, стоимостная ценность биоразнообразия должна быть включена в национальные и местные стратегии развития и сокращения бедности и в процессы планирования и включаться в соответствующих случаях в системы национального учета и счетов.</p>

* Источник: [5, 137–143].

Продолжение табл. 2

Стратегия	Целевые задачи
	<p>3. К 2020 г., но не позднее этого срока, стимулы, включая субсидии, наносящие вред биоразнообразию, должны быть устранены, поэтапно отменены или изменены в целях сведения к минимуму или предотвращения негативного воздействия; должны быть разработаны и использоваться положительные стимулы к сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия в соответствии и в согласии с Конвенцией и другими соответствующими международными обязательствами и с учетом национальных социально-экономических условий.</p> <p>4. К 2020 г., но не позднее этого срока, правительства, деловые круги и субъекты деятельности на всех уровнях должны принять меры или внедрить планы в целях достижения устойчивости производства и потребления и не допустить, чтобы последствия использования природных ресурсов нарушали экологическую устойчивость</p>
В. Сокращение прямых нагрузок на биоразнообразие и стимулирование устойчивого использования	<p>1. К 2020 г. темпы утраты всех естественных мест обитания, включая леса, как минимум должны быть сокращены наполовину и там, где осуществимо, приведены почти к нулю, а деградация и фрагментация существенно снижены.</p> <p>2. К 2020 г. регулирование и промысел всех запасов рыбы и беспозвоночных и водяных растений должны осуществляться устойчиво, на законных основаниях, с применением подходов с позиций экосистем.</p> <p>3. К 2020 г. территории, занятые под сельское хозяйство, аквакультуру и лесное хозяйство, должны управляться устойчивым образом, обеспечивая сохранение биоразнообразия.</p> <p>4. К 2020 г. загрязнение окружающей среды, в том числе в результате чрезмерного сброса биогенных веществ, должно быть доведено до уровней, при которых функционированию экосистем и биоразнообразию не наносится ущерба.</p> <p>5. К 2020 г. инвазивные чужеродные виды и пути их интродукции должны быть идентифицированы и классифицированы по приоритетности, приоритетные виды должны регулироваться или должны быть искоренены, необходимо принимать меры урегулирования путей перемещения для предотвращения их интродукции и внедрения.</p> <p>6. К 2015 г. должны быть сведены к минимуму многочисленные антропогенные нагрузки на коралловые рифы и другие уязвимые экосистемы, на которые воздействует изменение климата или подкисление океанов, в целях поддержания их целостности и функционирования</p>
С. Улучшение состояния биоразнообразия путем охраны экосистем, видов и генетического разнообразия	<p>1. К 2020 г. не менее 17 % районов суши и внутренних вод и 10 % прибрежных и морских районов, в частности, районов, имеющих особо важное значение для сохранения биоразнообразия и обеспечения экосистемных услуг, должны сохраняться за счет эффективного и справедливого управления, существование экологически репрезентативных и хорошо связанных между</p>

Продолжение табл. 2

Стратегия	Целевые задачи
	<p>собой систем охраняемых районов и применения других природоохранных мер на порайонной основе и включения их в более широкие ландшафты суши и морские ландшафты.</p> <p>2. К 2020 г. должно быть предотвращено исчезновение известных угрожаемых видов, и статус их сохранности, в частности, видов, численность которых более всего сокращается, должен быть улучшен и поддерживаться.</p> <p>3. К 2020 г. должно поддерживаться генетическое разнообразие культивируемых растений и сельскохозяйственных и домашних животных и их диких родственников, включая другие ценные виды с социально-экономической и культурной точек зрения, должны быть разработаны и осуществлены стратегии по минимизации генетической эрозии и сохранению их генетического разнообразия</p>
<p>Д. Увеличение объема выгод для всех людей, обеспечиваемых биоразнообразием и экосистемными услугами</p>	<p>1. К 2020 г. должны быть восстановлены и охраняться экосистемы, оказывающие важнейшие услуги, включая услуги, связанные с водой, и содействующие охране здоровья, жизнеобеспечению и благосостоянию, с учетом потребностей женщин, коренных и местных общин и бедных и уязвимых слоев населения.</p> <p>2. К 2020 г. должна быть повышена сопротивляемость экосистем и увеличен вклад биоразнообразия в накопление углерода благодаря сохранению и восстановлению природы, включая восстановление как минимум 15 % деградировавших экосистем, что способствует смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним и борьбе с опустыниванием.</p> <p>3. К 2015 г. Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения вступил в силу и функционирует в соответствии с национальным законодательством</p>
<p>Е. Повышение эффективности осуществления за счет общественного планирования, управления знаниями и создания потенциала</p>	<p>1. К 2015 г. каждая Сторона разработала и приняла в качестве политического инструмента эффективную совместную и обновленную национальную стратегию и план действий по сохранению биоразнообразия и приступила к их реализации.</p> <p>2. К 2020 г. традиционные знания, нововведения и практика коренных народов и местных общин, имеющие значение для сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, и традиционное использование ими биологических ресурсов будут уважаться в соответствии с национальным законодательством и соответствующими международными обязательствами.</p> <p>3. К 2020 г. будут усовершенствованы, широко совместно использоваться, передаваться и применяться знания, научная база и технологии, связанные с биоразнообразием, его стоимостной ценностью и функционированием, его статусом и тенденциями в этой области, а также с последствиями его утраты.</p> <p>4. К 2020 г., но не позднее этого срока, должна значительно расширяться по сравнению с текущими уровнями мобилизация</p>

Окончание табл. 2

Стратегия	Целевые задачи
	финансовых ресурсов для эффективного осуществления Стратегического плана в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия на 2011–2020 гг. из всех источников и в соответствии с обобщенным и согласованным процессом в рамках Стратегии мобилизации ресурсов

Центр дискуссий последующих конференций сторон (2012, 2014, 2014, 2018) формировали вопросы, связанные с мониторингом и оценкой выполнения национальных стратегий и задач по защите и использованию биоразнообразия. На последней конференции в Шарм-эль-Шейхе (ноябрь 2018) обсуждались, наряду с докладами о выполнении целевых задач по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия, принятых в Нагое, также вопросы подготовки глобальной рамочной программы в области биоразнообразия на период после 2020 г. [6]. Ожидается, что программа будет представлена на конференции сторон в 2020 г., которая пройдет в Китае. Также для усиления борьбы с исчезновением биологических видов в 2012 г. в рамках ООН была создана «Межгосударственная платформа по биоразнообразию и экологическим услугам» (по аналогии с климатической площадкой). Ее главная задача — мониторинг состояния экосистем мира и формирование пакета предложений для глобальных политических решений.

Позиции и интересы стран в международной дипломатии биоразнообразия

Современный механизм принятия международных политических решений практически по всем наиболее актуальным проблемам человечества представляет собой тяжелый, изнуряющий процесс поиска компромиссов, удовлетворяющих по своему содержанию требованиям всех сторон переговоров. Несмотря на глобальный характер многих актуальных проблем (демографической, климатической, продовольственной), требующих незамедлительных действий мирового сообщества, в переговорном процессе стороны часто руководствуются стратегиями национальных предпочтений, что крайне осложняет процесс принятия решений. Различия в географическом, социально-экономическом, историческом, культурном, технологическом развитии стран формируют различные национальные интересы, направленные на создание положительных эффектов, преимуществ для собственных национальных структур. Особенно заметные разногласия в области защиты и использования планетного биоразнообразия прослеживаются между развитыми и развивающимися странами (богатым «Севером» и бедным «Югом»), между странами с высоким и низким уровнем биоразнообразия, а также между глобальными экономическими и экологическими целями развития.

Широкий спектр тем, включенных в Конвенцию о биологическом разнообразии, делает переговорный процесс по данным вопросам исключительно сложным, требующим не только согласования интересов государственных акторов, но и учета

мнений других социальных групп (международных государственных организаций, глобального гражданского общества, ТНК, научных фондов, коренных народов и т. д.). Переговорный процесс по многим вопросам политики биоразнообразия превращается для участников в изнуряющую интеллектуальную, риторическую, экспертную борьбу в отстаивании своих национальных или групповых интересов. Поиск принятия решений по темам биоразнообразия — трудоемкий процесс, затягивающийся иногда на несколько лет, по отдельным вопросам — на десятилетия. Анализ переговорного процесса в рамках конференций сторон с 1994 г. позволяет высказать предположение, что наиболее дискуссионными, трудными для принятия решений темами стали вопросы регулирования принципов доступа к генетическим ресурсам и последующего совместного использования выгод (Access and Benefit Sharing).

Генетические ресурсы — ценное сырье для современного промышленного роста. Биотехнология — одна из наиболее быстро развивающихся отраслей мирового хозяйства. Производство новых медицинских препаратов, косметики, продуктов питания базируется на открытии и комбинировании новых биологических субстанций. Бесценная кладовая этих ресурсов — природные системы стран Юга. Гарантированный, беспрепятственный доступ к природным системам стран Юга (развивающихся государств) для ТНК, исследовательских лабораторий стран Севера (индустриально развитых государств) — главное требование развитых стран. Со своей стороны страны Юга (развивающиеся страны) настаивают на информационной транспарентности деятельности ТНК (научных лабораторий) на их территории и на справедливом делении доходов от полученных прибылей.

Отдельные развитые государства (Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, а также косвенно США) выступают в переговорном процессе по биоразнообразию как группа с общими интересами. Эти страны являются странами-пользователями генетических ресурсов (user countries). Все они обладают солидным научным и исследовательским потенциалом. Крупные биотехнологические компании, фармацевтические и продовольственные концерны мира расположены в них. В их политике биоразнообразия прослеживается желание укрепить свои научные, экономические и конкурентные позиции в мире [14, 48]. Интересы промышленных групп этих стран выдвигаются в переговорном процессе часто на первый план [Там же, 49]. На конференции сторон с 1994 г. эти страны ориентировались на политику билатерализма по использованию генетических ресурсов или создания такого международного режима, который гарантировал бы им неограниченный доступ к генетическим ресурсам стран Юга. Особенно США, которые не присоединились к Конвенции о биологическом разнообразии, требуют от стран Юга беспрекословного соблюдения первой и второй статей КБР, а также Нагойских соглашений [Там же]. Их аргументация заключается в указании на слабость и отсталость научных и экономических структур развивающихся стран, их неспособность адекватно научно и экономически использовать их природный потенциал и генетические ресурсы. Темы биопиратства и вопросы справедливого патентирования ноу-хау в этой области не были приоритетными для государств данной группы [Там же, 50].

Отдельную группу переговорного процесса образуют страны ЕС. Некоторые страны этой группы позиционируют себя флагманами процесса защиты и использования мирового биоразнообразия (Германия, Швеция). В отличие от первой группы страны ЕС выступали за создание обязательного международного режима доступа к генетическим ресурсам и совместному использованию выгод (ABS режим). Принятые на 9-й конференции сторон Боннские руководящие принципы легли в основу Нагойского протокола. Современная критика со стороны ЕС международной дипломатии биоразнообразия направлена на бюрократичность и запутанность национальных механизмов доступа к генетическим ресурсам, мониторинга их использования. В самом же ЕС наблюдается рост разногласий между странами-членами организации в вопросах проводимой политики защиты и использования биоразнообразия.

Развивающиеся страны (страны Юга), обладающие богатейшими ресурсами биоразнообразия, выступали с самого начала международной дипломатии биоразнообразия за создание глобального юридически обязательного договора по регулированию доступа к генетическим ресурсам и совместному использованию выгод. Их позиция в этом вопросе характеризуется конкретной установкой: доступ к их генетическим ресурсам возможен лишь при условии наличия правового механизма совместного использования выгод. Без выгод для страны нет доступа к их генетическим ресурсам [14, 51]. Нагойский протокол отражает интересы развивающихся стран. Среди большой группы развивающихся стран доминирующие позиции в переговорном процессе занимают Бразилия и Индия. Высокой активностью характеризуются Намибия, Кения, Мадагаскар, ЮАР, выступающие лидерами африканской группы. Для согласования позиций и обмена знаниями в этих областях проводятся внеочередные заседания африканских государств. Активную позицию занимает также Боливия, которая с 1995 г. критикует пассивную позицию многих развивающихся стран в вопросах совместного использования выгод. Развивающиеся страны, по предложению Боливии, должны получить доступ к технологиям производства биопродукции, а не быть биоресурсным придатком развитых государств [Там же, 52]. Для этого необходима программа глобального трансфера технологий.

Российская Федерация занимает особые позиции в международной дипломатии биоразнообразия. Хотя она и уступает по показателям видового разнообразия многим тропическим и субтропическим странам, по показателям ландшафтного разнообразия занимает одно из первых мест в мире. При этом 65 % площади России представлено ненарушенными или слабонарушенными ландшафтами, сохраняющими естественные местообитания растений и животных (это выше, чем в США, Бразилии, Канаде, Австралии и других странах). Также на долю России приходится 20 % мировой площади лесов. РФ занимает первое место в мире по вкладу в глобальную экологическую устойчивость [9, 51]. Уникальный потенциал биоресурсов страны во многом определяет ее международную экологическую политику. Россия ратифицировала в 1995 г. международную Конвенцию о биологическом разнообразии. В 2001 г. была опубликована первая национальная стратегия по сохранению биоразнообразия. В 2012 г. Президентом

РФ был подписан закон о реализации основ экологической политики до 2030 г. В 2015 г. Россия представила в Комитет по биоразнообразию новую доктрину по защите и использованию биологических ресурсов — Стратегию и План действий по сохранению биологического разнообразия Российской Федерации, в которую были включены цели и задачи Нагойского протокола.

Сегодня приоритетными направлениями политики биоразнообразия в стране остаются деятельность по развитию и устойчивому функционированию особо охраняемых природных территорий, охране редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений, а также устойчивое использование биологических ресурсов (сельского, лесного, охотничьего и рыбного хозяйств) [9, 76]. Как и в климатической политике, в области биоразнообразия Россия стремится совместить цели экономического роста страны с экологическими вызовами современности.

Таким образом, международная дипломатия биоразнообразия представляет собой ответ мирового сообщества на глобальную проблему исчезновения биологических видов. Под угрозой находится не только сокращение видового разнообразия животных и растений, но само существование всего живого на нашей планете, в том числе и человечества. Понимание данной проблемы сформировало международную политику биоразнообразия. На сегодняшний день главной международной площадкой принятия политических решений в вопросах защиты и использования биоразнообразия остается конференция сторон в рамках Конвенции о биологическом разнообразии. Одновременно международная политика биоразнообразия — классическая многоуровневая политика. Без согласованного взаимодействия самых различных акторов глобального, национального, регионального и локального уровней реализация целей и задач политики сохранения и устойчивого использования биоразнообразия невозможна. Эффективность международной дипломатии биоразнообразия зависит от степени кооперации и доверия международных акторов. Главной проблемой политики биоразнообразия остается наличие противоречий между индустриально развитыми и развивающимися государствами, а также недостаточное финансирование ее программ. Устранение разногласий между странами и увеличение объемов финансирования проектов защиты природных систем (с 200 млн до 20 млрд долл. ежегодно) — единственный путь сохранения биоразнообразия нашей планеты.

1. Доклад Первого совещания конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии. Нассау, 1994 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-01/official/cop-01-17-ru.pdf> (дата обращения: 14.06.2019).

2. Доклад Второго совещания конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии. Джакарта, 1995 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-02/official/cop-02-19-ru.pdf> (дата обращения: 15.06.2019).

3. Доклад о работе Восьмого совещания конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии. Куритиба, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-08/official/cop-08-31-ru.pdf> (дата обращения: 16.06.2019).
4. Доклад конференции сторон конвенции о биологическом разнообразии о работе ее Девятого совещания. Бонн, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-09/official/cop-09-29-ru.pdf> (дата обращения: 17.06.2019).
5. Доклад о работе Десятого совещания конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии. Нагоя, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-10/official/cop-10-27-ru.pdf> (дата обращения: 17.06.2019).
6. Доклад конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии о работе ее 14-го совещания. Шарм-эль-Шейх, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbd.int/conferences/2018/cop-14/documents> (дата обращения: 18.06.2019).
7. Доклад о работе внеочередного совещания конференции сторон для принятия протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии. Конференция сторон Конвенции о биологическом разнообразии. Картахена, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/escor-01/official/escor-01-03-ru.pdf> (дата обращения: 15.06.2019).
8. Конвенция о биологическом разнообразии [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 12.06.2019).
9. Стратегия и План действий по сохранению биологического разнообразия Российской Федерации. М., 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbd.int/doc/world/ru/ru-nbsap-v2-ru.pdf> (дата обращения: 27.06.2019).
10. О Нагойском протоколе [Электронный ресурс] URL: <https://www.cbd.int/abs/about/default.shtml/#objective> (дата обращения: 22.06.2019).
11. *Bauer T.* Die Vereindeutigung der Welt. Über den Verlust an Mehrdeutigkeit und Vielfalt. Ditzingen, 2018.
12. *Engel S.* Katastrofen-Alarm! Was tun gegen die mutwillige Zerstörung der Einheit von Mensch und Natur? Gelsenkirchen, 2014.
13. *Glowka L.* A Guide to the Convention on Biological Diversity, IUCN Environmental Policy and Law paper. no. 30, 1994 [Electronic resource]. URL: <https://portals.iucn.org/library/efiles/documents/EPLP-no.030.pdf> (accessed: 20.06.2019).
14. *Just D.* Odyssee des Internationalen ABS-Regimes. Eine Analyse struktureller Probleme und asymmetrischer Kräfteverhältnisse // Globale Umweltpolitik und Internationalisierung des Staates (Hrsg. U. Brand). Münster, 2010. S. 27–74.
15. *Latour B.* Das terrestrische Manifest. B., 2018.
16. Living Planet Report 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.wwf.de/living-planet-report/> (accessed: 06.05.2019).
17. *Lovelock J.* The Revenge of Gaia: Earth's Climate Crisis & The Fate of Humanity. N. Y., 2007.
18. *Tillman K., Christoph H.* Globale Biodiversitätsverluste — es geht um Werte // Jahrbuch Ökologie 2016. Gesucht : Weltumweltpolitik. Stuttgart, 2016.

Рукопись поступила в редакцию 12 июля 2019 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 327.2 + 316.323

Н. А. Комлева

ИМПЕРИЯ НА ПИКЕ РАЗВИТИЯ: СПЕЦИФИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЭКСПАНСИИ

Статья является попыткой ответить на вопрос, много раз звучавший в научных и публицистических статьях: отчего в современной России и постсоветских странах существуют только отдельные выдающиеся деятели науки, литературы и искусства, но нет сформированной системной среды, порождающей целую совокупность великих представителей наук и искусств, оказывающих значительное влияние на развитие соответствующих глобальных процессов. Используются феноменологический и компаративный методы исследования. Исследуется феномен взаимосвязи основных направлений геополитической экспансии имперских акторов. Рассматривается специфика основных геополитических пространств Российской империи, Нидерландов периода их золотого века и современных США. Вывод статьи: системный расцвет наук и искусств присущ только империи как форме системной организации геополитических пространств.

К л ю ч е в ы е с л о в а: геополитическое пространство, основные геополитические пространства, геополитическая экспансия, империя, специфика имперских геополитических пространств.

Гипотеза данной статьи состоит в том, что расцвет наук и искусств в определенном социуме не только никогда не бывает случайным, но, напротив, всегда и неизменно совпадает с наивысшей точкой развития данного социума как имперского. Иными словами, *системный* расцвет наук и искусств возможен только в империи как форме *системной* организации геополитических пространств.

Империя — это не политическое, а геополитическое явление, поэтому определение сущности империи следующее: империя — это совокупность геополитических пространств¹, находящихся под прочным и постоянным контролем мощного актора государственной или негосударственной природы с целью использования

¹ Автор выделяет четыре основных геополитических пространства: географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое. При этом последний тип геополитического пространства перешел в статус основных, да и вообще появился как таковой лишь во второй половине прошлого века.

ресурсов этих пространств в интересах данного актора. Политической формой существования данного геополитического феномена является имперское государство, к которому относятся политологические определения понятия «империя». Основные характеристики империи как системного геополитического института на пике ее развития коррелируют с характеристиками наивысшей формы развития основных геополитических пространств: обширная, регулярно пополняемая посредством войн, аннексий и аншлюсов, хорошо охраняемая территория (географическое пространство); мощное бизнес-сообщество², отличающееся неизменным и все возрастающим стремлением к экспансии на внешние рынки (экономическое пространство); детально разработанная официальная идеология, расцвет наук и искусств (информационно-идеологическое пространство); качественный широко востребованный программный продукт (информационно-кибернетическое пространство).

В 2015–2016 гг. автор сформулировал гипотезу, заключающуюся в том, что освоение геополитических пространств происходит не только на рациональном уровне (экономические, военные, политические и научные практики), но и на уровне рационально-эмоциональном (идеологические практики, производство произведений искусства и художественных текстов) [7, 8]. Специфика данной взаимосвязи такова. Расширение географического пространства за счет новых территорий (и осуществленные в ходе этого процесса воинские подвиги, героизм, дипломатические мероприятия наивысшей квалификации и наивысшей результативности), впечатляющая экономическая экспансия (мощные развивающие проекты, значимые для всей страны не только психологически, но и дающие весомую материальную отдачу для большинства членов общества), проникновение в новые значимые сектора кибернетического пространства — все это сопровождается так называемыми событиями-настройщиками [17], меняющими эмоциональную атмосферу общества, а изменение эмоциональной атмосферы общества неизбежно выражается в произведениях литературы и искусства. «Настройщики» — это источники психологических стимулов, действующих одновременно на все общество или его значительную часть и тем самым работающих в качестве синхронизаторов настроений подавляющего большинства членов общества. «Настройщики» способствуют складыванию такого элемента массового сознания, как «чувство общности судьбы» [9]. Успешная и обширная геополитическая экспансия сопровождается целым рядом таких «настройщиков», что ведет к формированию «чувства общности счастливой судьбы» и порождает наивысшую степень развития «пространственного чувства народа» [16], а именно восприятие приобретенного пространства (в нашем веке — всех его четырех типов, включая информационно-кибернетическое) как *своей неотчуждаемой собственности*, при этом — собственности, *приобретенной коллективным трудом и усилиями народа данной страны*³, а не полученной как подарок. В данном случае

² Либо государственный сектор промышленности — в случае империи, базирующейся на социуме, сформированном на принципах социализма и коммунизма.

³ Автор понимает народ как совокупность людей, создающих и распространяющих материальные и духовные блага.

в эмоциональном плане нация самоидентифицируется как *нация-победитель*, то есть нация, адекватно осознающая вызовы времени и успешно решающая встающие при этом задачи. *Пространственное чувство такого наполнения, в совокупности с другими факторами, превращает нацию в одного из ведущих акторов геополитического процесса, а соответствующее государство — в великую/глобальную державу, оказывающую значительное/решающее влияние на ход глобального геополитического процесса. Соответственно в экономическом и информационно-идеологическом пространствах имперский социум представляет собой великую/глобальную экономическую державу и великую/глобальную культурную державу, оказывающую значительное/решающее влияние на ход глобального экономического и культурного процесса.*

Повторим, что наивысшее развитие империи, т. е. наиболее успешный период расширения, освоения и функционирования всех ее геополитических пространств, непременно сопровождается наивысшим расцветом науки, культуры и искусства в данном имперском государстве. «Отец геополитики» Ф. Ратцель утверждал, что для осуществления геополитической экспансии, тем более эффективной геополитической экспансии, равно необходимы два фактора: 1) «пространственный разум государства» и 2) «пространственное чувство народа» [16]. Грубо говоря, за первое отвечает наука, в первую очередь геополитика⁴, география, философия и история, а за второе — искусство и литература, которые как подпитываются указанными факторами, так и формируют их.

Рассмотрим взаимодействие «пространственного разума государства» и «пространственного чувства народа» на примере Российской империи.

Золотой век русской науки, культуры и искусства (1800–1880-е гг.) соответствует золотому веку, то есть наивысшему этапу развития Российской империи [6]. «Настройщиками», формировавшими в этот период чувство общности успешной судьбы россиян, выступали победа над Наполеоном, присоединение Центральной Азии и Кавказа, строительство Транссибирской магистрали, Балканские войны России за освобождение славянских народов от турецкого ига. Российская империя в этот период своей истории простиралась на три континента — Европу, Азию и Америку (Русская Америка юридически просуществовала до 1867 г., а фактически — до 1868 г.). Промышленный подъем 1860–1890-х гг. вывел Россию на 4–5-е место в мире по основным показателям экономического развития. Русская наука, литература и искусство этого периода оказали значительное влияние на процессы развития наук и искусств в других странах мира.

«Пространственный разум государства» российского в указанный исторический период выражала прежде всего наука географическая, особенно ярко представленная в деятельности и трудах Н. М. Пржевальского (1839–1888) и П. П. Семенова-Тян-Шанского (1827–1914). Продвижение Российской империи в регион Центральной Азии и Кавказа и ведущаяся в рамках этого процесса Большая игра с Великобританией не были бы успешными без путешествий и книг

⁴ Геополитика как отдельная наука возникает лишь во второй половине XIX в., до того существуя в рамках политической географии, военной стратегии и тому подобных отраслей науки.

этих ученых. Одни только названия научных публикаций раскрывают их значение для геополитической экспансии России в Центральной Евразии. Н. М. Пржевальскому принадлежат следующие труды, основополагающие для русского присутствия в регионе: «Путешествие в Уссурийском крае», «Путешествия в Центральной Азии», «Монголия и страна тангутов» [14]. П. П. Семенов-Тянь-Шанский является выдающимся исследователем Средней Азии и Тянь-Шаня. Результаты его путешествий отражены в целом ряде научных статей, но сконцентрированы в обширном труде «Живописная Россия» [5].

Русская геополитическая наука этого периода ярче всего представлена трудами так называемой геополитической школы Д. А. Милютина (1816–1912). Д. А. Милютин, бывший военным министром Российской империи в период 1861–1881 гг., разработал системный метод анализа геополитических процессов [10], что решающим образом сказалось на эффективности применяемых Россией геополитических практик в регионе Центральной Евразии в ее противостоянии с Великобританией (Большая игра), а также в осуществлении экспансии Российской империи в Восточной Европе, Арктике, Антарктике, Северной Америке.

Философия, в том числе политическая, и в определенной степени социология ведут поиск общенациональной идентичности, помогая складыванию единого актора геополитической экспансии — конкретной нации, а также формированию у ее элиты представлений о необходимом направлении данной экспансии.

Золотой век Российской империи является и золотым веком русской философии [4, 12]. П. Я. Чаадаев (1794–1856) одним из первых исследовал роль России в мире, специфику российского общества и государства в сравнении с другими акторами исторического процесса, особенности русского национального сознания. Мировоззренческие концепции «славянофилов» и «западников» в течение 30–40-х гг. позапрошлого века, а также концепции «почвенников» и «народников» во второй половине века именно благодаря их борьбе между собой в конечном итоге способствовали общественному осознанию статуса России как великой европейской и мировой державы. Это осознание миссии легло в основу экспансии Российской империи на материке Евразии как в западном, так и в восточном направлении. Философские системы В. С. Соловьева (1853–1900) и Н. Ф. Федорова (1829–1903), казалось бы, совершенно не связанные с политическим и тем более геополитическим процессом, разработали проблемы сущности русского духа, русской духовной жизни, основных векторов ее развития и способствовали тем самым формированию русского национального сознания как мировоззренческой базы формирования и функционирования русских в качестве государствообразующего имперского народа. Н. Я. Данилевский (1822–1885) и К. Н. Леонтьев (1831–1891) в определенном смысле расширили понимание вопроса, создав оригинальные концепции цивилизационного процесса, и поместили русскую цивилизацию внутрь порядка исторически сформировавшихся цивилизаций, определив ее собственное место.

Осознание особого характера и исторической миссии конкретной нации невозможно без осознания специфики ее исторического пути. В этом плане неопределима роль русской исторической науки и таких выдающихся ученых, как

Н. М. Карамзин (1766–1826) и его «История государства российского» в 12 томах, Н. И. Костомаров (1817–1885) — «Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей», С. М. Соловьев (1820–1879) — «История России» в 29 томах [1].

Особое место занимают великие русские литература и искусство, выразившие «пространственное чувство народа» в крупных, «имперских» формах — поэме, романе, опере, симфонии [13, 19]. Если камерные формы искусства обращены к индивидууму, то крупные — именно к социуму в целом, отражая и выражая средствами искусства его совокупные чувства. В силу особенностей русского менталитета эти крупные формы никогда не выражали имперскую спесь, как, например, произведения Р. Вагнера, но национальную гордость, оптимизм и патриотизм — в полной мере: оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836)⁵, «Руслан и Людмила» (1842), П. И. Чайковского «Опричник» (1874), «Мазепа» (1884), М. П. Мусоргского «Борис Годунов» (1874), «Хованщина» (1886), симфонии Чайковского № 3 (1875), № 4 (1877) и особенно № 5 (1888), романы М. М. Заголкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, картины художников Товарищества передвижных художественных выставок (1870–1880-е гг.) — И. Е. Репина, В. И. Сурикова, И. И. Шишкина, А. К. Саврасова, И. И. Левитана, В. М. Васнецова. Указанные деятели искусства и литературы отнюдь не чуждались обличения «язв русского общества», но общественные «язвы» разнятся у имперской нации и нации, принадлежащей к социуму-лимитрофу. «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе» [15].

Так формировалось информационно-идеологическое пространство Российской империи в 1800–1880-х гг., и влияние этой великой культуры до сих пор, как свет далекой и уже физически погасшей звезды, наполняет культурное пространство России и всего мира.

Итак, расцвет наук и искусств в царской России не случайно пришелся на XIX в., период наивысшего расцвета Российской империи как геополитического образования.

Аналогично обстоит дело и с другими империями.

Нидерланды периода золотого века этой страны (с конца XVI по конец XVII в.), т. е. периода их наибольшего расширения в географическом, экономическом и информационно-идеологическом пространстве, характеризовались следующим [3]. Территория Нидерландов включала в себя, кроме Республики Соединенных провинций, расположенной на севере Европы, также территорию нидерландских колоний, в 60 раз превышающую размер Республики Соединенных провинций (колонии Нидерландов находились в Австралии, Африке, Азии, Северной и Южной Америке). Трансконтинентальная экономическая экспансия Нидерландов в основном проводилась такими мощными частными структурами, как Объединенная Ост-Индская компания, Австралийская (иначе — Южная) компания, Вест-Индская компания. Огромное влияние на развитие европейской

⁵ Здесь и далее в скобках указывается год первого исполнения.

и мировой культуры оказали: в философии — У. Акоста и Б. Спиноза, в правовой науке — Г. Гроций, в физиологии — Г. Регий (другой вариант имени — Г. Леруа), в музыке — Я. Свелинк. Но особенно был богат золотой век Нидерландов на гениев живописи: трое Брейгелей (Питер и Ян Брейгели Старшие и Питер Брейгель Младший), Рембрандт, Ф. Хальс, А. и И. ван Остаде, Я. Вермеер, Я. Стен, Я. ван Рейсдааль, Г. Терборх, Я. Ван Лоо, А. ван Дейк.

Единственная глобальная держава (сверхдержава) современного мира США, несомненно, представляет собой империю, но при отсутствии ее «классического» географического компонента (территориальные границы страны оформились в XVII–XIX вв.) — империю экономическую, идеологическую и кибернетическую. Под маской глобализации американский капитал, американская массовая культура и американский Microsoft прочно контролируют соответствующие пространства всех других стран, исключая осколки так называемого «второго мира», т. е. Китай, Северную Корею, Кубу [2, 18]. Наибольшее количество нобелевских лауреатов в сфере науки приходится на США; американская политология, социология, культурология оказывают решающее влияние на развитие соответствующих наук во всем мире. При этом наивысший расцвет массовой культуры как института, во всех ее формах, с ее глобальным влиянием, — это именно современные США [17].

Отметим, что народы, вовлеченные в состав империи через процесс ее геополитической экспансии, также выдвигают из своей среды выдающихся деятелей науки и искусства, которые после распада данной империи и обретения данным народом политической независимости куда-то исчезают: либо из географического пространства данного народа (живут и работают в рамках географического пространства бывшей метрополии), либо, после биологической кончины «великих», данный народ больше не производит гениев такого же уровня. Причиной является неизбежная резкая геополитическая контракция (сжатие) данного социума во всех геополитических пространствах одновременно и сопутствующее ей умаление «пространственного чувства народа» и «пространственного разума государства». С исчезновением системной организации геополитических пространств через единый геополитический центр (имперское ядро) деятели искусства и литературы теряют необходимую среду существования и глобального продвижения, а собственное формирование данной среды в конкретном социуме требует длительного исторического времени.

Выходом является подключение к системной среде науки, литературы и искусства некоего иного имперского центра посредством перехода соответствующего государства в систему лимитрофов этого геополитического актора, но и в этом случае вхождение в уже сложившуюся автохтонную культурную среду требует времени. В данном случае показательно перечисление достижений казахской нации в статье Н. А. Назарбаева «Семь граней Великой степи»: одомашнивание лошади, плавка некоторых металлов, искусство звериного стиля, создание золотых погребальных доспехов, казахская степь как родина тюркских этносов, вхождение казахской степи в систему Великого шелкового пути через сеть ранее сформированных сухопутных маршрутов, яблоко и тюльпан как дары казахской

земли всему миру [11]. Отметим, что автор статьи не приписывает данные исторические достижения собственно казахскому этносу, но говорит об их существовании на землях, где впоследствии сформировался данный этнос. Сравним это с такими достижениями имперского СССР, как первый в мире искусственный спутник Земли и первый человек в космосе, первая атомная электростанция, лучшая в мире система государственных социальных гарантий (бесплатное образование и медицина всех уровней, бесплатное предоставление жилья, отсутствие безработицы, отсутствие межнациональных конфликтов). Сегодня Казахстан позиционирует себя как страну, с территории которой осуществляются запуски космических аппаратов, но не стоит забывать, что космодром Байконур был создан и несколько десятилетий работал в рамках советской космической программы, а не программы собственно казахской, и сейчас РФ арендует территорию Байконура, но оборудование и службы космодрома являются российскими.

Таким образом, системное развитие наук и искусств в конкретном социуме, определяющее их общемировое влияние, возможно лишь в период развития данного социума как имперского, т. е. в высшей точке развития его геополитической экспансии.

1. *Алеврас Н. Н.* Русская историография XIX — начала XX века: лекции по истории исторической науки. Челябинск, 2013.

2. *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство : пер. с англ. М., 2010.

3. *Дэвидс К.* 450 лет лидерства: Технологический расцвет Голландии в XIV–XVIII вв. и что за ним последовало : пер. с англ. [А. Гришин, Ю. Бронникова, Н. Мезин, Б. Зуев, И. Тулина ; под ред. К. Ахметова]. М., 2019.

4. *Ермичев А. А.* Революция и золотой век русской философии // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19, № 1. С. 211–223.

5. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. Т. 1–12. СПб. ; М., 1881–1885.

6. История России в XIX веке. Издание Т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°. Т. 1–9. 1907–1911.

7. *Комлева Н. А.* Геополитическое пространство как текст : [электронное научное издание] // Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 10, вып. 1. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/2227-9490e-argovr_e-ast10-1.2015.92.php (дата обращения: 22.10.2019).

8. *Комлева Н. А.* Художественный текст и политический анекдот как индикаторы полноты освоения геополитического пространства // Вестник Московского государственного областного университета: [электронный журнал]. 2016. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/729> (дата обращения: 01.10.2019). DOI: 10.18384/2224-0209-2016-1-729.

9. *Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. М., 2001.

10. *Милютин Д. А.* Критическое исследование значения военной географии и военной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.whiteworld.ru/rubriki/000102/002/01010506.htm> (дата обращения: 22.10.2019).

11. *Назарбаев Н. А.* Семь граней Великой степи [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputniknews.kz/culture/20181121/8168170/statya-nazarbaev-ruhani-zhangyru.html> (дата обращения: 19.10.2019).

12. *Павлов А. Т.* Философское образование в Российской империи. М., 2017.

13. *Панасенко Ю. А.* Русское искусство XIX века. М., 2013.

14. *Пржевальский Н. М.* Монголия и страна тангутов: Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии / под ред. и со вступ. ст. Э. М. Мурзаева. М., 1946.
15. *Пушкин А. С.* Фрагмент письма к П. А. Вяземскому, ноябрь 1825 г. // А. С. Пушкин. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9 : Письма, 1815–1830. М., 1959–1962.
16. *Ратцель Ф.* Политическая география. Народоведение. Гл. 1 : Государство как организм, тесно связанный с землей // Геополитика : хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб., 2007. С. 15–36.
17. *Рахимова М. В.* О популярной культуре США // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Rakhimova/> (дата обращения: 19.09.2019).
18. *Уткин А. И.* Подъем и падение Запада. М., 2008.
19. *Яковкина Н. И.* История русской культуры XIX в. СПб., 2002.

Рукопись поступила в редакцию 09 октября 2019 г.

УДК 327.56(5-15) + 327.56(73) + 341.17

**Г. Н. Валиахметова
Е. С. Пелевина**

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ: ВЗГЛЯД ИЗ ТОКИО

В статье анализируется японский подход к обеспечению региональной безопасности в зоне Персидского залива. Авторы раскрывают причины, побуждающие Японию активно интегрироваться в систему международных отношений на Ближнем Востоке в качестве одного из ведущих внерегиональных акторов. На примерах Иранского и Катарского кризисов раскрыта специфика участия Японии в урегулировании международных проблем в зоне Залива. Выявлен комплекс факторов, ограничивающих свободу действий Японии в применении «жесткой» и «мягкой» силы как в вопросах региональной безопасности, так и в сфере продвижения своих национальных интересов в зоне Залива. Исследование базируется на японских документальных и научно-исследовательских материалах.

Ключевые слова: Япония, Персидский залив, Ближний Восток, США, региональная безопасность.

Сегодня Ближний Восток и зона Персидского залива продолжают оставаться одним из ключевых центров мировой политики в силу своего исключительного стратегического и энергоресурсного потенциала, традиционно высокого уровня конфликтности, экстраполяции формируемых здесь угроз международной безопасности с регионального на глобальный уровень. Новым трендом в развитии ближневосточной системы международных отношений стало появление новых внерегиональных игроков в лице Китая, Японии и Южной Кореи. В отличие от России, давно присутствующей на Ближнем Востоке, Япония относительно недавно активизировала здесь свою деятельность. Опыт нового внерегионального актора, его подходы к вопросам обеспечения региональной безопасности и продвижения своих экономических и политических интересов, несомненно,

требуют детального исследования и осмысления. Особую значимость анализ ближневосточной политики Японии приобретает для современной России, которая рассматривает Ближний Восток и зону Залива как сферу своих национальных интересов. Данная статья является попыткой внести вклад в обсуждение дискуссионных проблем ближневосточной политики Японии с учетом новейших публикаций японских дипломатических документов и результатов исследований японских политологов по рассматриваемой проблематике.

Окончание холодной войны и смена глобальной мировой системы внесли значительные коррективы во внешнеполитические приоритеты Японии. Ослабление американо-японского альянса, пересмотр концепции национальной безопасности и курс на превращение страны в ответственную мировую державу открыли Японии путь к усилению ее роли в международных делах. Сегодня внешняя политика страны нацелена на реализацию своих национальных интересов путем конструктивного взаимодействия с международным сообществом в сфере экономического сотрудничества и миротворчества [26].

Политика Японии в отношении стран Персидского залива исторически базируется на интересах национальной энергетической безопасности. Сегодня этот регион обеспечивает более 80 % нефтегазового импорта Японии, что побуждает Токио к активному участию в стабилизации обстановки в зоне Залива [24]. Возрастающий вклад японских деловых кругов в процесс диверсификации экономик аравийских монархий в рамках масштабных стратегических программ развития «Видение» также побуждает Токио обезопасить внушительные японские инвестиции от неизбежных для данного региона политических рисков [21, 85–86]. С учетом различных по характеру угроз, исходящих с Ближнего Востока, японская политика в этой части света включает следующие направления: урегулирование конфликтов, контроль над вооружениями и разоружение; продвижение мирного процесса; экономическое восстановление; взаимовыгодное сотрудничество и развитие [27].

Персидский залив стал первым театром военных действий, куда Япония впервые после Второй мировой войны направила свои вооруженные силы, уступив нажиму Вашингтона, требовавшему дополнить японский финансовый вклад в урегулирование кризиса «вкладом человеческим». Ограниченное участие японских Сил самообороны в Первой войне в Заливе 1991 г. (преимущественно в форме проведения операций по тралению мин по окончании военных действий) было обусловлено наличием антимилиитаристской статьи конституции Японии и отсутствием на тот момент международно-правовой базы взаимодействия с силами ООН [5]. После ратификации японским парламентом Закона о сотрудничестве с ООН в 1992 г. [7] Силы самообороны стали принимать ограниченное участие в международных миротворческих и гуманитарных миссиях, в том числе на Ближнем Востоке: в 1996–2012 гг. японские подразделения в составе миротворческих сил ООН были направлены на Голанские высоты и в Ирак [23].

Наиболее активно японское военное присутствие расширяется в международных водах на Ближнем Востоке и в районе Африканского Рога в рамках участия в международных морских силах, созданных в оборонительных целях, а именно

для борьбы с пиратством, которое представляет серьезную угрозу энергетической безопасности Японии: импорт энергоресурсов страны обеспечивается преимущественно морскими перевозками. Законы о мерах по борьбе с пиратством 2009 и 2013 гг. позволили японским Силам самообороны, базирующимся на Ближнем Востоке, предоставлять вооруженный морской эскорт в Аденском проливе и защищать суда любых государств от пиратских атак, в том числе с применением оружия. Однако законы запрещают японским военно-морским подразделениям вступать в вооруженное противостояние с кораблями других государств, от которых также может исходить угроза торговому судоходству [25].

Для оказания помощи международной коалиции по борьбе с сомалийским пиратством в Аденском заливе Япония в 2011 г. открыла в Джибути опорный военный пункт, где постоянно базируются японский эсминец и два самолета, патрулирующих безопасность прохода через Баб-эль-Мандебский пролив морских судов, из которых примерно 10 % являются японскими [13]. Уже через год японский премьер-министр Ёсихико Нода заявил о необходимости разместить Силы самообороны в Ормузском проливе для сопровождения танкеров и проведения операций в случае закрытия этой судоходной артерии [8]. Формально в гипотетическом Ормузском кризисе право Японии на коллективную самооборону может быть применено, если возникнет явная угроза блокады пролива подводными минами, которая может быть приравнена к прямому вооруженному нападению на Японию. Первое в Персидском заливе японское военное подразделение размещено на Бахрейне [6].

В феврале 2017 г. японские Силы самообороны приняли участие в иницированных Пакистаном масштабных военно-морских учениях «Аман-17» [16]. В октябре 2018 г. в японских СМИ прошла информация о намерении Министерства обороны страны создать в Джибути первую зарубежную военную базу Японии в рамках противодействия экспансии Китая на Ближнем Востоке [4]. Это свидетельствует о том, что правительство Японии рассматривает проблемы обеспечения национальной безопасности в тесной взаимосвязи с развитием региональной обстановки на Ближнем Востоке и в Восточной Азии [10, 101; 15; 21, 87–90].

Постепенное наращивание японского военного присутствия на Ближнем Востоке, с одной стороны, приводит к выводу о возрастающем значении методов «жесткой» силы в проводимой Токио политике безопасности и в целом курса правительства Синдзо Абэ на увеличение геополитического веса страны в мировых делах. С другой стороны, очевидно, что Япония все активнее прибегает к дипломатическому инструментарию урегулирования кризисных ситуаций, стремясь остаться в русле альянса с США и в то же время приобрести статус медиатора в примирении участников многочисленных региональных конфликтов, что наглядно иллюстрирует иранский кейс.

В течение XX в. иранское направление оставалось базовым в ближневосточной политике Японии и мотивировалось энергетическими потребностями страны. До нефтяного кризиса 1973 г. Иран обеспечивал до 70 % японского нефтяного импорта, затем нефтяные поставки хотя и постепенно сокращались, но никогда

не прерывались вплоть до мая 2019 г. К этому времени иранская нефть составляла порядка 5 % в общем объеме японского нефтяного импорта, а Иран оставался третьим по величине поставщиком нефти в Японию после Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов [2]. В годы холодной войны значимость Ирана для японской дипломатии, кроме того, была обусловлена возможностью вести самостоятельную активную деятельность без оглядки на ограничения, налагаемые военно-политическим альянсом с США. Япония, продвигавшая в то время масштабный проект Ирано-японской нефтяной компании и не обремененная негативным «историческим багажом» в отношениях с Тегераном и Багдадом, оказалась для Вашингтона игроком, способным активно участвовать в урегулировании ирано-иракского конфликта (1980–1988), эффективно используя методы «челночной дипломатии» [Там же].

Однако в геополитических реалиях XXI в. и по мере роста напряженности в ирано-американских отношениях свобода действий японской дипломатии на иранском направлении находила все меньше понимания в Вашингтоне, и Токио стало труднее сохранять одновременно независимый подход к Тегерану и приверженность альянсу с США. Тем не менее Японии, вынужденной присоединиться к антииранским санкциям, удалось избежать серьезных политических разногласий с Тегераном [15]. Односторонний выход США из соглашения по ядерной программе Ирана похоронил планы Токио и Тегерана на расширение двустороннего сотрудничества. Более того, в мае 2019 г. в порты Йокогамы пришли последние иранские танкеры, поскольку США отменили временное положение об исключении Японии и ряда других стран (в том числе Индии, Китая, Южной Кореи и Турции) из введенного Вашингтоном в ноябре 2018 г. режима запрета на импорт иранской нефти [1].

Танака Коитиро, профессор Университета Кэйю и один из ведущих японских экспертов по ближневосточной политике Японии, отмечает, что ужесточение условий в иранском сегменте мировой политики переориентирует японскую дипломатию на более тесное взаимодействие с ООН в вопросах урегулирования международных кризисов на Ближнем Востоке. Вместе с тем К. Танака не отрицает, что «сейчас, когда Америка поднимает знамя унилатерализма и одностороннего отстаивания национальных интересов, вероятно, это будет не только расходиться с курсом японской политики, но и временами даже прямо противоречить ему» [2].

В июне 2019 г. Япония попыталась снизить градус американо-иранского противостояния. Формальным поводом к осуществлению посреднической миссии стал визит Синдзо Абэ в Тегеран (первый визит японского премьер-министра после Исламской революции 1979 г.), приуроченный к 90-летию установления дипломатических отношений между Японией и Ираном. Накануне поездки С. Абэ заявил: «Напряженность в ближневосточном регионе вызывает обеспокоенность. С учетом внимания международного сообщества к этому региону, я хотел бы сыграть как можно более важную роль в установлении там мира и стабильности» [3]. Тем не менее японские и иранские медиа настаивали на сугубо двустороннем характере дипломатического турне японского премьера и опровергали предположения экспертов о том, что С. Абэ должен был передать духовному лидеру

Ирана аятолле Али Хаменеи и президенту Хасану Рухани некий сигнал о готовности президента США к диалогу. Туманность формулировок, прозвучавших в официальных итоговых заявлениях Тегерана и Токио, позволяет экспертам предположить, что «даже если предложения о перемирии с США и прозвучали, в Тегеране не готовы (или не могут) на них ответить» и японская дипломатия априори не могла рассчитывать на иной исход [3].

Неоднозначные результаты посреднической миссии С. Абэ подчеркнуло нападение на японский и норвежский танкеры в Персидском заливе 13 июня 2019 г., в период пребывания японского премьера в Иране. Вашингтон возложил ответственность за атаку на Тегеран и призвал к созданию международной морской коалиции в Персидском заливе. Вопрос о целесообразности участия в очередной американской военной инициативе под предлогом защиты Ормузского пролива вызвал жесткие дискуссии в политических и общественных кругах Японии, завершившиеся официальным отказом Токио присоединиться к американской коалиции по обеспечению безопасности торгового судоходства в зоне Залива [6].

Вместе с тем японское правительство приступило к обсуждению возможности развертывания Морских сил самообороны в рамках самостоятельных наблюдательных миссий в проливах Ормуз и Баб-эль-Мандеб при наличии одобрения соответствующих прибрежных стран, прежде всего Ирана. Комментарии представителя правительства Японии Ёсихиде Суга по данному вопросу свидетельствуют о сбалансированном подходе Токио к урегулированию возникающих в зоне Залива конфликтов. «Что касается того, какие шаги будут эффективными для обеспечения безопасности плавания японских судов на Ближнем Востоке, — заявил Суга, — мы хотели бы рассмотреть вопрос с разных сторон, включая стабильные поставки сырой нефти и связи Японии с США и Ираном» [22].

Аналогичный подход превалирует в политике Японии и в сфере противодействия транснациональному религиозному экстремизму и терроризму, которая является одним из важных векторов сотрудничества Японии со странами Залива. Это обусловлено актуальностью обеспечения безопасности японских деловых интересов и собственно японских граждан, которые неоднократно становились жертвами террористических атак на Ближнем Востоке, а также подготовкой к Олимпийским играм, которые Токио собирается принять в 2020 г. В этой связи министр иностранных дел Японии Таро Коно вошел в состав руководства созданного в 2015 г. под эгидой Эр-Рияда Исламского военного альянса по борьбе с терроризмом (*Islamic Military Alliance to Fight Terrorism, IMAFT*), состоящего из более чем 40 мусульманских государств [17]. Однако в поисках путей парирования угроз со стороны радикально-экстремистского исламизма Япония полагается не столько на «жесткую» силу, сколько на глубокую интеграцию Ближнего Востока в международное экономическое, научно-образовательное и социокультурное пространство и развитие многосторонних связей со странами региона. Особую роль в реализации данного направления играют японские частные фонды, в первую очередь Исламский фонд Сасакавы на Ближнем Востоке (*Sasakawa Middle East Islam Fund, SMEIF*), учрежденный в 2009 г. в рамках известного и весьма влиятельного Мирного фонда Сасакавы [28].

В целом в сфере противодействия международному терроризму администрация Синдзо Абэ делает ставку на политическое взаимодействие с США и странами Запада, предпочитая присоединяться к иницилируемым ими мероприятиям невоенного характера (экономические санкции, разработка мер по усилению пограничного контроля, подготовка местных кадров в сфере обеспечения внутренней безопасности и т. д.) [15]. В условиях высокой конфликтности и слабой предсказуемости развития военно-политической ситуации в регионе японская дипломатия вынуждена признавать свою неискушенность в лавировании в столь сложном и противоречивом геополитическом пространстве, как Ближний Восток, где любой дипломатический просчет чреват внушительными финансово-экономическими и политическими убытками.

Наглядным примером служит недавний Катарский кризис, в ходе которого Япония предприняла очередную попытку выступить в роли медиатора. В мае 2017 г. Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн и Египет разорвали дипломатические отношения и блокировали транспортное сообщение с Катаром, обвинив его в финансировании терроризма. Токио встал перед довольно сложным выбором: в случае поддержки инициаторов бойкота разрыв связей с Дохой дорого обойдется Японии, зависящей от поставок катарского сжиженного природного газа; обратная ситуация обернется для Японии потерей доверия со стороны других нефтедобывающих монархий Залива. Проблема осложнилась и тем, что Катар является вторым после Дубая крупнейшим региональным хабом для японского бизнеса и местом проживания японских экспатриантов. Ограничения, наложенные на Катар, значительно осложнили перемещение по странам Персидского залива для представителей японских деловых кругов, в числе которых крупные корпорации *Marubeni* и *JX Nippon Oil & Gas*, имеющие офисы в Дохе [19].

В сложившихся условиях японское правительство заявило о готовности взять на себя функции посредника как в ходе многосторонних переговоров [18], так и в формате двусторонних встреч с представителями Катара, с которым японские дипломаты обсудили значимость противодействия международному терроризму для региональной и глобальной безопасности [11]. Это была не первая амбициозная заявка Японии на медиаторскую миссию в урегулировании разногласий между государствами Залива. Инцидент с казнью шиитского священника в Саудовской Аравии в 2016 г., вызвавший всплеск напряженности в отношениях между суннитами и шиитами в Саудовской Аравии, Ираке, Бахрейне и Пакистане, также побудил Токио примерить на себя роль миротворца. Как заявил в разгар конфликта Осаму Мията, глава независимого Центра современных исламских исследований Японии, Токио определенно располагает внушительными ресурсами воздействия на конфликтующие стороны [9].

Однако обе попытки Японии использовать методы «челночной дипломатии» не только не увенчались успехом, но привели к внушительным потерям для японского бизнеса в зоне Залива. Крупные японские транснациональные корпорации заняли выжидательную позицию в Катарском кризисе и с тревогой следили за тем, как японская дипломатия решает вопрос с арабским расколом. Компанию *Mizuho*

Securities, входящую в финансовую группу *Mizuho* и вовлеченную в крупные облигационные сделки в Катаре и Саудовской Аравии, региональный конфликт поставил перед выбором между саудовским пакетом предложений стоимостью 11 млрд долларов и катарским на 12 млрд долларов. Позиция нейтралитета в конфликте обернулась для *Mizuho Securities* убытком в 2 млн долларов и утратой права на приобретение ценных бумаг как Саудовской Аравии, так и Катара [14].

Не менее серьезные последствия для японского бизнеса в Персидском заливе имели конфликт, разразившийся в связи с убийством известного саудовского журналиста Джамала Хашогги в консульстве Саудовской Аравии в Стамбуле в октябре 2018 г., и последовавшее за этим международное давление на Эр-Рияд. Годом ранее по инициативе генерального директора *SoftBank* Масаеси Сон был основан совместный японо-саудовский фонд *Vision Fund*, который должен был стать инвестиционной основой участия японских корпораций в реализации масштабной стратегической программы Саудовской Аравии «Видение 2030», причем вклад Эр-Рияда составил половину аккумулированных в фонде средств на сумму 93 млрд долларов. Однако после исчезновения Дж. Хашогги компании Силиконовой долины отказались сотрудничать с фондом, назвав его деньги «кровавыми», в результате чего акции компании Масаеси Сон упали в цене почти на 15 %, а деятельность фонда была приостановлена [20]. Токио предпочел занять выжидательную позицию, стремясь сохранить дружественные отношения с Эр-Риядом [12]. Но, как и в случае с Катарским кризисом, сдержанная позиция японской дипломатии скорее расценивается арабскими партнерами как неуверенная и, возможно, недружественная, что ограничивает дипломатический ресурс Токио и возвращает Японию в рамки политической опоры на США в разрешении конфликтов на Ближнем Востоке.

В целом можно резюмировать, что возможности Японии влиять на процесс урегулирования международных кризисов на Ближнем Востоке ограничены отсутствием у нее места в Совете Безопасности ООН и разногласиями в общественно-политических кругах страны по вопросу об отказе от пацифистских норм японской конституции. Другими важными факторами, сужающими для японской дипломатии пространство для маневра на ближневосточном поле, выступают опасения Токио пошатнуть альянс с США (учитывая особую роль Вашингтона в не менее значимых для Японии восточноазиатских делах) и задеть жизненные интересы ведущих региональных и внерегиональных игроков, которые традиционно находятся в сложных и неоднозначных отношениях как с США, так и между собой. В этой связи Япония вынуждена очень тщательно подходить к выбору внешнеполитического инструментария для защиты национальных интересов страны в зоне Персидского залива и с большой осторожностью использовать как «жесткую», так и «мягкую» силу в процессе усиления своих геополитических позиций на Ближнем Востоке в целом.

1. Динамика объема торговли между Японией и Ираном [Электронный ресурс] // Nippon. 21.01.2019. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/h00332/> (дата обращения: 02.05.2019).

2. Переломный момент в дипломатических отношениях Японии и Ирана: остановка импорта нефти из-за американских санкций [Электронный ресурс] // Nippon. 12.06.2019. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00440/> (дата обращения: 02.09.2019).

3. «Миссия невыполнима»: Премьер Японии попытался помирить Иран и США [Электронный ресурс] // BBC. 14.06.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-48629198> (дата обращения: 02.09.2019).

4. СМИ: Япония создает постоянную военную базу в Джибути [Электронный ресурс] // ИТАР ТАСС, 15.09.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5673812> (дата обращения: 03.09.2019).

5. *Стрельцов Д. В.* Военный пацифизм Японии [Электронный ресурс] // РСМД. 23.09.2015. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6607#top-content (дата обращения: 02.05.2019).

6. Японские корабли хотят отправить к берегам Ирана [Электронный ресурс] // Независимая газета. 15.07.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-07-15/1_7623_question.html (дата обращения: 03.09.2019).

7. Act on Cooperation for United Nations Peacekeeping Operations and Other Operations (Act No. 79 of June 19, 1992) [Electronic resource] // The Cabinet Office of Japan. URL: http://www.pko.go.jp/pko_j/data/law/pdf/law_e.pdf (accessed: 29.03.2019).

8. Could Japan go minesweeping in the Strait of Hormuz? [Electronic resource] // The Diplomat. 25.02.2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/02/could-japan-go-minesweeping-in-the-strait-of-hormuz/> (accessed: 29.08.2019).

9. Impact on Japan from Saudi-Iranian strife likely to be minimal; mediator role possible: experts [Electronic resource] // Japan Times. 06.01.2016. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/01/06/business/impact-japan-saudi-iranian-strife-likely-minimal-mediator-role-possible-experts/#.XMWCNi1ePow> (accessed: 29.08.2019).

10. *Inoguchi T.* Japan's foreign policy line after the Cold War // The troubled triangle: economic and security concerns for the United States, Japan, and China. Kodansha, 2013. P. 99–107.

11. Japan and Qatar agree to launch strategic ministerial talks [Electronic resource] // Japan Times. 29.01.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/29/national/politics-diplomacy/japan-qatar-agree-launch-strategic-ministerial-talks/> (accessed: 29.03.2019).

12. Japan stays quiet on suspected killing of Saudi journalist in effort to maintain ties [Electronic resource] // Japan Times. 19.10.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/19/national/politics-diplomacy/japan-stays-quiet-suspected-killing-saudi-journalist-effort-maintain-ties/> (accessed: 29.03.2019).

13. Japan's maritime security talks: part of a global effort [Electronic resource] // NATO. URL: <http://natoassociation.ca/japans-maritime-security-talks-part-of-a-global-effort/> (accessed: 29.03.2019).

14. Japan's Mizuho loses Saudi bond role in ongoing Gulf rift [Electronic resource] // Reuters. 18.04.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mizuho-qatar-saudi-arabia-exclusive/exclusive-japans-mizuho-loses-saudi-bond-role-in-ongoing-gulf-rift-idUSKBN1HP2AE> (accessed: 29.03.2019).

15. *Miyagi Y.* Japan's Middle East security policy: theory and cases [Electronic resource]. URL: <https://books.google.ru/books?id=IUuyuMEM94oC&dq> (accessed: 29.03.2019).

16. Over 35 countries to participate in Aman-17 naval exercise [Electronic resource] // Dawn News. 08.02.2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1313517> (accessed: 27.09.2019).

17. *Panda R.* Japan deepens Middle Eastern diplomacy — Analysis [Electronic resource]. URL: <https://www.eurasiareview.com/10012018-japan-deepens-middle-eastern-diplomacy-analysis/> (accessed: 29.03.2019).

18. Qatar and Japan agree to step up strategic alliance [Electronic resource] // Gulf Times. 29.01.2019. URL: <https://www.gulf-times.com/story/620649/Qatar-and-Japan-agree-to-step-up-strategic-alliance> (accessed: 23.03.2019).

19. Qatar crisis presents both threat and opportunity for Japan [Electronic resource] // Asia Nikkei. 19.07.2017. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Qatar-crisis-presents-both-threat-and-opportunity-for-Japan> (accessed: 29.03.2019).

20. Saudi crisis means Masa Son's first mega tech fund could be his last [Electronic resource] // CNN. 19.10.2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/10/19/tech/saudi-softbank-vision-fund/index.html> (accessed: 27.03.2019).

21. *Tsujigami N., Horinuki K.* Japan in the Gulf: Between Intra-bureaucratic Politics and Inter-Asian Rivalry // The Emerging Middle East-East Asia Nexus. Routledge, 2015. P. 85–93.

22. Yomiuri: Япония планирует самостоятельную миссию в Персидском заливе [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. 3.09.2019. <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/03/yomiuri-yaponiya-planiruet-samostoyatelnuyu-missiyu-v-persidskom-zalive> (дата обращения: 29.09.2019).

23. グローバルセキュリティ問題. 防衛省・自衛隊 (Вопросы глобальной безопасности) [Electronic resource] // Ministry of Defence of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/publ/w_paper/pdf/2017/DOJ2017_1-1-3_web.pdf (accessed: 01.10.2019).

24. 中東和平の現状 (Мирный процесс на Ближнем Востоке) [Electronic resource] // Japan Institute of International Affairs. URL: http://www2.jiia.or.jp/pdf/resarch/h22_chuto_wahei_2010/all.pdf (accessed: 27.03.2019).

25. 海上セキュリティの確. 防衛省・自衛隊 (Обеспечение морской безопасности) [Electronic resource] // Ministry of Defence of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/publ/w_paper/pdf/2017/DOJ2017_3-2-2_web.pdf (accessed: 01.10.2019).

26. 外交青書2018. 外務省 (Синяя книга дипломатии 2018) [Electronic resource] // Ministry for Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2018/html/index.html> (accessed: 15.09.2019).

27. 中東研究会概要 (Текущая ситуация на Ближнем Востоке и новый региональный порядок) [Electronic resource] // Japan Institute of International Affairs. URL: http://www2.jiia.or.jp/en/pdf/study_groups/2015/h27rj06.pdf (accessed: 20.03.2019).

28. 目論見 (Цели Фонда Сасакавы) [Electronic resource] // Sasakawa Middle East Islam Fund (SMEIF). URL: <https://www.spf.org/smeif/profile/guideline.html> (accessed: 29.03.2019).

Рукопись поступила в редакцию 16 октября 2019 г.

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КНР: ИНСТИТУТЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена изучению места и роли культуры во внешнеполитическом инструментарии КНР. Много внимания уделено теоретико-методологическим основам исследования и категориальному осмыслению феномена культурной дипломатии. Автор отмечает, что использование культуры в продвижении внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов государства имеет ряд преимуществ по сравнению с другими средствами. Показано, что обращение официального Пекина к теории и практике культурной дипломатии было обусловлено стремлением улучшить свой международный имидж в условиях роста военных и экономических показателей. В статье подчеркивается, что КНР имеет выстроенную систему организаций и учреждений, работающих в этом направлении. Автор приходит к выводу, что, несмотря на все свои успехи, Пекин сталкивается с рядом институциональных проблем в сфере культурной дипломатии.

Ключевые слова: КНР, внешняя политика, культурная дипломатия, Институт Конфуция, Китайский культурный центр.

В августе 2013 г. Шанхайская балетная труппа дебютировала в Лондоне с современным спектаклем по мотивам викторианского романа английской писательницы Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Присутствовавший на открытии мероприятия посол Китая в Лондоне поздравил танцоров, отметив, что их выступление «...показывает, что расширение и углубление культурных обменов между Китаем и Великобританией повысит наше взаимопонимание, уважение, доверие и дружбу». Со своей стороны тогдашний мэр Лондона Борис Джонсон приветствовал Шанхайский балет специальным посланием: «Тот факт, что у нас есть Шанхайская балетная труппа, исполняющая современный балет по роману одного из наших величайших писателей начала 19-го века, является фантастическим примером того, как мы становимся все ближе, поскольку мы разделяем лучшие элементы наших культур» [10].

Действительно, такие теплые слова являются желанными и необходимыми для официального Пекина, стремящегося улучшить имидж страны среди иностранной общественности на фоне существующих во многих западных странах озабоченности и подозрений, которые вызваны ростом экономических и военных возможностей Китая. Так, доля КНР в мировом ВВП растет: 1970 г. — 2,8 %, 2000 г. — 3,7 %, 2015 г. — 15 %, 2017 г. — 16,2 % [3]. Согласно Рейтингу стран по военной мощи (индекс Global Firepower) КНР уверенно занимает последние годы третье место, уступая только США и России [11].

Подъем Китая сопровождается растущей тревогой со стороны международного сообщества. Как показывают исследования международной исследовательской компании GlobeScan, которая проводила социологический опрос в период с декабря 2012 по апрель 2013 г., позитивное отношение к Китаю упало по всему

миру. В среднем положительное мнение о Китае в 21 стране отслеживания упало на восемь пунктов — до 42 %, в то время как отрицательное мнение достигло 39 % [17]. Современные исследования показывают аналогичные тенденции. По данным организации Pew Research, большинство опрошенных согласны с тем, что глобальная роль Китая выросла за последнее десятилетие, однако отсутствие энтузиазма в отношении китайского мирового лидерства сохраняется. Существует общее недоверие к председателю КНР Си Цзиньпину. Медиана в 34 % опрошенных стран говорит о доверии к Си, в то время как 56 % ему не доверяют. Самые сильные сторонники Си находятся на Филиппинах (58 %), в Кении, Нигерии и Тунисе (все 53 %), а также в России (50 %). Доверие к Си особенно низко в Европе: ему доверяют всего 9 % поляков и 11 % греков. Половина американцев не доверяют китайскому лидеру. Большинство респондентов (66 %) в 25 странах отмечают, что китайское правительство не уважает личные свободы своего народа. Опрошенные из европейских стран, как правило, особенно критичны: об этом говорит медиана 82 % в 10 странах ЕС. Япония демонстрирует более высокий уровень общего недовольства Китаем, что может быть связано с историческим и политическим напряжением в двусторонних отношениях [20].

В этих условиях Пекин осознает необходимость улучшения международного имиджа Китая. В качестве одного из ключевых инструментов распространения идей мирного развития и гармоничного сосуществования была выбрана культура. Преимущества программ культурной дипломатии многочисленны. Она закладывает основу для налаживания дружеских отношений и прочных связей между людьми разных национальностей. Культурная дипломатия способствует созданию «основы доверия» с другими народами. Политики могут опираться на это доверие для налаживания политического, экономического и военного сотрудничества. Расширение культурного взаимодействия с зарубежной общественностью (знакомство населения одной страны с культурой и образом жизни людей в других странах) позволяет стране оказывать положительное влияние на широкую общественность. Программы культурной дипломатии способны противостоять недоразумениям, невежеству и беспочвенной ненависти в отношении определенных стран. Они способствуют углублению знаний и исправлению стереотипов, подготавливая почву для более открытой среды для дипломатических и политических отношений [6, 105–107].

Хотя термин «культурная дипломатия» появился относительно недавно, свидетельства ее практики можно увидеть на протяжении всей истории. Исследователи, путешественники, торговцы, учителя и художники могут считаться живым примером неформальных послов или ранних культурных дипломатов. Их усилия по культурному обмену представляют собой ранние примеры культурной дипломатии. Цель культурной дипломатии состоит в том, чтобы люди иностранного государства понимали идеалы, нормы и ценности другой нации для обеспечения широкой поддержки ее экономических и политических целей. Культурная дипломатия определяется как обмен идеями, информацией, искусством и другими аспектами культуры между государствами и их народами в целях укрепления взаимопонимания.

Культурная дипломатия включает в себя деятельность, осуществляемую правительством для продвижения национальной культуры через вовлечение широкого круга деятелей культуры (художники, певцы, артисты) [5, 194]. Наиболее часто используемыми инструментами культурной дипломатии являются культурные фестивали, художественные выставки и языковая подготовка. Из-за схожести инструментов некоторые рассматривают культурную дипломатию как синоним публичной дипломатии. С нашей точки зрения, это не совсем верно, поскольку существуют примеры публичной дипломатии (например, информационное сопровождение внешней политики государства или брифинги для иностранных корреспондентов), которые не связаны с культурой государства. Публичная дипломатия включает в себя более широкий круг мероприятий, чем культурная. В этой связи культурная дипломатия может рассматриваться как одно из измерений или отраслей публичной дипломатии [7, 81].

Теория международных отношений имеет разные представления о культурной дипломатии.

С неореалистической точки зрения суверенные государства являются главными действующими лицами в международной политике. Государства действуют рационально и самостоятельно. Анархическая структура международной системы означает, что государства стремятся увеличить свое могущество. Их главная цель — безопасность, которая включает, наряду с военной безопасностью, поиск независимости и автономии [13, 18]. В этом контексте внешняя культурная политика позволяет государству приобретать или сохранять влияние в своей международной среде. Целью государства, проводящего внешнюю культурную политику, является оказание влияния на другие государства. Это ведет к выгодным экономическим отношениям, а также может помочь государству найти союзников в ходе международных переговорных процессов. Примером могут служить инвестиции в организации культурной политики в конкретных странах с целью получения союзников для других международных политических процессов.

Либеральные подходы постулируют, что во внешней политике государств доминируют интересы общества. Либеральные теории предполагают рациональных и эгоистичных акторов, стремящихся максимизировать свои собственные интересы, но, в отличие от неореализма, эти акторы являются не государствами, а отдельными лицами или группами лиц. Этот подход проводит различие между формальными политическими институтами и частными лицами [14]. Таким образом, либеральная концепция внешней культурной политики зависит как от политической административной системы, так и от частного сектора. Например, министерства, отвечающие за культуру, могут стремиться проводить политику языковых курсов, в то время как Министерство финансов может выступать против языковых курсов за рубежом, поскольку они являются дорогостоящими. Частные субъекты могут поддерживать языковую подготовку, поскольку она способствует доступу к иностранным рынкам и увеличению торговых потоков.

Конструктивистские подходы постулируют, что внешняя политика и поведение государства зависят от коллективной идентичности общества, формируемой признанными социальными нормами, включая общие ценности и ожидания [19].

Таким образом, с конструктивистской точки зрения внешняя культурная политика стремится отразить нормы и ценности общества и направляет поведение страны в проведении ее внешней культурной политики. Кроме того, международное право, общее право и политика международных организаций, а также решения, принимаемые на международных конференциях, могут определять внешнюю культурную политику конкретной страны.

Система институтов, отвечающих за реализацию культурной дипломатии, организована по-разному. Можно обозначить несколько моделей. Так, Франция является примером государства, в котором внешняя культурная политика находится под контролем правительства, которое осуществляет надзор за культурной дипломатией за рубежом через министерство или официальное учреждение. Другими словами, внешняя культурная политика Франции осуществляется государством как на концептуальном уровне, так и на уровне исполнения. Данная модель отражена в деятельности «Альянс Франсез», поскольку он управляется исключительно Министерством иностранных дел вместе с Министерством образования. Внешнеполитическое ведомство не только регулирует всю деятельность организации, но и определяет ее финансирование. Таким образом, государство является главным действующим лицом во всех вопросах, связанных с «Французским Альянсом».

В Великобритании правительство предоставляет некоторые финансовые ресурсы для проведения внешней культурной политики через внешнеполитическое ведомство, но реализация делегируется независимым учреждениям. Главной, если не единственной, организацией, представляющей страну в области культуры и образования за рубежом, является «Британский совет». Это общественная организация, работающая под патронажем Министерства иностранных дел Великобритании [9]. «Британский совет» получает до 40 % своего ежегодного финансирования от Министерства иностранных дел и по делам Содружества, но остальное поступает из частных источников, том числе и от собственных доходов «Совета» от обучения на языковых курсах или от пожертвований. Таким образом, «Британский совет» можно рассматривать как воплощение описанной выше либеральной точки зрения на культурную дипломатию.

Германия представляет собой смешанную систему. С одной стороны, государство сохраняет общий контроль над культурной дипломатией, а с другой, заключает контракты с агентствами на деятельность в сфере внешних сношений. Министерство иностранных дел имеет крупный и важный Департамент по культурным связям, отвечающий за все официальные мероприятия, такие как конвенции и отношения с межправительственными организациями, а также независимыми учреждениями, такими как Институт Гёте. Изначально Институт имени Гёте (Немецкий культурный центр имени Гёте) являлся учреждением культуры ФРГ. В 1976 г. Министерство иностранных дел ФРГ и Гёте-Институт подписали рамочный договор, в соответствии с которым Гёте-Институт получил статус независимого учреждения. Он выполняет задачи, которые поручены ему Министерством иностранных дел ФРГ в соответствии с рамочным договором. Хотя МИД регулирует внешнюю культурную политику Германии, внешнеполитическое

ведомство не отвечает за ее реализацию. Вместо этого он передает задачу посредникам, играя только роль дистрибьютора. Таким образом, немецкая культурная дипломатия действует в конструктивистской традиции.

В России организация культурной дипломатии похожа на французскую модель. Так, российские центры науки и культуры за рубежом являются представительствами Россотрудничества при МИД РФ. Второй институт, задействованный в популяризации русского языка и культуры за границей, — Фонд «Русский мир» со своими филиалами (Русские центры), который является некоммерческой правительственной организацией, так как его учредителями являются МИД РФ и Минобрнауки РФ, а сам он создан по указу Президента РФ.

В последующих рассуждениях, проанализировав институты культурной дипломатии КНР, сделаем вывод о модели организации системы популяризации китайского языка и культуры в целом.

Прежде всего необходимо выделить четыре основные цели современного Китая:

1. Пекин хочет, чтобы его считали страной, которая упорно трудится, чтобы дать своему народу лучшее будущее.

2. Китай заинтересован в том, чтобы его считали стабильным, надежным и ответственным экономическим партнером, растущей экономической силой, которой не нужно бояться.

3. Лидеры Китая хотят, чтобы страна рассматривалась как надежный и ответственный член международного сообщества, способный и готовый активно содействовать миру во всем мире.

4. Официальный Пекин хочет, чтобы его уважали как древнюю культуру с долгой историей [12, 93–94].

Исходя из названных целей и необходимости исправления негативных впечатлений, вызванных быстрым стратегическим подъемом, Китай приступил к энергичной культурной дипломатии, стратегии, используемой с древних времен для общения с остальным миром. Таким образом, культура стала третьим столпом китайской дипломатии после экономики и политики. Культурная дипломатия является важной стратегией для китайского руководства в деле улучшения международного имиджа страны и обеспечения стратегических дивидендов через «добродетельную» политику взаимодействия.

Министерство образования считается самым важным игроком в культурной дипломатии Китая. Оно организует международные образовательные обмены и сотрудничество, разрабатывает и курирует программы для китайских студентов, обучающихся за рубежом, и иностранных студентов, обучающихся в Китае, а также совместные образовательные программы китайских и зарубежных учебных заведений.

Важную роль в глобальном распространении китайского языка и культуры играют Институты Конфуция. Это сеть международных культурно-образовательных центров, создаваемых Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом Министерства образования КНР. Миссия Институтов Конфуция состоит в том, чтобы способствовать росту понимания Китая

и китайской культуры во всем мире, развивать дружеские взаимоотношения Китая с другими странами. Обучение в Институтах Конфуция будет ориентировано на специфику сотрудничества с Китаем. Задачи Институты:

- организация курсов китайского языка и культуры;
- проведение научных конференций, посвященных Китаю;
- популяризация языка и культуры Китая через различные конкурсы и мероприятия;
- проведение квалификационного теста по китайскому языку;
- подготовка и издание учебной литературы по китайскому языку;
- студенческие и преподавательские стажировки в Китае, консультации по обучению в КНР.

Первый институт Конфуция был открыт 21 ноября 2004 г. в столице Республики Корея Сеуле. Институт Конфуция РГГУ открылся 4 сентября 2007 г. и стал первым Институтом Конфуция в Москве.

Институты Конфуция являются некоммерческими образовательными организациями, содействующими преподаванию китайского языка за пределами Китая, подготовке преподавателей иностранных языков и укреплению культурного обмена и сотрудничества между Китаем и другими странами.

Управляет Институтами Конфуция Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом, известная как Ханьбань, Министерства образования КНР. Ханьбань берет на себя обязательства оказать финансовую и материальную поддержку создаваемым Институтам Конфуция.

Институты Конфуция обращаются к аудитории, которая обычно не имеет специальных знаний о Китае. Программы состоят в основном из языковых курсов различного уровня и широкого спектра культурных мероприятий, таких как выставки, кинопоказы и беседы.

Министерство также отвечает за четыре дочерние организации, осуществляющие международное сотрудничество и обмены. Это Китайская ассоциация образования для международного обмена, Китайский сервисный центр для академического обмена, Китайский стипендиальный совет. По данным Китайской ассоциации высшего образования, в 2008 г. количество иностранных студентов, обучающихся в Китае, составило 223 499 человек [1]. В марте 2015 г. Министерство образования КНР опубликовало официальную статистику, по которой всего в КНР обучалось 377 054 иностранных студента [8]. В 2017 г. в Китае обучалось 489,2 тыс. студентов из других государств [2].

Вторым министерством, участвующим в культурной дипломатии Китая, является Министерство культуры (Вэньхуа бу). Оно организует ряд крупномасштабных культурных проектов, прежде всего Годы культуры Китая за рубежом. Проект «Год культуры» представляет собой серию программ культурного обмена между Китаем и зарубежными странами и включает в себя художественные выставки, спортивные мероприятия, показы мод, концерты и аналогичные мероприятия. Годы культуры Китая, включая концерты традиционной китайской оперы, балета и национального оркестра, прошли во Франции (2004), России (2007), Италии (2010), Германии (2012).

Министерство культуры управляет китайскими культурными центрами за рубежом. Первые культурные центры были созданы на Маврикии и в Бенине в 1988 г. В настоящее время существует более 20 центров, пропагандирующих китайский язык и культуру во всем мире. Китайские культурные центры предоставляют информационные услуги и учебные программы, а также организуют различные образовательные и культурные мероприятия, в частности, лекции по Китаю.

Китайский культурный центр является некоммерческой правительственной организацией. Он содействует расширению двусторонних культурных, образовательных, научно-технических, экономических и других связей, усилению взаимопонимания и дружбы между китайским и российским народами. Китайский культурный центр регулярно проводит различные культурные мероприятия — выставки, лекции, кинопоказы, концерты, а также разнообразные курсы, так что каждый, кто интересуется китайской культурой, найдет здесь развлечения по вкусу [4].

При всех своих достижениях культурная дипломатия Китая сталкивается с текущими проблемами. Эти дипломатические усилия осуществляются сложной сетью действующих лиц, включая Министерство культуры, Министерство образования и Департамент рекламы Коммунистической партии, что может затруднять координацию политики.

В США временами появляются обвинения в адрес Институтов Конфуция в продвижении не столько китайской культуры, сколько политических интересов и государственной политики КНР. Так, Рашель Петерсон в своем докладе «Институты Конфуция: троянские кони китайского пошива» для Комитета по иностранным делам американского парламента написал, что Институты Конфуция подрывают академическую свободу вузов, занимаются промышленным и военным шпионажем, следят за китайскими студентами за рубежом и стремятся продвинуть позицию китайской компартии по вопросам Далай-ламы и Тибета, независимости Тайваня, демократических движений за рубежом и диссидентства внутри Китая» [15, 16]. Некоторые темы внутренней политики КНР являются запретными и не рассматриваются на занятиях. В качестве примера можно привести такую чувствительную для официального Пекина тему, как подавление протестного движения на Тяньаньмэнь в 1989 г.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Экономический рост КНР стал главным источником ее привлекательности в развивающихся странах, а также источником беспокойства в западных государствах. Для противодействия тезису о китайской угрозе Пекин стремится улучшить положительный имидж с помощью своей культуры, поскольку у него есть огромный потенциал в этой области. Культурная дипломатия является ключевым инструментом современной внешней политики Пекина, который призван укрепить межгосударственные отношения с другими государствами и расширить знания международного сообщества о Китае.

1. В Китае растет число иностранных студентов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.optim-consult.com/press-center/releases/42> (дата обращения: 01.10.2019).
2. В 2020 году число иностранных студентов в Китае превысит 500 тысяч [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trend.az/world/china/2986086.html> (дата обращения: 01.10.2019).
3. Доля стран в мировом ВВП [Электронный ресурс]. URL: <http://chius.ru/gdp86.pdf> (дата обращения: 01.10.2019).
4. Китайский культурный центр в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moscowccs.ru/about> (дата обращения: 01.10.2019).
5. *Мухаметов Р. С.* Культура как инструмент внешней политики России // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 86, № 1. С. 193–198.
6. *Мухаметов Р. С.* Культурная дипломатия России // Дискурс-Пи : науч.-практ. альм. 2010. № 1–2. С. 105–107.
7. *Мухаметов Р. С.* Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Глобальная и региональная безопасность в XXI веке : материалы науч. конф. / отв. ред. В. И. Михайленко. Екатеринбург, 2014. С. 80–85.
8. Стратегия Китая по привлечению иностранных студентов [Электронный ресурс]. URL: https://akvobr.ru/strategiya_kitaya_po_privlecheniu_inostrannih_studentsov.html (дата обращения: 01.10.2019).
9. Чем занимался Британский совет и почему его закрыли в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43442807> (дата обращения: 01.10.2019).
10. *Beck A.* The Shanghai Ballet: A Model for Chinese Cultural Diplomacy? [Electronic resource]. URL: <https://thedi diplomat.com/2013/08/the-shanghai-ballet-a-model-for-chinese-cultural-diplomacy/> (accessed: 01.10.2019).
11. China Military Strength [Electronic resource]. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strengthdetail.asp?country_id=china#overview (accessed: 01.10.2019).
12. *d'Hooghe I.* Public Diplomacy in the People's Republic of China // The new public diplomacy: soft power in international relations / edite dy Jan Melissen. Basingstoke, UK : Palgrave Macmillan, 2005. P. 93–94.
13. *Mearsheimer J.* The Tragedy of Great Power Politics. N. Y.: W. W. Norton, 2001 [Electronic resource]. URL: <https://samuelbhfauredotcom.files.wordpress.com/2015/10/s2-mearsheimer-2001.pdf> (accessed: 01.10.2019).
14. *Moravcsik A.* Taking preferences seriously: A liberal theory of international politics // International Organization. 1997. Vol. 51, № 4. P. 513–553 [Electronic resource]. URL: <https://www.princeton.edu/~amoravcs/library/preferences.pdf> (accessed: 01.10.2019).
15. *Peterson R.* Confucius Institutes on Campus: A New Threat to Academic Freedom // Academic Questions. 2017. Vol. 30, Iss. 3. P. 327–334 [Electronic resource]. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs12129-017-9649-1.pdf> (accessed: 01.10.2019).
16. *Peterson R.* Outsourced to China. Confucius Institutes and Soft Power in American Higher Education. A report by the National Association of Scholars. April 2017 [Electronic resource]. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED580866.pdf> (accessed: 01.10.2019).
17. Views of China and India Slide While UK's Ratings Climb [Electronic resource]. URL: <https://globescan.com/views-of-china-and-india-slide-while-uks-ratings-climb/> (accessed: 01.10.2019).
18. *Waltz K.* Theory of International Politics. 1979 [Electronic resource]. URL: <http://en.bookfi.net/book/826230> (accessed: 01.10.2019).
19. *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999 [Electronic resource]. URL: <http://www.guillaumenicaise.com/wp-content/uploads/2013/10/Wendt-Social-Theory-of-International-Politics.pdf> (accessed: 01.10.2019).
20. 5 charts on global views of China [Electronic resource]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/10/19/5-charts-on-global-views-of-china/> (accessed: 01.10.2019).

УДК 327(470:510) + 341.232.7

Д. А. Кучумова
К. Г. Муратшина

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ОЦЕНКЕ КИТАЙСКИМИ ПОЛИТОЛОГАМИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РФ И КНР*

Статья посвящена изучению оценок современными китайскими политологами взаимоотношений РФ и КНР, внешней и внутренней политики России. На фоне большого числа публикаций о российско-китайских отношениях, а также ожиданий от них в российских политических кругах в отечественных международных исследованиях до сих пор недостаточно внимания уделяется изучению реального восприятия России экспертным сообществом КНР. В данной статье проанализирован ряд актуальных публикаций китайских авторов, что может быть полезным для того, чтобы максимально объективно взглянуть на перспективы выстраивания Россией дальнейших отношений с китайским партнером.

Ключевые слова: РФ, КНР, россиеведение, сотрудничество, соперничество.

Изучение взаимоотношений государств в современном мире, с его развитием информационных технологий, повышением представительства различных сетевых сообществ в процессах принятия решений и ростом контактов между народами, невозможно без тщательного анализа взаимного восприятия, учета имиджа сторон и различных измерений стратегических планов в отношении друг друга. Анализ точек зрения, направлений исследований и принципов функционирования зарубежных экспертных сообществ сегодня стал одним из трендов международных исследований. Развивается данное направление и в изучении внешней политики Китайской Народной Республики. Известны, например, работы Ю. М. Галеновича [12–15], Е. Н. Румянцева [47], А. Д. Воскресенского [7], И. Е. Денисова [23], Е. Н. Грачикова [18, 19], Е. В. Колдуновой [35], Я. В. Лексютинной [39], Н. А. Абрамовой и Т. Н. Кучинской [1, 27, 28], М. Ю. Коростикова [37], А. Т. Габуева [10] и других авторов.

Как правило, лишь малая часть современной китайской научной литературы по внешней политике публикуется в открытом доступе в Интернете, еще меньше переводится на русский и английский языки; многое становится доступным лишь непосредственно из внутренних печатных изданий в КНР. В данном исследовании на основании анализа ряда актуальных статей, опубликованных в китайских изданиях в 2015–2019 гг., будут рассмотрены некоторые оценки, высказываемые китайскими политологами в отношении России, ее внешней и внутренней политики, а также российско-китайских отношений. Цель такого анализа — постараться выделить особенности в подходах экспертного сообщества КНР, выходящие за рамки официальной дежурной риторики, посвященной

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00236.

межгосударственному взаимодействию, и понять, как Россия воспринимается в китайском политологическом сообществе сегодня: как равный, сильный и важный партнер, как ведомый и слабый партнер или как конкурент в борьбе за региональное и мировое лидерство.

Начать стоит с того, что практически все рассмотренные авторы характеризуют отношения между РФ и КНР как стратегическое, экономическое и торговое партнерство. При этом особо отмечается, что Китай является для России крупнейшим экономическим партнером [55, 56, 14]. Отношения называются «добрососедскими и взаимовыгодными» [56, 12], хотя встречается характеристика «горячо в политике, холодно в экономике» [55] (или «масштабы торговли между двумя странами сильно отстают от существующего уровня политических отношений» [63, 105]). Видимо, имеющихся масштабов вывоза природных ресурсов из России и ввоза в нее китайского ширпотреба авторам из КНР кажется мало. Отмечается, что Россия для Китая — «3 года подряд первый поставщик нефти» [55], «поставщик энергоресурсов» [61, 2] и что «сотрудничество в энергетической сфере носит стратегический характер» [65, 219]. Энергетическая сфера во взаимодействии для Китая действительно важна: стоит напомнить, что, помимо покрытия собственных потребностей за счет российских энергоресурсов, точная стоимость сделок по которым российскими госкорпорациями не разглашается (порождая почву для предположений об их более низкой цене по сравнению с рыночной), Китай на фоне масштабного импорта энергоресурсов из России и других стран наладил неплохой собственный бизнес на этом: он реэкспортирует (!) сжиженный природный газ, получая от этого дополнительный доход [30]. Какова при этом разница в цене покупки и перепродажи — неизвестно, но в ущерб для себя китайские энергетические корпорации вряд ли стали бы работать.

Также Россия называется китайскими политологами одним из важных участников инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) [61, 3; 60, 33], подчеркиваются в том числе ее усилия по координации сотрудничества евразийских государств в борьбе с терроризмом [53, 137]. Отмечается и то, что, «откликнувшись» на проект ОПОП, РФ «пытается интегрироваться в новую экономическую систему» [61, 6]. Данный тезис можно интерпретировать так: готовность РФ участвовать в ОПОП расценивается как согласие на вхождение в китайский проект в положении ведомого партнера, готового играть по чужим правилам. Хотя, заметим, сама РФ имеет конкурентоспособные интеграционные проекты в плане евразийской интеграции и может и, скорее всего, будет и далее развивать их.

Наконец, китайские авторы называют нашу страну «хорошим соседом» [55] и важной чертой отношений называют «взаимодополняемость» российской и китайской экономик (то есть неравноценную схему переработки российских природных ресурсов китайской промышленностью и китайскими рабочими руками и консервацию такого положения дел) [56, 14; 57, 103]. Аналогичная «взаимодополняемость», по мнению китайских специалистов, существует у КНР со всем Евразийским экономическим союзом [53, 139].

Еще одна спорная оценка гласит, что Россия и Китай «поддерживают друг друга во всех основных вопросах». В подтверждение данного тезиса бывший

дипломат и крупный эксперт-россиевед Чжао Минвэнь приводит в качестве примеров российской поддержки Китая информацию о том, что «российские СМИ и элиты» в целом считают «абсолютно логичным» внутривластный курс Си Цзиньпина на концентрацию личной власти, а также о том, как «министр иностранных дел РФ С. В. Лавров заявил, что задержание в Канаде топ-менеджера китайской компании “Huawei” является еще одним примером великодержавной политики США». Примером поддержки России со стороны Китая исследователем называется то, как «в контексте “дела Скрипалей” Китай призвал отказаться от менталитета холодной войны и соблюдать нормы международного права и призвал обе стороны к конструктивному диалогу» [63, 100].

С постулатами данных утверждений можно поспорить: так, ведущими российскими китаеоведами внутривластные шаги Си Цзиньпина по тотальной концентрации власти оцениваются объективно критически [24, 22, 7, 8, 9, 11], а приведенный китайским экспертом пример абстрактных суждений МИД КНР по «делу Скрипалей» трудно назвать поддержкой, в отличие от примера с С. В. Лавровым. Более того, мы можем вспомнить случаи, когда Россия на международной арене не получила от КНР поддержки, хотя очень в ней нуждалась: например, в 2014 г. Китай воздержался при голосовании в Совете Безопасности ООН по резолюции с осуждением референдума в Крыму, и Россия стала единственным государством, применившим право вето [40]. Такая же картина повторилась и при голосовании в 2015 г. по резолюции о создании международного уголовного трибунала по результатам расследования авиакатастрофы малайзийского «Боинга», сбитого над Донецкой областью. Тот документ носил крайне запутанный характер, выглядел дипломатической ловушкой и был метко охарактеризован российским представителем в ООН В. И. Чуркиным как «кот в мешке» [45].

Особым в некотором роде манифестом китайского понимания характера взаимоотношений с Россией можно назвать статью Ван Хайюня — одного из самых влиятельных китайских стратегов, экспертов-россиеведов, бывшего военного атташе посольства КНР в нашей стране, старшего советника Китайского института международных стратегических исследований. Название статьи говорит само за себя: «Вместе, но не союзники: реалистичный выбор в китайско-российских отношениях» [54]. Ван Хайюнь считает вынесенный в заголовок статьи принцип отсутствия союза очень важным в двусторонних отношениях, прослеживает его воплощение в совместных документах и отмечает, что такой характер отношений отнюдь не мешает поддерживать «взаимное доверие, поддержку и всеобъемлющее сотрудничество», «взаимовыгодные отношения и общие обязательства».

Что же касается варианта военного союза, то он, по Ван Хайюню, не нужен ни в коем случае, потому что «может спровоцировать жесткую конфронтацию с США и даже новую холодную войну», тогда как Китай в этом не заинтересован и «стремится к созданию всемирной сети сотрудничества». Нельзя ни в коем случае превратить в военный союз и Шанхайскую организацию сотрудничества: «может произойти отклонение от заданного курса в работе организации или даже раскол» [Там же, 10]. При этом, однако, по его мнению, «самые крупные соседи

в плане стратегий должны ориентироваться друг на друга» [54, 7]. Хочется спросить бывшего военного атташе: кому государства «должны» и почему им нужно ориентироваться не на собственные национальные интересы, а на чужую стратегию? Но он продолжает: «Задача Китая — стать великой державой на море и на суше. Для этого ему нужно построить стабильные отношения на суше. И Россия здесь незаменима как государство с самой протяженной общей границей» [Там же]. В переводе на русский язык: Китай, следуя своим интересам и не идя на чрезмерное с его точки зрения сближение с Россией, будет использовать ее как подспорье в своем развитии и увеличении своей мощи и влияния в мире.

В международных аспектах Россия, по логике Ван Хайюня, тоже должна идти в фарватере КНР: «Необходимо создать такой справедливый мировой порядок, который бы отвечал нуждам всех развивающихся, а не только развитых государств. Россия и Китай в ООН должны стремиться к таким изменениям». Также «оба государства должны объединиться против гегемонии США в мире» [Там же, 8]. Опять же остаются вопросы: какой мировой порядок считать «справедливым» и почему Россия обязательно должна входить в конфронтацию с США, усугубляя свою собственную изоляцию? И Россия, и Китай, настаивает Ван Хайюнь, рассматриваются западными державами во главе с США как «чужаки» в нынешнем мировом порядке и «основные стратегические противники, которых необходимо подавить». На что хочется возразить, что здесь явно сгущаются краски, учитывая, с одной стороны, то, как Китай встроился в этот миропорядок, заключив сделки со всеми ведущими мировыми ТНК и став настолько удобным для США и ЕС, что те поддержали его заявку на вступление в ВТО, а с другой — то, как Россия тоже продолжает развивать свое взаимодействие, в том числе эффективное экономическое сотрудничество, со странами Запада и сохраняет готовность к переговорам по всем спорным вопросам. Ее западные партнеры также отнюдь не закрыты от диалога: это было, например, многократно продемонстрировано президентом США Д. Трампом, в том числе таким знаковым шагом, как предложение вновь принять Россию в G7.

Далее, считает китайский автор, «необходимо поставить более высокую цель в двусторонних отношениях»: «Новая модель отношений будет предполагать отказ от конфликтов и конфронтации, взаимное уважение, взаимовыгодное сотрудничество и добрососедство» [Там же, 12]. Последнее выглядит чистой воды утопией, потому что отношения без учета различия подходов к решению сложных вопросов, проблем, столкновения мнений, точек зрения, отстаивания национальных интересов невозможны, и это подтверждается практикой более чем 20-летнего партнерства РФ и КНР; в противном случае будет полное подчинение одного партнера другому в ущерб национальным интересам первого. «В Китае, — продолжает Ван Хайюнь, — люди иногда пытаются вызвать негатив по отношению к России, обращаясь к истории. А в России некоторые люди считают Китай реальной угрозой России», «необходимо менять общественное мнение в обеих странах» [Там же, 13]. Однако если по поводу общественного мнения в своем государстве генерал-майор Ван волен высказывать любые предложения, то процессы формирования общественного мнения в России — это внутреннее дело российского общества

и суверенной страны. Здесь стоит напомнить о таких понятных для всего мира, кроме, видимо, некоторых государств, ценностях, как суверенитет, демократия, свобода выбора, независимость оценок и плюрализм мнений.

«В России, — сетует Ван Хайюнь далее, — все еще не могут адаптироваться к столь быстрому росту Китая» [54, 13]. Но с большой долей вероятности можно предположить, что любое государство будет с пристальным вниманием воспринимать соседа, постоянно наращивающего военную и экономическую мощь. Кроме того, хочется спросить генерал-майора и бывшего военного атташе, что означает провисевший не один год в китайских интернет-блогах план захватнических войн Китая против соседних государств — России, Индии, Японии, Монголии и Вьетнама [52].

«Часть китайцев, — продолжает он, — не доверяют России, “брезгают и ненавидят”. И эти чувства не исчезнут еще очень долго» [Там же]. Но какой же взаимности, уважения и доверия ждут тогда для себя упомянутые китайцы? Не факт, правда, что и ждут, ведь, как признает автор статьи далее, «в китайских правительственных кругах и среди экспертов по международным вопросам идея о том, что “отношения с Соединенными Штатами превыше всего”, до сих пор более популярна» [Там же].

Наконец, приоритетом в двустороннем несоюзном сотрудничестве Ван Хайюнь видит (что парадоксально) связи в военной сфере: «Надо, чтобы государства установили особые дружественные отношения, *повысили прозрачность в военной сфере и стратегических планах* (курсив наш. — Д. К., К. М.), укрепили сотрудничество в области противоракетной обороны, космических и сетевых технологий и обменялись опытом в теории ведения войн, проводили больше совместных военных учений, которые должны помогать справляться с провокациями других стран» [54, 14]. В переводе на русский язык это означает предложение к России, чтобы она поделилась военными технологиями и «повысила прозрачность в военной сфере», то есть чтобы допустила Китай к тому, над чем работают российские специалисты ОПК, открыла и показала на практике все принципы и технологии функционирования разных подразделений своих вооруженных сил, в том числе в ходе совместных учений, при этом заведомо зная китайскую позицию относительно того, что двусторонние связи не союз, а временное сотрудничество без обязательств и в любой момент полученная контрагентом информация может быть обращена против Москвы.

О важности военно-технического сотрудничества пишут и другие китайские авторы [61, 5; 63, 101].

Другие приоритеты, которые выделяют китайскими специалистами в двусторонних отношениях между РФ и КНР, включают следующее: связи в области энергетики («энергетическое сотрудничество — это основа партнерства для Китая и России» [57, 102]), сотрудничество в сфере финансов, сотрудничество в международных организациях и форумах (ООН, ШОС, БРИКС, G20, АТЭС и Восточноазиатский саммит), культурные обмены [63, 102]. Примечательно, что, говоря об энергетическом сотрудничестве, китайская сторона внедряет в пропаганду миф о том, что якобы это не Китай нуждается в российском газе, а «у России

есть потребность его экспортировать» [38], то есть фактически переворачивает ситуацию с ног на голову.

В качестве приоритетных отраслей в дальнейшем развитии партнерства называются торговля услугами, сотрудничество в сельскохозяйственной сфере, научно-техническое сотрудничество [57, 104], трансграничная электронная торговля [63, 101]. Надо отметить, что эти направления взаимодействия уже прочувствовали на себе миллионы российских граждан: сотни гектаров сельскохозяйственных земель, отравленных пестицидами и нелегально ввезенными удобрениями с запрещенными веществами, используемыми в китайских теплицах; тонны выращенных в них овощей, опасных для здоровья [21, 32, 43, 49]; некачественный и опасный продовольственный импорт из Китая [3, 4, 6, 25, 26, 33, 42, 48]; задержанные на таможне посылки из китайских интернет-магазинов с наркотиками, оружием и опять же опасными для здоровья, не сертифицированными бытовыми товарами [2, 5, 20, 36, 41], а также низкосортные (что признает даже сама китайская сторона [38]) китайские товары в магазинах, особенно в приграничных дальневосточных регионах РФ, где этот ширпотреб уничтожил аналогичные российские производства. Стоит напомнить и о рисках «научно-технического сотрудничества»: в 2000-х гг. Китай сумел нелегально скопировать технологии самых разных видов российской техники, в том числе новейших на тот момент истребителей [29, 44, 46], а уж скандалы с воровством китайской стороной технологий стран Запада, Японии и Южной Кореи и вовсе неисчислимы.

Приоритетными для китайских стратегов в отношениях с Россией выглядят и «совместное освоение» Арктики [55] (налицо явная заинтересованность в ее природных богатствах и ни на чем не основанная уверенность в допустимости такого «совместного освоения»); и развитие участия России в инициативе «Один пояс, один путь», в том числе в так называемом сегменте «Ледовый шелковый путь» [56, 14]. В последнем случае мы видим подмену понятий: приписывание Северного морского пути — к Великому шелковому, что может заставить читателя подумать, что Китай будто бы мог уже использовать этот морской маршрут ранее в истории или, по крайней мере, сейчас он считает его своим. И никого не смущает, что Северный морской путь — это собственность России с незапамятных времен, это практически торговая марка, бренд, а Шелковый путь здесь вообще ни при чем.

Еще один приоритет — сотрудничество в строительстве инфраструктуры [61, 2; 63, 98]. Однако в данном случае отнюдь не стоит радоваться желанию китайских партнеров развивать этот сегмент взаимодействия, поскольку очевидно, что кто инфраструктуру строит и/или финансирует строительство — тот ее потом и может контролировать, а это уже сфера критической важности и, ни много ни мало, госбезопасности.

Наконец, важными в сотрудничестве называются стремление к «многополярному миру», борьба с экстремизмом и терроризмом и противодействие «американскому гегемонизму» [54, 14]. Последнее может означать завуалированное желание сталкивать в противодействии Россию с США, тогда как Китай будет наблюдать за их конфронтацией со стороны.

Какие проблемы китайские авторы видят в двусторонних отношениях? Главной проблемой им представляется соперничество РФ и КНР на постсоветском пространстве: «Регионы Центральной Азии и Восточной Европы исторически тесно связаны с Россией. Поэтому их геополитические стратегии тоже связаны, что может ограничивать китайские инфраструктурные проекты в этих регионах» [61, 4]; «политика России в Центральной Азии несет в себе [для отношений с КНР] скрытые ограничения и преграды» [Там же]; «Северо-Восточная Азия и Центральная Азия — это регионы, где основные интересы двух стран сильно пересекаются» [54, 6]; «в Центральной Азии Россия проводит политику самозащиты» [60, 26]; «СНГ для России — зона особого интереса, а для Китая — важный район для строительства “Пояса и пути”» [53, 131]; «страны Центральной Азии в принципе не хотят полностью зависеть от России. Сейчас они балансируют ее Китаем, не было бы Китая — балансировали бы кем-то другим» [37]; «Россия использует концепцию “близкого соседства” для стран бывшего СССР не только в географическом плане, но и в культурном и психологическом» [65, 210]; «Россия активизировала свои усилия по восстановлению утраченных позиций в Центральной Азии» [Там же, 215]; «Россия вмешивается во внутренние дела Туркменистана, Грузии, Кыргызстана» [66, 240].

Негативно реагируют политологи из КНР и на активизацию связей России со всеми странами Азиатско-Тихоокеанского региона, то есть на нормальное проявление многовекторности внешней политики нашей страны: «То, что Россия пытается активизировать все региональные центры силы, может сдерживать интересы Китая» [Там же, 231]. Есть, по их мнению, разногласия и в ШОС: «Основной источник противоречий — это китайский принцип свободной торговли и сохраняющаяся российская идея о сферах влияния. С момента возникновения ШОС Китай продвигает идею о создании механизма свободной торговли в организации, но все подобные инициативы встречают отпор со стороны России» [Там же, 231–232]. Эту точку зрения можно расшифровать так: китайской стороне хотелось бы, чтобы все страны ШОС, поставив крест на собственных экономических интересах, полностью открыли рынки для китайской продукции, и когда Россия, как один из основателей ШОС, логичным образом возражает против этого — возникает конфликт интересов. Кроме того, нельзя не напомнить, что ШОС изначально создавалась совсем с другими целями, актуальными и сегодня, — для координации сотрудничества стран-участниц в области безопасности.

Отдельная тема — пристальное наблюдение за военным строительством в РФ. Подробно изучаются, например, новейшие виды вооружения, выпущенные в России, военное строительство в Черноморском регионе, меры, предпринятые российской стороной в ответ на усиление НАТО [58, 149], система военных баз за рубежом [65, 211], рост капиталовложений в оборонный бюджет и развитие взаимодействия с союзниками по организации Договора о коллективной безопасности [53, 132]. «С точки зрения военной стратегии, — заключает один из китайских авторов, — усиление России может иметь негативные последствия» [61, 1].

Наконец, многие авторы считают, что между двумя странами, несмотря на весь масштаб их сотрудничества, существует недостаток доверия [63, 107; 54, 13; 57, 103;

66, 232], и особенно озадачены тем, что процентная доля «хорошо относящихся к Китаю» людей в российском обществе «снижается» [63, 105], хотя и не задумываются о том, каковы могут быть реальные причины такого явления. Есть и те, кто, продолжая националистическую и милитаристскую риторику времен Мао Цзэдуна, делают в своих работах абсолютно безосновательные, голословные и откровенно разжигающие международную рознь заявления о территориальных притязаниях КНР к России [54, 12–13; 66, 242], жалуются, что «соседей не выбирают» [54, 6]; пишут об исторических «обидах» [Там же, 12–13] (хотя «обида» — это термин скорее из лексикона детских песочниц, чем из словаря региональных держав, которые уважали бы самих себя и своих соседей), а также обвиняют стратегического партнера в оставшемся от «имперской России и Советского Союза» «стремлении к доминированию» [Там же, 12] и «имперском мышлении» [Там же], не задумываясь, а не имперское ли оно у самого Китая.

Говоря о других проблемах в двусторонних отношениях, китайские политологи отмечают, что «вести бизнес в России нелегко», приводится статистика, говорящая о том, что «уровень коррупции и экономических преступлений в России высок» [63, 106]. Также подчеркивается «очень разный менталитет» россиян и китайцев [38]. Представляет интерес и другой тезис: «Ни одна из сторон не может удовлетворить потребности другой в импорте». Он развивается так: «Китай не может полностью заменить Европу в сфере модернизации, финансов и инвестиций в России. Чтобы избежать рисков, коммерческие банки Китая часто отказываются предоставлять финансовые услуги тем лицам, которые попадают под санкции США. Аналогичным образом, хотя Россия надеется расширить свои поставки сельскохозяйственной продукции в Китай, она не сможет в краткосрочной перспективе покрыть огромный дефицит в импорте КНР сельскохозяйственной продукции из США». «Посол России в Китае А. Денисов признал, — добавляет один из политологов, — что сегодня в России нет таких товаров, за счет которых можно увеличить поставки в Китай, и двусторонняя торговля не сможет стать толчком к развитию. Ситуация, в которой материальная база отношений между двумя странами отстает от уровня политического взаимодействия, изменится еще не скоро» [63, 108].

Такая позиция говорит о предельно реалистичном восприятии сотрудничества с Россией, отсутствии завышенных ожиданий и готовности к замене партнерства с РФ в тех или иных сферах на другие внешнеполитические приоритеты. Хотя очень хотелось бы задать китайским авторам вопрос: кто содействовал рождению в Китае космической отрасли? Кто сегодня поставляет туда уникальные системы вооружений? И еще о «толчках к развитию»: Россия, по большому счету, имеет такой потенциал, что в случае необходимости вообще может обойтись без китайских товаров, тогда как Китаю очень сложно отказаться от российских нефти, газа, продукции лесной промышленности, качественного продовольствия и т. д.

Как характеризуются факторы сотрудничества двух стран? Главным выступает международная обстановка: «В мире сейчас происходят грандиозные трансформации, и Китай и Россия находятся на новом этапе отношений» [55]; много говорится о «торговой войне», развязанной против Китая Соединенными

Штатами Америки [55–57, 63]. Мотивация Китая в отношениях с Россией, как и с любой другой страной, хорошо объясняется приводимой одним из авторов цитатой Си Цзиньпина: «Мы стремимся создать круг друзей» [56, 12]. В этом плане какой-то уникальности отношений с Россией явно не просматривается, ведь «круг друзей» — понятие широкое и может быть отнесено к любым государствам и группам государств в любой точке земного шара. Отмечается также, что оба государства стремятся к многополярности мира [65], а также сталкиваются со схожими угрозами безопасности: войной в Афганистане, ростом исламского экстремизма, ядерной программой Северной Кореи, «угрозой» от американской ПРО и «японскими правыми силами, возрождающими милитаризм» [54, 7]. Правда, исследователями явно забывается то, как Китай сам способствовал укреплению северокорейского режима, оказывая КНДР экономическую и военно-техническую поддержку [17, 34, 50].

Кроме того, относительно многополярности в китайской политологии встречается и собственное домысливание того, как ее понимает Россия. «Многополярность — это просто мягкий речевой оборот для идеи антиамериканизма, и с таким подходом Россия не сможет решить стоящие перед ней проблемы» [65, 208], — пишет Ян Юйцай из Академии национальной обороны КНР и далее рассуждает о разнице «российской» «концепции многополярного мира» и китайской «концепции гармоничного мира» [66, 229–230]. При всем уважении к развитию философии международных отношений в КНР создается впечатление, что китайский автор просто пытается найти противоречия между Россией и Китаем в той редкой сфере взаимодействия, где, казалось бы, их нет, и можно, наоборот, говорить о сходстве позиций.

Заметны попытки китайских политологов подвести двустороннее сотрудничество под знамена глобальной безопасности: «На современном этапе ситуация в мире крайне нестабильна. Россия и Китай стали государствами, которые имеют большое влияние в мире, они ответственны за шаги, которые предпринимаются в деле сохранения мира и безопасности... Россия и Китай должны совместно принимать важные решения в условиях глобализации» [56, 13]; «В условиях нестабильности в мировой политике два государства взяли на себя обязательства по поддержанию мира» [61, 5]. Последняя фраза вызывает особенно много вопросов: если об «обязательствах по поддержанию мира», которые действительно взяла на себя Россия, в частности на Ближнем Востоке, известно всем, то что же такого примечательного, ответственного и важного «взял на себя» Китай — большая загадка.

Признается китайскими авторами и негативное влияние международной обстановки на двусторонние отношения: так, например, Ли Цзяньминь из Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР отмечает, что санкции Запада «внесли ряд изменений» в российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество, а США в российско-китайских отношениях «стали новым фактором», который «необходимо учитывать». Фактор санкций, продолжает он, создал в двустороннем взаимодействии «атмосферу неопределенности» [57, 89]. О «неопределенности» в экономической сфере

российско-китайских отношений пишет и Чжао Минвэнь [63, 106]. Вероятно, имеется в виду неготовность КНР развивать чересчур активные связи с государством, находящимся под санкциями. И хотя китайскими авторами утверждается, что «Китай оказал мощную поддержку России в условиях западных санкций» [57, 101], факты говорят о другом: в 2018 г. глава представительства Центробанка России в Китае заявил, что «коммерческие банки КНР» уже «ссылаются на санкции стран ЕС и США в качестве причины отказа в обслуживании платежей клиентов российских банков» [31].

Тему санкций и конфронтации с Западом подробно развивают Сюй Циньхуа (Институт исследований России, стран Восточной Европы и Центральной Азии) и Ши Иньхун (Китайский народный университет), называя Россию «одним из наиболее значимых стратегических и дипломатических партнеров Китая, который может помочь увеличить геостратегическую мощь Китая, но также может и ухудшить отношения между Китаем и Европой, привести к разногласиям в Центральной Азии и Восточной Европе. Так, Китай рискует быть втянутым в серьезные международные споры» [61, 1]. Последнее может быть истолковано следующим образом: Россия сейчас, в условиях сохраняющихся, а местами и растущих противоречий с Западом, для Китая — неудобный партнер, с которым вести дела не особенно привлекательно с точки зрения имиджа на мировой арене, но пока выгодно с материальной точки зрения. И, в связи с перечисленными проблемами, отношения с ней далеко не безоблачны: «Китай намерен инвестировать в эти отношения, но объективно их оценивать» [55]; «российско-китайские отношения хоть и мирные, но на самом деле противоречивые» [61, 6].

Внешняя политика РФ в целом оценивается китайскими специалистами достаточно противоречиво. Чаще всего авторы заметно сгущают краски в описании противостояния между Россией и ее геополитическими оппонентами: «НАТО и ЕС постоянно подрывают стратегические и экономические интересы России»; «американский доллар полностью контролирует цены на нефть» [Там же] (последнее утверждение вызывает вопрос, берут ли авторы в расчет, например, такую организацию, как ОПЕК?). Проблемам в отношениях Россия — НАТО уделяется особенно много внимания [53, 58, 65]. Крайне ревниво оцениваются продолжающиеся развиваться связи России с Евросоюзом. Даже российская концепция «Большой Евразии» воспринимается не как евразийская, а как более ориентированная на Европу [51]. Зато с большим интересом, если не сказать со злорадным одобрением, в китайской политологии была воспринята российская концепция «геополитического одиночества» РФ [16].

Пристально отслеживается и интеграционное строительство в ЕАЭС, отмечается, что России «сложно координировать вопросы в отношении единой валюты, налогообложения, рынка энергоресурсов». «Создание единого рынка, — предсказывает Ван Лицзю (Китайский институт современных международных отношений), — это довольно сложно. Каждое государство [ЕАЭС] выходит на мировой рынок в соответствии со своими интересами, вместо того чтобы принимать предложения России о снятии всех таможенных барьеров и открытии общего рынка

энергоресурсов и единой валюты». Также указывается, что «Россия в условиях западных санкций проводит ускоренную дедолларизацию, требуя от союзников проводить торговые операции в рублях. Однако они предпочитают свою национальную валюту, отказываясь и от доллара, и от рубля». «Страны СНГ, — заключает политолог, — стремятся к справедливости внутри организации и в то же время опасаются контроля со стороны России. Так как эти страны недавно обрели независимость, они очень дорожат своим суверенитетом», «не хотят становиться российскими вассалами» [53, 139]. Такая позиция говорит о том, что в Китае явно не хотели бы наблюдать единодушие в отношениях России и ее ближайших соседей и готовы указать на любую соринку в чужом глазу.

Ван Лицзю этим не ограничивается и говорит еще и о «жестком» курсе России по отношению к странам СНГ, которые могут пожелать присоединиться к НАТО: «Пока ни одна из стран СНГ не подавала заявку на вступление в НАТО, кроме Украины и Грузии. За этим последовала жесткая реакция России: Абхазия и Южная Осетия, затем Крым. Вероятнее всего, после потери Крыма восток Украины будет контролироваться Россией. Этот поступок России служит напоминанием всем странам СНГ: вступление в НАТО не только недостижимо, но еще и повлечет за собой гнев России, за что вы заплатите сполна» [Там же, 137]. Ему вторит Ян Юйцай: «В 2008 году Россия пошла на крайние меры, чтобы предотвратить вступление Грузии в НАТО» [65, 210]. В другой своей статье этот же автор и вовсе заявляет о том, что одна из причин проблем в отношениях России с другими постсоветскими государствами — якобы «пренебрежительное отношение к идее национального суверенитета внутри СССР» [67, 77].

Подобную позицию трудно трактовать иначе, как полную фальсификацию реальных событий в региональных конфликтах (утверждения об иных причинах российского вмешательства, кроме защиты соотечественников и помощи людям в условиях гуманитарной катастрофы) и желание голословными обвинениями посеять рознь между Россией и ее ближайшими партнерами на постсоветском пространстве. Относительно Украины встречается и такое мнение: «Борьба [России и США] за Украину привела к украинскому кризису и гражданской войне» [65, 215]. То есть китайским читателям навязывается мысль о том, что главной причиной проблем Украины якобы стали отнюдь не неонацисты, не государственный переворот и не поддержка Западом протестных неправительственных организаций; вместо этого ярлык одного из виновников украинского кризиса навешивается на Россию и опять подчеркивается ее противостояние с США.

Интересно проследить и некоторые взгляды китайских авторов на внутреннюю ситуацию в России. Прежде всего обращают на себя внимание объективные критические оценки российской экономики. Например: «Возможности России, на самом деле, очень ограничены, до такой степени, что это мешает реализации некоторых важных совместных проектов». Причинами называются снижение цен на нефть, которое «привело к резкому уменьшению доходов России и к снижению ее инвестиционного потенциала», и недостаток инвестиций в разных сферах. Кроме того, «структура российской экономики вызывает вопросы. После распада СССР Россия провела множество экономических реформ, направленных

на придание экономике рыночного характера. Однако до сих пор российская экономика страдает от “голландской болезни”: она зависима от экспорта нефти и уязвима перед любыми колебаниями в мировой экономике. А такие производственные факторы, как рабочая сила или капитал, играют гораздо меньшую роль» [61, 4].

Еще одна оценка, причем основанная в том числе на изучении китайскими авторами российских и европейских исследований: «Процент россиян, которые считают, что российская экономика переживает застой, увеличился с 51 % в 2017 г. до 61 % в 2018 г. Опросы населения показали, что трети людей трудно заработать даже на предметы первой необходимости, половина населения еле сводит концы с концами, пятая часть живет без излишеств, уровень жизни среднего класса постепенно снижается. По результатам анализа Европейской комиссии, для России все еще существует угроза усиления дипломатических санкций и, если рубль будет продолжать обесцениваться, дальнейший отток капитала. Российские эксперты полагают, что России потребуется еще 10–15 лет, чтобы выйти из экономического кризиса» [63, 99]. Серьезной угрозой будущему развитию России называется демографическая проблема: убыль населения, высокий уровень смертности и дисбаланс в половозрастной структуре общества [64, 26].

Далее, по мнению китайских авторов, российской экономике необходимы «большие структурные реформы» и обновление кадрового состава руководящих органов. «Россия, — пишет Сюэ Фуци (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии), — обладает необходимыми природными ресурсами, финансами, технологиями, человеческим капиталом, но при этом низкое качество управления этими ресурсами сводит на нет все эти преимущества... После распада СССР гомогенное советское общество распалось, множество людей среднего класса обнищали, так как все финансы остались в руках правящего меньшинства. Так сформировалась система “постсоветского капитализма”, власть = чиновники = активы. Чиновники не делятся властью с обществом, больше не скованы идеологией и не желают передавать власть преемникам. Сформировалась такая экономическая система, в которой власть и капитал составляют единое целое. В такой системе изменения происходят крайне медленно, модернизация замедляется, коррупция принимает огромные масштабы. Экономическая структура упрощается олигархией, которая контролирует природные ресурсы, так как они приносят наибольший доход. Монополизированы газовая и нефтяные отрасли, отсутствует какая-либо конкуренция на внутреннем рынке» [62, 12]. Примерно о том же говорит и Ян Юйцай: «Опыт России 1990-х годов доказывает, что главная угроза национальной безопасности исходит как от внешних факторов, так и от неэффективности внутренних государственных механизмов, а недостаточное развитие скорее всего станет смертельной угрозой для национальной безопасности» [67, 80].

Экономическая ситуация, отмечают китайские авторы, налагает свой отпечаток на внешнюю политику: «Отношения между государствами неодинаковы и зависят от статуса каждого... Это называется конкурентоспособностью на мировой арене. Россия может увеличивать конкурентоспособность только

в нефтегазовой и военной отраслях» [67, 91]; «Что касается международного разделения труда, то Россия все еще находится на периферии. Вся экономика — это импорт знаний и экспорт сырья. Реальной независимости и свободы нет» [61, 81]. В свою очередь, влияние международной ситуации на внутривнутриполитическую и границы такого влияния также прослеживаются: например, после пенсионной реформы в РФ, как пишет Пан Дапэн (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии), произошел «электоральный провал правящей партии, ослабевает “посткрымский консенсус”» [59, 15].

Политическая ситуация в России характеризуется китайскими авторами как «ограниченная демократия» [67, 89] и «стабильность» [62, 1]. При этом указывается на то, что «процветает коррупция, укрепляется элита, поэтому не развито гражданское общество, отсутствует социальный надзор» [67, 93]. Проследили китайские специалисты и выполнение обещаний российского руководства: «За третий президентский срок В. В. Путина указанные ранее цели не были достигнуты. В настоящее время проблема бедности в России не решена, разрыв между богатыми и бедными увеличивается, растет социальный протест. Экономическая неразвитость остается самой главной проблемой России» [59, 17].

Одна из самых оригинальных оценок гласит, что «дело Скрипалей» якобы фактически помогло В. В. Путину на выборах [Там же, 19]. Такая точка зрения показывает, что китайский автор, во-первых, поверил в версию о виновности России в данном инциденте, а во-вторых, пытается показать характер формирования политических предпочтений российских избирателей не в самом лучшем свете.

Наконец, интересна оценка российских поисков национальной идеи: «Везде, где национальная идея рассматривается как официально одобренная и поддерживаемая государством, не будет никакой духовной свободы, плюрализма мнений и свободы печати. Другими словами, не будет политической свободы» [67, 89]. С этим можно согласиться, возникает только вопрос, почему китайские эксперты не попробуют оценить с этих позиций ситуацию в их собственном государстве.

Подведем итог.

Китайские авторы рассмотренных в данной статье актуальных трудов по расследованию и отношениям с Россией, несомненно, придерживаются крайне прагматичного подхода к отношениям с западным соседом. Россия не рассматривается ими в качестве равного и сильного партнера, а воспринимается как слабая сторона в отношениях, нуждающаяся в уверенно стоящем на ногах партнере-лидере. При этом в каждом конкретном случае прослеживается, как Китай может ее использовать. При всем этом, однако, в лице РФ китайские стратеги видят конкурента для Китая на международной арене.

Оценки авторов из КНР во многом показывают разницу приоритетов РФ и КНР в стратегии отношений, наличие значительного числа различий и разногласий на фоне имеющихся общих позиций. В большинстве случаев подход к рассмотрению двусторонних отношений выглядит еще и предвзятым, показывающим, что в КНР всегда готовы извлечь на свет некие «исторические обиды» вместо нормального развития отношений; заявления носят пропагандистский характер и во многом искажают как современные реалии, так и историю.

Вместе с тем отметим, что, безусловно, имеются и реалистичные оценки внутренней ситуации в России, однако и среди них встречаются весьма спорные высказывания.

Представляется, что для российского китаеведения и для выработки адекватной стратегии взаимоотношений с таким сложным партнером, как КНР, крайне важно регулярно следить за неким подробным «барометром» отношения к России в китайском экспертном сообществе, особенно с учетом все возрастающей роли экспертных групп в подготовке информации для принятия решений в руководящих органах Китая. Подобный мониторинг поможет избежать как завышенных ожиданий, так и возможных просчетов в российской стратегии в отношениях. Одновременно нельзя не отметить, что аналогичные исследования полезно проводить и в отношении других стран–партнеров России: в международных исследованиях и страноведении многовекторность будет столь же важна, как и во внешней политике.

1. *Абрамова Н. А., Кучинская Т. Н.* «Китайский регион» в политическом измерении. Чита, 2008.

2. В аэропорту Кольцово накрыли крупную партию наркотиков, которую прислали посылкой из Китая // E1.ru. 03.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-467455.html (дата обращения: 03.02.2019).

3. В Благовещенск из Китая везли почти 14 тонн фруктов, зараженных плодовой гнилью // Амур.инфо. 09.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amur.info/news/2015/09/09/99566> (дата обращения: 12.09.2015).

4. В Екатеринбург могла попасть ядовитая замороженная клубника // E1.ru. 15.11.2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-378567.html (дата обращения: 15.11.2012).

5. В Кольцово задержали китайские радиоактивные палочки для массажа, которые вызывают рак // E1.ru. 12.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-453746.html (дата обращения: 03.02.2019).

6. В Новосибирске нашли склад с опасными свежими нектаринами и персиками // НГС.ру. 18.08.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ngs.ru/more/65283181/> (дата обращения: 12.06.2019).

7. *Воскресенский А. Д.* Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 82–96.

8. *Габуев А.* Выше коллектива. Чем закончился для Си съезд КПК в Китае // Московский центр Карнеги. 24.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/73516> (дата обращения: 10.10.2019).

9. *Габуев А.* Доложили расстановку: как Си Цзиньпин превратил политбюро в свой двор // Московский центр Карнеги. 26.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/73553> (дата обращения: 10.10.2019).

10. *Габуев А.* Китайские советы. На какой интеллектуальный ресурс опирается Пекин при выработке политики в отношении Москвы // Коммерсант. 13.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2584423> (дата обращения: 12.10.2016).

11. *Габуев А.* Си без конца: почему Китай возвращается к императорскому правлению // Совет по внешней и оборонной политике. 06.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://svop.ru/main/26258/> (дата обращения: 10.10.2019).

12. *Галенович Ю. М.* Глобальная стратегия Китая. М., 2016.

13. Галенович Ю. М. «Исторический счет» к России и СССР в «Истории Коммунистической партии Китая». М., 2012.

14. Галенович Ю. М. Россияеведение в Китае // Зарубежное россияеведение / под ред. А. В. Безбородова. М., 2012. С. 494–521.

15. Галенович Ю. М. Россия в «китайском зеркале». М., 2011.

16. То Сяоли. Почему Россия не обречена на одиночество? // Россия в глобальной политике. 31.05.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Pochemu-Rossiya-ne-obrechena-na-odinchestvo-19582> (дата обращения: 12.06.2018).

17. Гонконгский эксперт о ракетной технике // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2012. 2 мая.

18. Грачиков Е. Н. Китайская теория международных отношения // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 3(46). С. 68–80. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.5

19. Грачиков Е. Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Международные отношения. 2019. Т. 19, № 2. С. 187–200. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200.

20. Группе наркодилеров, организовавших почтовый канал из Китая во Владивосток, «светит» 20 лет тюрьмы // Приморье24.ru. 06.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://primorye24.ru/news/post/76966-gruppe-narkodilerov-organizovavshih-pochtovyyu-kanal-iz-kitaya-vo-vladivostok-svetit-20-let-tyurmy> (дата обращения: 30.03.2017).

21. Губительные помидоры. В Волгоградской области расцвел теневой тепличный бизнес // Федерал Пресс. 27.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Ffedpress.ru%2Farticle%2F1946851&promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 02.02.2018).

22. Денисов И. Либерализация для власти: как в Китае победила «партия третьего срока» // РБК. 26.02.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/opinions/politics/26/02/2018/5a9406419a79476b324e8eb0?from=center_11 (дата обращения: 28.02.2018).

23. Денисов И. Е. Механизм принятия внешнеполитических решений в Китае: особенности реформирования в период после XVIII съезда КПК // Международная аналитика. 2018. № 2 (24). С. 28–36.

24. Зуенко И. Выбор в пользу пожизненного правления // Коммерсант. 27.02.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3558866?from=author_mir (дата обращения: 28.02.2018).

25. Из Китая в Россию привезли тонны зараженного кроличьего мяса // Вести. 20.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/m/doc.html?id=2997210> (дата обращения: 20.03.2018).

26. Как китайцы делают свой (поддельный) мед // Пчела и человек. 12.11.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5bbfb019c947d000aa525208/kak-kitaicy-delaiut-svoipoddelnyy-med-5be86ddd9713e500a97b673e?&from=feed> (дата обращения: 21.11.2018).

27. Капишикова В. А., Абрамова Н. А. Классификация и особенности «мозговых центров» КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2017. № 20. С. 47–52.

28. Капишикова В. А., Кучинская Т. Н. Развитие китайских «мозговых центров» и региональные исследования // Там же. № 19. С. 11–14.

29. Китай пообещал больше не воровать российские технологии // Наука XXI в. 13.12.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka21vek.ru/archives/1511> (дата обращения: 29.04.2013).

30. Китай поставил первую партию СПГ в Японию // Финмаркет.ру. 30.08.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.finmarket.ru/news/5066520?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 30.08.2019).

31. Китай присоединился к антироссийским санкциям // Лента.ру. 14.09.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2018/09/14/from_china_with/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial (дата обращения: 17.09.2018).

32. Китайские арендаторы уничтожают приморские земли сельхозназначения: Видеопортаж Максима Каленника // Вести — Приморье. 01.11.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestiprim.ru/news/ptrnews/69821-kitayskie-arendatory-unichtozhayut-primorskie-zemli-selhoznaznacheniya.html> (дата обращения: 13.11.2018).
33. Китайские фермеры пичкают яблоки смертельно опасными соединениями // MedDaily.ru. 14.06.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://meddaily.ru/article/14Jun2012/jabcpn> (дата обращения: 16.09.2014)
34. КНДР зарабатывает иностранную валюту в обход санкций СБ ООН // Новости Mail.ru. 08.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/politics/30936937/?frommail=1> (дата обращения: 08.09.2017).
35. Колдунова Е. В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. 2013. Т. 4, № 2(12). С. 60–69.
36. Кольцовские таможенники нашли в посылке из Китая когти росомахи в четверть метра длиной // E1.ru. 11.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-465730.html (дата обращения: 03.02.2019).
37. Коростиков М. Ю. Динамика внешней политики КНР через призму национальных интересов // Сравнительная политика. 2016. Т. 7, № 4. С. 108–126. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-108-126](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-108-126).
38. Коростиков М. «Если уровень воды высок, подводные камни не имеют значения»: Интервью с Сунь Чандуном — первым заместителем директора Института социального развития Европы и Азии при исследовательском центре Госсовета КНР // Коммерсант. 31.08.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/3077023> (дата обращения: 04.09.2016).
39. Лексютина Я. В. Новое содержание внешней политики Китая как отражение усиления его национальной мощи // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 6 : Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 2. С. 138–145.
40. МИД: Россия и Китай готовы координировать усилия в СБ ООН // Взгляд. 14.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2014/5/14/686759.html> (дата обращения: 27.10.2017).
41. Посылки из Китая: на Урале поймали студента, получавшего наркотики по почте, чтобы делать закладки // E1.ru. 19.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-66022306.html (дата обращения: 01.05.2019).
42. Роспотребнадзор: китайские арбузы могут привести к онкозаболеваниям // ГТРК «Чита». 18.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.chita.ru/63496/> (дата обращения: 16.09.2014)
43. Россельхознадзор огласил пугающие итоги проверок китайских теплиц в Свердловской области // Знак.com. 03.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2017-11-03/rosselkhoznadzor_oglasil_pugayuchie_itogi_proverok_kitayskih_teplic_v_sverdlovskoy_oblasti?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 08.11.2017).
44. Россия выражает недовольство китайскими истребителями // Meta.kz. 25.01.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.meta.kz/503308-rossiya-vyrazhaetnedovolstvo-kitayskimi-istrebitelyami.html> (дата обращения: 29.04.2013).
45. Россия заблокировала в Совбезе ООН резолюцию о трибунале по «Боингу» // Новости Mail.ru. 30.07.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/politics/22819179/?frommail=1> (дата обращения: 24.06.2017).
46. Россия защитила свое оружие от китайского плагиата // Vashznak.ru. 16.12.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vashznak.ru/novosti.htm> (дата обращения: 29.04.2013).
47. Румянцев Е. Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М., 2016.
48. Рыба из Китая и Вьетнама опасна для здоровья // Агентство информационных сообщений. 17.06.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://vg-news.ru/news-ryba-iz-kitaya-i-vietnama-opasnadlya-zdorovya> (дата обращения: 17.09.2014).
49. Свердловский Россельхознадзор начал борьбу с ядовитыми огурцами // Новости Mail.ru. 18.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/economics/24879335/?frommail=1> (дата обращения: 18.02.2016).

50. Трамп потребовал прекратить поставки китайской нефти в КНДР // Новости Mail.ru. 29.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/politics/32113182/?frommail=1> (дата обращения: 29.12.2017).

51. *Чжао Хуэйжун*. Перейдет ли Россия от «большой Евразии» к «большой Европе»? // Иносми.ру. 26.08.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20190826/245695198.html?utm_source=pulse_mail_ru&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru (дата обращения: 28.08.2019).

52. China needs six war in the 50 years // Blogspot.com [Электронный ресурс]. URL: <http://wuxinghongqi.blogspot.com/2010/07/china-needs-six-war-in-50-years.html> (дата обращения: 10.03.2013).

53. *Ван Лицзю*. Элосы дэ Дуляньти дицой чжэнцэ синь бяньхуа цзици гунцзянь «И дай и лу» дэ инсян (Влияние изменений в региональной политике России в отношении СНГ на совместное строительство «Одного пояса и одного пути») // Оуя фачжань яньцзю 2019 (Исследования по евразийскому развитию за 2019 год). Пекин, 2019. С. 131–142.

54. *Ван Хайюнь*. Цзебань эр бу цземэн: Чжун Э гуаньси дэ сяньши сюаньцзэ («Вместе, но не союзники»: реалистичный выбор в китайско-российских отношениях) // Элосы Дуньюу Чжунья яньцзю (Изучение России, Восточной Европы и Центральной Азии). 2016. № 5. С. 6–15.

55. *Вэнь Сянь*. Чжун Э се шоу гун кан цзю цзи лан (Россия и Китай идут рука об руку, противостоят «Девятому валу» вместе») // Хуаньцзю жэнь у (Люди мира). 2019. № 12. С. 13.

56. *Ли Цзин*. Чжун Э гуаньси дэ синь дин вэй (Новое качество китайско-российских отношений) // China Newsweek. 2019. № 903. С. 12–15.

57. *Ли Цзяньминь*. Сифан чжицай юй Чжун Э цзинмао хэцзо (Западные санкции и китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество) // Оуя фачжань яньцзю 2019 (Исследования по евразийскому развитию за 2019 год). Пекин, 2019. С. 88–104.

58. *Лу Байчунь*. Элосы юй Бэйюэ цзиньчжан гуаньси дуаньци нэй нань гайбянь (Напряженность в отношениях России и НАТО: что трудно изменить в краткосрочной перспективе) // Оуя фачжань яньцзю 2019 (Исследования по евразийскому развитию за 2019 год). Пекин, 2019. С. 143–154.

59. *Пан Данэн*. 2018 нянь Элосы цзунтун да сюань юй дифан сюаньцзюй фэньси (Анализ российских президентских и местных выборов в 2018 году) // Оуя фачжань яньцзю 2019 (Исследования по евразийскому развитию за 2019 год). Пекин, 2019. С. 15–25.

60. *Пань Чжитин*. Дуй Сычоу чжилу цзин цзи дай юй Чжун Э хэцзо яньцзю дэ пинцзя (Оценка экономического пояса Шелкового пути и исследования китайско-российского сотрудничества) // Элосы Дуньюу Чжунья яньцзю (Изучение России, Восточной Европы и Центральной Азии). 2017. № 1. С. 19–38.

61. *Сюй Циньхуа, Ши Иньхун*. Чжунго дуйвай чжаньлюэ чжун дэ Элосы: сяньчжу ии юй цяньцзай фусян (Россия в китайской внешнеполитической стратегии: важный игрок и потенциальный отрицательный фактор) // Элосы Дуньюу Чжунья яньцзю (Изучение России, Восточной Европы и Центральной Азии). 2016. № 2. С. 1–8.

62. *Сюэ Фуци*. 2018 нянь Элосы цзунтун да сюань юй гоцзя цзили куныцзин (Президентские выборы 2018 г. в России и вызовы для руководства) // Оуя фачжань яньцзю 2019 (Исследования по евразийскому развитию за 2019 год). Пекин, 2019. С. 1–14.

63. *Чжао Миньэнь*. Чжун Э гуаньси: синь шидай, синь тяочжань, синь фачжань (Российско-китайские отношения: новая эра, новые вызовы, новое развитие) // Чжун Э гуаньси (Китайско-российские отношения). 2019. № 2. С. 96–109.

64. *Шэн Шилян*. Элосы туйсю чжиду гайгэ (Российская пенсионная реформа) // Оуя фачжань яньцзю 2019 (Исследования по евразийскому развитию за 2019 год). Пекин, 2019. С. 26–37.

65. *Ян Юйцай*. Доцзи пинхэн юй Чжун Э чжаньлюэ сецзо (Многополярный баланс и китайско-российское стратегическое сотрудничество) // Элосы чжаньлюэ вэньти 10 цзян (Вопросы российской стратегии: 10 эссе). Пекин, 2015. С. 201–222.

66. Ян Юйцай. Чжун Э гуаньси цянцзин чжаньван (Перспективы китайско-российских отношений) // Элосы чжаньлюэ вэньги 10 цзян (Вопросы российской стратегии: 10 эссе). Пекин, 2015. С. 223–247.

67. Ян Юйцай. Элосы лянбан дэ цянго чжаньлюэ (Стратегия Российской Федерации по укреплению государственности) // Там же. С. 74–104.

Рукопись поступила в редакцию 19 октября 2019 г.

УДК 316.42 + 94(470) + 316.77:008

О. Ю. Корниенко

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Проблема идентичности на современном этапе приобретает все большее значение в глобальном мире, который прошел в своем развитии экономический этап, связанный с властью ТНК и потребительской экономики, политический этап международной институционализации и перешел к периоду, когда главным оказываются социальная сфера и культурная идентичность. Процесс идентификации рассматривается в рамках междисциплинарного подхода, главными компонентами которого являются взаимосвязь политико-экономических установок и культуры. Рост цивилизационных конфликтов подталкивает к созданию искусственных форм идентичности по гендерным, сексуальным, профессиональным, фанатским и другим интересам. В статье на конкретных примерах рассматриваются тренды на изменение лингвистического контента в русском, английском и китайском языках при встраивании стран в глобальные мировые процессы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: национальная идентичность, власть СМИ, высокая мобильность, материалистическое отношение к жизни, потребительство, макдонализация, тренды на мультикультурализм, культурные ценности, блендинг, сленг.

Длительное время глобализация, глобальные процессы, глобальные проблемы ассоциировались с экономической сферой жизни мирового сообщества. Однако затем наступило осознание того, что глобализация активно внедряется в политическую сферу и влияет на мировой порядок. Влияние осуществляется через международные институты; неправительственные организации, проводящие политику «мягкой» силы; партии, внедряющие глобальные установки в разных сферах жизни; движение зеленых и благотворительные организации. В начале третьего тысячелетия стало очевидно, что многие области социальной сферы, и прежде всего культура, также испытывают сильнейшее влияние глобализации.

Сегодня глобальный мировой порядок все больше определяется новыми силами, особенно теми, которые связаны с идентичностью и культурой. После холодной войны резко возросло значение культуры как фактора, влияющего на международные отношения в плане религии и возрождения фундаментализма.

Идентичность, религия и культура играют выдающуюся роль в попытках изменить культурно-политическую гегемонию Запада. Тесная взаимосвязь политико-экономических установок и культуры была очевидна еще в эпоху Просвещения, когда активно пошло развитие рыночного капитализма. Все основные аспекты рыночного капитализма, как-то: конкурентность, урбанизация, рост богатства, процветания, увеличение потребительства — привели к тому, что либерально-демократические ценности стали внедряться в политическую сферу в виде выборов на конкурентной основе. Поскольку демократические ценности, такие как право частной собственности, индивидуализм, свобода выбора, составляют основу либерального общества, то становится очевидным, что они универсальны, обезличены, не имеют национального лица, а посему по определению ослабляют культурные связи народов и идентичность, на что обратил внимание еще Фердинанд Теннис [20, 183]. Либеральные общества как бы приватизируют культуру и создают общество вседозволенности (*permissive values and social norms*). Общество вседозволенности привело к высокой фрагментации общества, излишней увлеченности правами личности и отказу признавать моральную ответственность граждан перед обществом. В ответ внутри общества пошло движение за отмену гегемонии универсального либерализма в лице вестернизации. Общество сделало выбор в пользу политики идентификации, которая тесно связана с такими аспектами, как культура, этничность, религия, местные традиции.

Во время холодной войны основные социально-политические различия были связаны с противоположными установками коммунизма и капитализма, которые лежали в экономической и идеологической сферах. При сегодняшнем состоянии глобализации акцент смещается в сторону идентичности и культуры, что ведет к изменениям в политических установках, в частности в отношении идентичности. При этом политика все больше обуславливается культурными отличиями политических акторов, а унификация, которая есть ядро либерального подхода, воспринимается как форма угнетения. Глобальные элиты начинают предлагать и развивать новые виды идентичности, навязывая свою «идентификацию» через дробление «идентичности». Они могут принимать такие формы, как присоединение к группам по интересам (вплоть до национализма), что в своих работах описал американский политолог Маркус Гарвей [12]. Он основал в 1914 г. *Universal Negro Improvement Association* (Всеобщую ассоциацию по улучшению положения негров), целью которой является возрождение гордости негритянского населения тем, что Африка была колыбелью человечества, и заложил основы для движений африканских народов, как, например, *Black power movement* (Движение негритянских народов).

Национальные и даже националистические движения и возрождение идентичности получили первый импульс после Второй мировой войны, и они ассоциируются с постколониализмом. Это были попытки придать политической независимости бывших западных колоний культурное измерение через возрождение национальной идентичности, замешанной на незападных и даже антизападных ценностях.

Примерами активного возрождения идентичности, вплоть до ее националистических проявлений, являются примеры СССР и Югославии. Система в СССР и Югославии во многом строилась на искусственной идентичности социалистической идеологии, которая позволяла объединять в единый организм самые разные народы при наличии национальной государственной идеи и сильной личности руководителя государства. После краха социалистической системы искусственные образования стали рушиться, а восстановление национальной идентичности позволило обосновать необходимость создания новых государств на территории бывших СССР и Югославии.

Другим источником выдвижения на первый план идентичности становится сопротивление глобальным трендам, которые навязывали гомогенизацию как единственно правильный путь развития. При этом весь мир должен воспринять общую культуру, которая органична лишь для некоторых западных стран и базируется на таких ценностях, как власть СМИ, высокая мобильность, материалистическое отношение к жизни, потребительство, макдонализация, тренды на мультикультурализм через смешивание национальных культурных традиций, и других подобных ценностях.

Современная наука выработала глобальный подход к политике идентичности, что базируется на процессе индивидуализации и самоопределении индивидуальных личностей. Это противоположно традиционным концепциям идентичности, которые базируются на «ощущении, понимании социальной принадлежности к определенному сообществу на основе естественных связей и приверженности их ценностям» [16, 187]. По утверждению Андрию Хейвуда, сегодня идентичность рассматривается как когнитивный процесс в самом широком культурном, политическом и экономическом плане, который создает «идентичность». Такое понимание идентичности объясняет, почему политика формирования идентичности отсутствует в обычных обществах, где идентичность формируется естественно, на основе исторического развития, геополитического расположения, языка и религиозно-идеологических установок. В современных обществах, где она создается и получает новые рычаги управления, идентичность подвержена постоянному влиянию со стороны глобальных процессов и является постоянным очагом конфликта, поскольку традиционные социальные механизмы нарушаются.

Конфликты заключены в цивилизационной сути идентичности, которая представляет собой сформированную картину мира данной нации (и шире — цивилизации), что подробно проанализировал Самюэль Хантингтон [17], чьи подходы привлекли внимание исследователей и общественности во всем мире в 90-е гг. в свете этнических конфликтов на территориях СССР, Югославии, Руанды, в других частях света. Террористические акты сентября 2001-го в Нью-Йорке сделали данную тему особенно актуальной, поскольку Запад усмотрел в них симптомы предстоящего столкновения Запада и ислама. В контексте сентября 2001 г. С. Хантингтон утверждал, что мы на пороге новой эры глобальной политики, в которой цивилизации, а не государства станут основными акторами международных отношений. При этом основная борьба развернется в цивилизационном плане как на микро-, так и на макроуровне.

На макроуровне Хантингтон опасался столкновения между основными государствами цивилизаций, считая наиболее вероятными такие виды цивилизационных конфликтов, как конфликт между Китаем и Западом, Западом и мусульманским миром и даже между Западом и остальным миром. Кроме того, он отмечал, что столкновения цивилизаций пойдут по таким линиям разломов, как столкновения религий. Однако С. Хантингтон недостаточно внимания уделял роли политического и социального контекстов, которые могут привести к росту национализма, как это было в Югославии, или беспрецедентному росту экономического и социального неравенства, стимулируемого глобализацией, примером чего является радикализация Ближнего Востока. Большую угрозу Самуэль Хантингтон видел в неразумной политике насаждения демократии Западом в других странах, что также радикализирует общество, подогревая отторжение чужого культурно-цивилизационного влияния и подталкивая к созданию антизападных альянсов.

Современные исследователи очень подробно анализируют структуру идентификации западного мира в глобальную эпоху, оставляя за рамками исследований другой мир. По их мнению, западный мир по определению базируется на правильных установках. Так, Гельмут Анхайер и Марк Юргенсмайер в «Энциклопедии глобальных проблем» отметили новые тренды в сфере идентичности, главными из которых являются феномены, которые меняют лицо идентичности в глобальном мире [9, 850–858]. Традиционная идентичность часто отождествляется с культурой в широком смысле, которая определяется как «принадлежность к определенной региональной или этнической группе» [Там же, 850]. Современные исследователи отмечают те стороны, которые претерпели коренные изменения в эпоху глобализации. Не называя новые формы идентичности искусственными, ученые отмечают разнообразные идентификационные процессы, которые дробят идентичность в контексте возраста, национальности, профессии, хобби, пола, религии, групп по интересам, социальному положению, участию в разных социальных сетях, фанатским пристрастиям и т. д. Традиционный подход к идентичности, по их мнению, является актуальным лишь для небольших замкнутых сообществ, где «личностная идентичность» принижена, поскольку сводится лишь к выполнению определенной социальной или четко заданной гендерной роли. Когда среди членов таких сообществ проводился опрос относительно их желаний, понимания счастья и удовлетворенности жизнью, то они даже не понимали смысла вопросов.

Традиционная идентичность — это идентичность, где естественным состоянием вещей является стабильное состояние «stasis» [18], а не постоянные изменения. Такая картина наблюдалась в древности во многих странах — в Риме, Греции, Китае, Индии и др. Однако ситуация стала активно меняться с появлением глобальных религий: буддизма, христианства, ислама.

Первая волна глобализации в XV в. привела к колонизации мира западными странами, что вылилось в уничтожение некоторых традиционных идентичностей и стирание других. Кроме того, это совпало с переходом к новому экономическому укладу; и те страны, которые встроились в новый экономический уклад, стали быстро разрушать традиционные общества и идентичности, хозяйственный уклад

в которых становился сырьевым придатком для европейских фабрик [9, 852]. Кроме того, в основные факторы формирования идентичности вошел территориально-правовой компонент, и национальная идентичность стала определяться по месту рождения, без учета всех других факторов. Данный феномен впервые появился во времена французской революции, а затем активно вошел в систему государственной политики США. Это был период, когда вырабатывались основные компоненты закрепления идентичности, какими стали государственные школы, церемонии, язык передачи информации, национальные карты, воинская повинность, единые стандарты бюджетно-хозяйственной деятельности.

Около пятидесяти лет тому назад наступил новый этап развития идентичности, связанный с тем, что стали активно развиваться средства коммуникации и транспорт, неправительственные организации и международные объединения всех типов. Результатом стали частичная унификация национальных культур и нивелирование традиционных ценностей, что подогревалось культурой потребительства, когда во всех уголках мира используются одни и те же товары и услуги. С другой стороны, людей стало тянуть к их культурно-историческим истокам, активно растет этнотуризм. Западные обыватели едут за впечатлениями на Русский Север или в Африку, все больше ощущается жажда возврата в уютную идентичность, традиционную идентичность.

Эти глобализационные процессы привели к новому пониманию идентичности, которое А. Гидденс определил следующим образом: «Идентичность — это то, как индивид воспринимает себя в условиях мира других людей» [13, 34]. Данное определение по-новому трактует роль идентичности в современном мире, где основной акцент перенесен на индивидуальную уникальность личности. Индивид выполняет в обществе множество ролей: I am a schoolgirl/American/daughter/Buddhist/special needs/blogger/transgender/Chicago Bulls fan/cosmopolitan... (я школьница/американка/дочь/буддистского вероисповедания/инвалид/блоггер/фанатка команды Chicago Bulls/трансгендер/космополит) [9, 854]. Все это переносит акцент на индивидуальное осознание личности в глобализирующемся мире.

Как известно, важнейшую роль в формировании идентичности играет система образования, которое сегодня также становится «глобальным», что означает его унифицированный характер, активное использование интернет-среды, дистанционную форму, огромные информационные потоки. Ранее знания передавались устно, из поколения в поколение, охватывали множество сторон жизнедеятельности и были осмыслены. Современные поколения являются специалистами в узкоспециализированном сегменте знаний, получая всю дополнительную информацию в Интернете, которая поступает потоком, и потом сложно этот поток осознать, переосмыслить и встроить в мозаику многогранного мира.

Ранее можно было получить образование, совершенствоваться в нем, постепенно расширяя компетенции в смежных областях знаний. Знание было ценно само по себе, образование давало доступ к знаниям, осознанию мира и себя в мире, как, например, это было в Индии. Сегодня и знания, и профессиональные навыки можно использовать лишь короткое время, так как все постоянно меняется. Нужна не профессия, а умение гибко подстраиваться под новые глобальные тренды

на рынке труда. Это означает, что нужно часто менять род занятий, не пытаясь понять смысл жизни или свое место в обществе. Образование, которое было фундаментальным, давало широкий срез знаний в определенной сфере, становится ненужным. Только прикладные навыки востребованы и хорошо оплачиваются в постиндустриальном обществе. Сегодня образование становится сферой услуг, а это означает, что нужны кратковременные навыки, которые на следующем этапе развития технологий будут забыты, так как возникнет потребность в новых навыках. Ранее знания были ценны сами по себе, сегодня же нужно только то, что можно продать.

В результате постоянно разрабатываются новые требования и стандарты для новых продуктов, новые версии, которые раньше можно было развить на базе старых знаний и которые давали возможность быстрой адаптации имеющихся знаний к появляющимся дополнениям. Теперь каждая новая версия технологических продуктов представляет собой возможность заработать деньги на базе переучивания, переделывания, перестраивания. Кроме того, система образования становится своего рода «международной образовательной корпорацией», которая предлагает услуги безотносительно какой-либо особой страны. Поэтому мы сегодня можем констатировать изменение самой природы знаний, что имеет огромное влияние на идентичность посредством вмешательства в традиционные формы передачи знаний в том или ином сообществе.

Большие изменения претерпели такие компоненты традиционной идентичности, как гендерная и сексуальная идентичность. Так, сексуальная идентичность дробится на Androsexuality (андроромантизм, романтическое влечение к мужчинам); Asexuality (асексуальность, отсутствие полового влечения); Autosexuality (нарциссизм); Demisexuality (романтическое влечение на основе сильных эмоций); Heterosexuality (влечение к особям противоположного пола), Homosexuality (гомосексуальное влечение), Pansexuality (сексуальное влечение к людям вне зависимости от биологического пола) и т. д. Большой акцент на вариациях гендерной идентичности позволяет все больше отвлекать внимание от естественной идентичности в сторону новых типов гендерного самоопределения, которые ранее были малозначимы. Сегодня число возможных идентичностей по сексуальным интересам огромно: агендеры, андрогины, гендерфлюиды, транссексуальные мужчины, транссексуальные женщины, квиры, бердаши, муше, транссексуалки, интерсекс-люди, пангендеры, тригендеры и др. Такое огромное количество возможностей все сильнее сдвигает окно Овертона от традиционных гендерных ролей мужчины и женщины в сторону искусственного разнообразия.

Вполне естественно, что некоторые исследователи, как, например, американский ученый Стюарт Халл, видят в традиционной культурной идентичности «сумму отдельных видов идентичности, которые проявляются благодаря нашей принадлежности к определенной, конкретной, этнической (национальной), расовой, лингвистической, религиозной и в первую очередь национальной культуре» [14, 274; 15]. С. Халл выделяет три основные формы идентификации в эпоху глобализации — этническую, национальную и глобальную формы идентичности. Под этнической идентичностью подразумевается отличие внутри сообщества,

отличие индивидов от других граждан сообщества, от других граждан одной страны, как, например, в США, где бытуют понятия Hispanic American (американец латиноамериканского происхождения), Chinese American (американец китайского происхождения)...

Национальная идентичность имеет значение гражданства, юридической принадлежности к определенной стране. Глобальная идентичность является новой формой культурной идентичности, которая базируется на множестве факторов, главными из которых являются космополитизм + принадлежность к обществу потребления + социальные сети + профессиональная идентичность [9, 856]. Глобальная идентичность, по мнению Г. Ритцера, получает толчок к развитию через становление общества потребления, когда местная экономика не может выдерживать конкуренцию с глобальными корпорациями и уступает свое место «глобальному, универсальному и эрзацу» [19, 29] в виде Голливуда, Макдоналдса, Кока-Колы и других глобальных брендов. Американский вариант английского языка начинает активно развивать новый вид словообразования — «блендинг», который очень метко отражает суть происходящих процессов. Английский язык сохраняет коннотации относительно сути происходящего: cocacolonization (колонизация через кока-колу), infogeddon (информационный Армагеддон), pharmageddon (фармакологический Армагеддон), moneygeddon (финансовый Армагеддон). Все это оказывает огромное влияние на культурную идентичность [6, 101–104].

В очень уязвимом положении оказывается молодежь, которой активно предлагают выбирать свою идентичность. Молодежь примеряет на себя новые виды идентичности, объединяясь вокруг молодежных субкультур «hip-hop, mango, Рокéмон...». Именно у молодежи поиск идентичности идет тяжело, через метания и интернет-сети, поскольку им остро не хватает близких по духу людей. Такие поиски могут привести в сети сообществ террористов или кураторов групп смерти в социальных сетях. Идентичность субкультур вырабатывает свои привлекательные, уникальные знаки отличия, среди которых всегда есть стиль одежды, свой сленг, знаменитые блогеры, объединяющие флешмобы. Некоторые новые, современные типы идентификации в российской традиции называются «идентичностью субкультур» [2, 316].

Любая идентичность ищет внешнее проявление, рекламируя то или иное движение. Созданный образ должен обладать загадочностью, узнаваемостью, хотя может быть и не совсем понятен молодежи. Некоторые молодые люди вступают в экстремистские движения, находясь под магией идентичности созданного образа. Движение скинхедов эксплуатировало привлекательность брутального образа: короткие стрижки, куртки типа «бомбер» или «скутер», футболки со сценами насилия на военную тематику, ремни с большими заточенными пряжками, хромированные металлические цепи, символические цвета шнурков. Важнейшим компонентом молодежной идентичности является сленг, который подразумевает распределение по группам «свой — чужой». В одном из кейсов из области финансов описан случай, когда использование типичного сленга гарантировало бесконтрольное распространение информации в самых известных новостных

изданиях, на теле-, интернет-каналах для проведения финансовых махинаций [11]. Молодежь из движения скинхедов всегда использовала словоформы типа «гриндернутый» (сверхсерьезно воспринимающий имидж и субкультуру бритоголовых), «отмороженные/упертые» (фанатики), «мелкий вред» (поджог дверей, разбивание стекол), «сябры» (СОБР), «аргументы» (камни, бутылки, палки), «балабол» (телекомментатор), «вязалово» (массовый арест), «урел» (агрессивный, малообразованный человек). Сленг скинхедов отличается тем, что он основан на русском словаре, значение и образность слов и выражений понятны и легко запоминаются участниками российского культурного сообщества.

Идентичность скинхедов, так же как и других молодежных субкультур, является искусственным образованием, она строится на том, что молодежь мобильна, стремится к инновационным и оригинальным формам выражения своей идентичности, живет в основном в условиях низкой материальной обеспеченности, постоянно ищет смысл жизни и свое место в ней, формирует свою идентичность, преодолевая комплексы. Именно поэтому молодежь легко попадает на акции, устроенные по современным моделям через флешмобы, интернет-мобы, интернет-форумы. Молодежь мобильна, готова к экспериментам, участию в акциях, митингах, погромах, ощущая в толпе свободу и своего рода социальную защищенность в рамках субкультуры. Низкая материальная обеспеченность усиливает желание протестовать в проплаченных акциях.

У тех молодых людей, которые являются приверженцами интернет-движений, есть свое лицо, которое более интернационально, чем у субкультуры скинхедов. Их сленг строится в основном на английских лексических единицах, которые они часто плохо понимают, т. е. имеет место феномен ускользания смысла. Однако их привлекают символы, слова, ощущение демократической загадочности, вызова обществу. В последнее время в интернет-сети появились ресурсы, которые хотят уничтожить существующую государственную систему через систему «миллиона мелких уколов» под общим названием «Большая игра. Сломай систему!» [1]. «Большая игра», созданная представителями националистических и экстремистских организаций, ввела свои словоформы в молодежный обиход, среди которых «северное братство», «победа белых сил», «образование Светлой Руси» и др. Все словоформы имеют объединяющую положительную семантику, указывая на близость, коллективную идентичность участников игры, которые образуют «братство». Победы подкрепляются «виртуальными евро», что указывает на понимание организаторами того, что молодежь должна быть дополнительно простимулирована для удержания интереса к движению.

Не только субкультуры, которые позиционируют себя как про-славянские, активно представлены в интернет-среде. Дело в том, что у всех молодых фанатов круг общения ограничен компьютерными играми, твиттер-сообщениями, инстаграм-видео, постоянным присутствием во всех социальных сетях. Эта угроза «интернет-нашествия» давно известна, и исследование, проведенное Университетом Джорджа Вашингтона, показало, что самым значимым из онлайн-инструментов вербовки в ИГИЛ остается Твиттер. Однако сторонники группировки используют и другие популярные сервисы, такие как Инстаграм [10].

Сотни изображений, транслирующих идеологию террористов через историю и короткие жизнеописания, помогают перестать воспринимать ее как экстремизм. Как и любое другое интернет-сообщество, сторонники ИГИЛ создали собственный стиль и определили образы, понятные внутри группы, формирующие ощущение идентичности, следования одним и тем же идентификационным идеалам. Например, изображение зеленой птицы или сочетание эмодзи [5] в виде птицы и зеленого сердечка используется для того, чтобы обозначить мучеников. Часто эксплуатируется образ льва — символ храбрости в исламе; есть своя символика и свой сленг, который часто берет свое начало с событий 11 сентября 2001 г. Так, места встреч называются «ground zero» (нулевая отметка), «weapons-grade salsa» («кетчуп» — как отсылка к многочисленным жертвам), «terrorists» (плохие учителя), «jihad» (проблемы с учебой или родителями, строгие учителя).

Интернет-зависимую молодежь активно привлекают интернет-мобами и флешмобами [4]. Символом борьбы против радикального терроризма стал хештег «#notinmyname» (не от моего имени), а затем был организован флешмоб, где мусульмане активно постятся, держа в руках собственные фото, на которых имеется плакат с данной надписью и добавленными фразами типа «Терроризм не имеет религии». Сообщества интернет-зависимых молодых людей имеют свой сленг: «агенты» (люди, раздающие листовки), «опошление» (встреча участников флешмоба для обсуждения планов на будущее), «классика» (флешмоб по классическому сценарию: мгновенная толпа, абсурдность действий и выкриков, уже отработанный сценарий), «парускерство» (нарушение классического сценария, ведение флешмоба по-русски) и др.

Совершенно очевидно, что изменения социально-культурного плана с идентификацией сообщества отражаются в языке, который является одновременно и базой данных, и инструментом познания происходящих изменений. Американская национальная идентичность сегодня изобилует огромным количеством сокращений, конкретизацией лексики, коротких слов широкого спектра значений, что является внешним маркером того темпа жизни, который сегодня задан в обществе США. Данное явление активно представлено в официальной сфере, когда на каждой странице встречается множество сокращений, малоизвестных широкому читателю организаций, например, в работах Джозефа Ная: OSS — Office of strategic service (Управление стратегических служб), OWI — Office of wartime information (Управление военной информации), USIA — United States Information Agency (Информационное агентство США). Молодежь, профессиональные сообщества активно употребляют сокращения в своем общении. Любители компьютерных игр «Counter-Strike» используют сокращения «gl hf» (Good luck, have fun: Удачи, получайте удовольствие) «K/D» (Kill/Death Ratio: рейтинг игрока, который считается по формуле: «количество убийств, деленное на количество смертей»). Среди тех средств, которые активно используются для Twitter, СМС-сообщений, email-переписки, практически каждая единица представляет собой сокращенную форму. Активно используются следующие аббревиатуры: «TTML» (talk to me later — поговори/позвони мне позже), «WBU» (What about you? — А как ты?), «TBH» (to be honest — честно говоря), «AIYC» (as if you

care — будто это тебя волнует!), «ICUМI» (in case you missed it — на случай, если ты это пропустил/не знаешь).

Кроме того, в языке всех слоев американского населения активно используются легкокомпонуемые единицы: *thing, stuff, goods, man, guy, deal, good, bad...* (вещь, товары, человек, парень, сделка, дело, хороший, плохой и проч.). Фразы с ними можно найти в политических новостях, например, у Трампа: «I think I would have a *very, very good* relationship with Putin and I think I would have a *good* relationship with Russia, или Having a *good* relationship with Russia is a *good thing, not a bad thing*» («Я думаю, что у нас с Путиным будут очень, очень хорошие отношения, и я думаю, что Россия — это хорошо, а не плохо»). Благодаря конкретизации появляется масса слов в потоке устной и письменной речи, которые имеют суженное значение: development (изобретение), frame-rate (количество кадров в компьютерной игре, которые позволяют играть эффективно), lag (задержка действий из-за плохого интернет-соединения). И это лишь небольшой пласт языковых изменений, которые сегодня характеризуют культурно-языковую идентичность американцев.

Наряду с этим наглядны и особенности этнической идентичности тех наций, которые в больших количествах населяют территорию США. Одним из самых ярких примеров является Spanglish. Данный креольский язык [8] активно используется в южных штатах США, и сегодня основные отличия лежат в сфере лексики: to park (парковаться) — parquear (park + estacionar); to check (проверять) — chequear (check + verificar); car (автомобиль) — carro (car + coche); bike (горный велосипед, мотоцикл) — baka (bike + bicicleta). В данном примере английское слово дается на креольском языке и объясняется той испанской лексикой, которая привела к неологизмам в Spanglish.

Сегодня мы можем найти примеры признаков глобальной идентичности в сообществах компьютерщиков и в социальных сетях. Этот новый вид идентичности обязательно включает космополитизм, принадлежность к обществу потребления, активное использование социальных сетей, приверженность профессиональной идентичности. Одним из таких примеров является сообщество Кремниевой долины, основатели и активные пользователи социальных сетей, которые являются космополитами, поскольку представляют собой «вавилонское столпотворение» и придерживаются системы взглядов, основанной на отказе от признания приоритета национальной культуры перед традициями и культурой других стран и народов [7].

Они создают продукцию без культурных характеристик, а судя по героям компьютерных игр и программ — часто на отрицании национально-государственной идентичности, изображая «плохими парнями» русских, иранцев, мусульман и другие народы, которые получили «черную метку» от «глубинного правительства» США.

Все создатели программ, игр и пользователи социальных сетей являются яркими представителями общества потребления, поскольку они активно продвигают рекламу, внедряют маркетинговые разработки, осуществляют поддержку для онлайн-сервисов и многое другое. Сама организация интернет-сообществ

способствует объединению пользователей по профессиональной идентичности через блоги и блогеров. Культура блогерства предполагает участие как специалистов, так и полных профанов, где каждый знаменитый блогер пытается найти свой неповторимый шрифт и стиль и сам становится иконой стиля для интернет-зависимых сообществ.

Интернет-сообщество внесло свой вклад как в создание собственного профессионального сленга, так и в активное внедрение культуры Instagram и Twitter в способы коммуникации, что зафиксировали многие языки. Изменения, которые глобализация несет национальной идентичности, отмечаются исследователями в китайском языке, что часто отражает то, насколько сильно глобальные тренды влияют на современное общество, изменяя значения слов, что подробно исследовал Ван Синхуа в своей работе о новых лексических единицах в китайском языке [3]. Например, иероглиф «帝(dì)» имеет значение «бог, божество, император», но интернет-сленг внес изменения в значение данной единицы, которое теперь активно комбинируется с другими единицами в значении «мастер, знаток в какой-то сфере деятельности». Ван Синхуа приводит следующие новообразования: «游戏帝(yóu xì dì)» (сумасшедшие геймеры, поклонники компьютерных игр); «炒作帝(chǎo zuò dì)» (специалист по пиару, на основе книги «Пиар» Чжан Ии).

Среди других высококомбинаторных единиц Ван Синхуа дает другие примеры сферы интернет-сленга: «族(zú)» (группа людей, объединенная общей деятельностью или характеристиками), как, например, «爱闪族(ài shǎn zú)» (любители фотошопа); «布波族(bù bō zú)» (молодые люди с хорошим образованием, высокооплачиваемой работой, свободные и независимые, продвигающиеся по карьерной лестнице).

Интересно изменение значения иероглифа «哥(gē)», что ранее означало «старший брат, вежливое обращение». Сегодня интернет-среда придала ему смысл «одобрительного, порицательного, пренебрежительного отношения автора к реальности» [Там же]. Данный иероглиф является ярким представителем тех изменений в жизни Китая, которые происходят под влиянием культа селфи, блогерства, интернет-событий на повседневную жизнь китайцев, и отражает идентичность блогосферы Китая. Например, иероглиф «耍斗哥(yùn dòu gē)» (парень, который снимает ролики о том, как он виртуозно гладит одежду) указывает на стремление молодежи выделиться, создать свой центр притяжения идентичности. Иероглиф «专拍哥(zhuān pāi gē)» отражает изумление следующим хобби: мужчина три месяца фотографировал машины госслужащих и размещал тысячи фотографий в Интернете, что вызывает недоумение; или «高考哥(gāo kǎo gē)» — человек, который четыре года подряд отлично сдавал вступительные экзамены в вузы, но так и не пошел учиться.

С 2008 г. в интернет-коммуникации появился иероглиф «囧» [Там же] для выражения грусти, печали, шока, безысходности, как, например, «囧文(jiǒng wén)» — рассказ, текст, который приводит в шоковое состояние; «囧片(jiǒng piàn)» — картины, которые приводят в состояние ужаса; «裸(luǒ)» — человек, шокирующий тем, что он обнаженный, голый. В интернет-сленге есть слова с этим иероглифом в значении «отсутствие чего-либо»: «裸 裸奔(luǒ bēn)» — писать

анонимно или «裸辞 (luǒ cí)» — уволиться, не имея другого рабочего места. Данные единицы получили новую жизнь и комбинаторику в Интернете, стали своего рода интернет-сленгом, который отражает жизнь китайского социума в глобальной сети Интернет.

На основании проведенного исследования можно сделать некоторые выводы, главным из которых является то, что для развития глобализации на данный момент все более актуальной становится культурная идентичность, которая приобретает не только государственное, но и цивилизационное значение. Культурная идентичность является естественным результатом процесса развития, но глобализация создает и искусственные формы идентичности в разных сферах — гендерную, сетевую, профессиональную, молодежной субкультуры, интернет-блогерства и др.

Кроме того, в некоторых странах и сообществах актуальным становится деление идентичности на национальную, этническую и глобальную, каждая из которых обладает своими характеристиками и лингвистическими особенностями. Более того, все большую власть приобретают интернет-сети, которые служат источником профилирования идентичностей для молодежных субкультур, флешмобов, геймерского объединения, блогерства, создавая свой собственный стиль и сленг. Сленг всех новых видов идентичности является важнейшим инструментом для познания мировосприятия этих идентичностей. Установка на унификацию культур и унификацию глобальной идентичности актуальна лишь частично для западных культур, в то время как в других культурах наблюдаются центробежные тенденции и возрождение своих национальных идентичностей. При этом эволюция идентичности во всем мире вбирает через Интернет особый способ восприятия действительности, и это находит отражение в новых словообразовательных моделях сленгов, что было проиллюстрировано на примере русского и китайского языков.

1. Большая игра. Сломай систему // Русская энциклопедия Традиция [Электронный ресурс]. URL: https://traditio.wiki/%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0%D1%8F_%D0%98%D0%B3%D1%80%D0%B0_%C2%AB%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%B9_%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%83%C2%BB (дата обращения: 13.04.2019).

2. Бурченкова Л. Ш. Субкультуры как новая форма идентификации с точки зрения субъектно-объектного подхода // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 316–320.

3. Ван Синхуа. Новые лексические единицы в современном китайском интернет-сленге // Филологические науки в России и за рубежом : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2017 г.). СПб. : Свое издательство, 2017. С. 26–31 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/258/13323/> (дата обращения: 28.09.2019).

4. Каганов Л. А. Мусульмане из разных стран запустили флешмоб против террора [Электронный ресурс]. URL: <https://znaj.ua/ru/news/world/28959/terorizm-ce-ne-religiya-musulmani-zapustili-povij-fleshmob-.html> (дата обращения 20.02.2018).

5. Коды смайлов emoji в Контакте [Электронный ресурс]. URL: <https://k-94.ru/p/emoji/> (дата обращения: 17.02.2016).

6. Корниенко О. Ю. Культурно-языковая идентичность: традиционный и современный подходы // Alma mater. 2017. № 9. С. 101–104.

7. Космополитизм // *Философская энциклопедия* [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/560/%D0%9A%D0%9E%D0%A1%D0%9C%D0%9E%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%98%D0%A2%D0%98%D0%97%D0%9C (дата обращения: 12.05.2019).
8. Креольский язык // *Академик* [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/23531> (дата обращения: 12.05.2019).
9. *Anhier Helmut K., Jurgensmeyer M.* Identities, Traditional // *Encyclopedia of Global Studies*, Vol. 2. Los Angeles ; L. ; New Delhi ; Singapore ; Washington : SAGA, 2012.
10. *Carman A.* Filtered extremism: how ISIS supporters use Instagram // *The Verge*. 2015. 9 Dec.
11. «Defendant in Emulex Hoax Sentenced»: Securities and Exchange Commission, Litigation Release No. 17094, Aug. 8, 2001 [Electronic resource]. URL: <http://www.sec.gov/litigation/litreleases/lr17094.htm> (accessed: 14.02.2019).
12. *Garvey M.* Look For Me in the Whirlwind [Electronic resource]. URL: <http://marcusgarvey.com/?p=697> (accessed: 12.01.2019).
13. *Giddens A.* Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age Stanford. CA : Stanford University Press, 1991. P. 34.
14. *Hall S., du Guy E.* Questions of cultural identity. L. : SAGE, 1996.
15. *Hall S.* The question of cultural identity // *Modernity and its future*. Cambridge UK : Open University, 1992.
16. *Heywood A.* Global Politics. Palgrave Foundations : Palgrave Macmillan, 2011.
17. *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. ; L. ; Toronto ; Sydney, 2001.
18. *Mathews G.* Global culture/individual identity. Searching for home in the cultural supermarket. L., 2001.
19. *Ritzer G.* The globalization of nothing 2. Thousand Oaks, CA : PineForge, 2007.
20. *Tonnies F.* Gemeinschaft und Gesellschaft: Abhandlungen des Communismus und des Socialismus als empirische Kulturformen. Leipzig, 1887.

Рукопись поступила в редакцию 19 октября 2019 г.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 316.728 + 101.9 + 159.923 + 124.5

Ант. А. Сысолятин
Ал. А. Сысолятин

ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАК ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ: ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОБРАЗ ЖИЗНИ»

В статье проводится анализ понятия «образ жизни» как способа выражения единства избираемых человеком ценностей. Обращение к ряду известных философских концептуализаций жизни позволяет провести различие между функциональным и субстанциальным его описаниями и поставить вопрос о содержательном единстве понятия «образ жизни».

К л ю ч е в ы е с л о в а: жизнь, образ жизни, переживание, одиночество, личность, ценности.

Вопрос об образе жизни в философском контексте на первый взгляд кажется вопросом несамостоятельным. Он отсылает нас к представлению о том, каков есть тот человек, который соответствует определенному образу жизни, с другой стороны — философы чаще всего склонны думать об образе жизни человека, определенным способом мыслящего. Однако вопрос образа жизни объединяет философские и нефилософские представления и становится вопросом о том, кто и какими средствами обеспечивает для себя определенный порядок, регламент жизни.

При таком его осмыслении образ жизни рассматривается как нечто зависимое, функционально обусловленное жизнью в ее особом качестве (философская, творческая, самоотверженная, бессмысленная и т. д.). Образ жизни в отношении самой жизни оказывается ее вторичной характеристикой, которая позволяет другим людям получить знание о нас («Как вы живете?» — «Я живу так-то и так-то»). Однако интуитивное употребление словосочетания «образ жизни» все же сопротивляется подобному функциональному пониманию. Начнем с того, что само

понятие жизни страдает хронической недоопределенностью. Одним из следствий этого является концептуальная разнородность споров о жизни: биологические, этические, социально-политические, медицинские стили понимания смешиваются друг с другом. Очевидная невозможность начинать определение с самой вещи требует от нас предварительно указать отправную точку рассуждения.

Исходным пунктом рассмотрения жизни является ее временной характер, поскольку даже вечная жизнь, несомненно, мыслится только в соотношении со временем. Согласно кантовскому определению время есть форма чувственности, внутренняя по своему характеру [4, 67–69]. Временной синтез создает непрерывность получаемого нами опыта, а также связан с его финальной цельностью и непротиворечивостью. Среди «здоровых» людей нет убежденных в том, что течение опыта нарушается бессознательными состояниями (например, сном), даже долгими и глубокими. Это также позволяет нам считать цельной и непрерывной, а потому — единой и единственной, свою личность. Личность и считается чаще всего той концептуальной привязкой, которая позволяет различным стилям рассуждения находить компромисс относительно определения жизни.

Личность является с формальной точки зрения схемой синтеза, которая позволяет включить в течение опыта даже тот опыт, который еще не был получен. Речь идет как о простых вещах (предвосхищение движения тел, регулярное появление небесных светил), так и о нашей вере в то, что мы не перестаем существовать ни в какое мгновение [16, 39–40]. Экзистенциальная вера настолько сильна, что для нас оказывается совершенно недоступным составить силой воображения представление о своей смерти: мы можем вообразить муки умирания, но они конечно же принадлежат тому же самому течению опыта и не выпадают из него. Проще говоря, в понятии жизни достигается синтез актуального и не-актуального времени, наступившего и ненаступившего, куда входит и время прошедшее, поскольку наступить оно не может.

Для того чтобы концептуализировать образ жизни независимо от множества определений жизни, необходимо критически рассмотреть идею синтетичности. Жизнь не удастся описать как нечто целиком данное и завершенное, даже если самое существенное в ее содержании — это временная схема, принимающая произвольное эмпирическое содержание. В этом случае рассказ об образе жизни становится «протоколом» событий — временной последовательностью, которая описывает случившееся с конкретным человеком. Кроме того, несмотря на утверждение единства личности во временном синтезе, между разными личностями не обнаруживается существенных отличий. «Первое указание нам может дать смысл слова Другой — другое Я; alter означает alter-ego, и то Его, которое здесь подразумевается, — это я сам, конституированный внутри своей собственной исходно-первичной сферы. <...> Теперь предположим, что в области нашего восприятия появляется другой человек... естественно, определенная часть меня самого (имманентная трансцендентность)» [1, 142]. «Протокол» фиксирует лишь привходящие черты личности, то есть в определенном смысле личность как схема временного синтеза принадлежит единому Большому Человеку, в котором сливаемся все мы в концептуальной неразличимости.

Если результат синтеза оказывается универсальным по характеру, нам необходимо найти способ не-универсализирующего рассмотрения жизни, и самым первым предположением будет негативное: синтетический характер и принципиальная незавершенность жизни — ошибка. Станным образом получается так, что процедура, позволяющая включать внутрь синтеза разнообразные содержания, создает эффект безразличия к этим самым содержаниям. Можно выразить это в виде формулы: жизнь уничтожает образы жизни. Тем самым требуется предположить, что образ жизни позволяет создать такое понимание жизни, в котором она является уже данной и завершенной, как если бы жизнь вся полностью заключалась в том образе, который ей принадлежит.

Образ жизни преобразует жизнь в нечто, обладающее подлинной единичностью и неделимостью. Более того, не существует соответствующей конкретному образу аналитической процедуры (как всегда бывает в случае синтеза), которая позволила бы реконструировать процесс преобразования жизни как бы перемоткой в обратную сторону. Это верно, поскольку образ ничего не порождает, а является кьеркегоровским скачком, переводящим из не-истины сразу в истину [8, 19–21]: процедура, протокол, пошаговое фиксирование перехода в этом случае невозможны.

Образ жизни учреждает жизнь в качестве субстанциального существования, которое, будучи рассмотрено как функциональное единство, ничего субстанциального в себе не имеет. Субстанциальное в данном случае означает неподменяемое, неизменяемое и непереводимое. Можно сравнить это с учреждением мира — автономного и неподдающегося принудительному открытию извне, например, через всем известный язык. Этим утверждается уникальность и «непрозрачность» индивидуального существования, то есть то обстоятельство, что индивидуальное существование не является функционально определенным. В свою очередь, это означает, что нет аналитической процедуры приписывания бытия индивидуальному существованию: оно не существует в качестве сущего [14, 128]. Образ в случае такого понимания жизни не будет указывать на то, что существует множество способов ее проживания, тем более не станет основанием их классификации. Он должен определяться полностью и исключительно в отношении той жизни, которая дана и учреждает себя в этой данности таким образом, что ставшее совершенно необратимо.

Изучение образа жизни функционально является «этологией» жизни — того, что стало для нее свойственным в силу повторения одних и тех же действий с течением времени. Субстанциальное изучение образа жизни не обращает внимания на поведенческую историю и пытается решить проблему окончательного осуществления жизни, то есть вывести жизнь за пределы временного синтеза. Субстанциальное понимание «образа жизни» выражается в ответе на вопрос «какова твоя жизнь?» или «какой жизнью ты живешь?». Оно предполагает, что мы становимся во внешнюю по отношению к своей фактической жизни позицию, чтобы ее оценить. Однако описание ценностей, которых мы придерживаемся при совершении поступков, не имеет никакого отношения к субстанциальным оценкам. Оценить жизнь вообще, в целом, невозможно, занимая внутреннюю

«биографическую» позицию, поскольку ценности, руководящие действиями, все равно остаются частью биографии, замкнутой в определенном времени.

Различие оценок, руководящих нашими действиями в рамках «биографической» перспективы, и оценок субстанциальных, находящихся в перспективе жизни как целого, было концептуально обосновано Ф. Ницше. Он ставит проблему ценностей в рамках более масштабного философского проекта, который предполагал отказ от использования эссенциалистского языка для описания человека. Ключевым вопросом здесь является отношение между представлениями о человеке и о субстанции или Абсолюте.

Путь, пройденный классической философией (начиная с Античности), где финальной точкой жизни (то есть всех содержаний, которые вообще могут быть приписаны человеку) полагался некий Абсолют, в глазах Ницше оказался исчерпанным. Это означает не то, что идея Абсолюта была исчерпана (например, что было выяснено все возможное ее содержание), а то, что вопрос, заданный по отношению к Абсолюту, больше не казался осмысленным [12, 33–34]. Именно это и ставит проблему ценностей в современном виде: как можно указать основание ценностей (и шире — человеческого существования), если мы откажемся от апелляции к некоему их абсолютному источнику?

Сравним позицию Ницше с другой критической позицией — картезинской. Решившись в рамках картезианства на радикальное сомнение, мы предпринимаяем попытку отказать от привычных мнений и начинаем строить знание исходя из нашего собственного разума, однако наша цель заранее известна — реконструкция. Отказ от уже имеющегося знания и его критика происходят «экспериментально», потому что, скажем так, мир уже был помыслен, и мы не можем сказать, что мыслим «с чистого листа» [2, 19–20]. Мы не идем так далеко, чтобы задать вопрос, каково было бы мыслить в самый первый раз. Человеческое существование в этом случае наделяется чертами автономности, но фундаментальные основания остаются за пределами ему: Абсолют является пусть и не первым, но все же искомым основанием.

Ницше ведет речь о кардинальном перевороте: человеческое существование по-прежнему может быть описано исходя из перспективы, например, родовой формы человека (иначе бы это не имело отношения к человеческому существованию), но при этом уже не форма является ключевым условием существования. В идею данного условия не вкладывается смысл какой-либо сущности, потому что еще до всякого указания сущности необходимо найти способ, которым можно осуществить какое бы то ни было указание. В той перспективе вопроса о человеческом существовании, где абсолютность уже не может быть основанием рассуждения, Ницше пытается найти нечто, что позволит двигаться без предварительных установлений и при этом выйти за пределы «биографического» описания жизни [13, 158].

Образом жизни, который лучше всего соответствует состоянию неопределенности, по мнению Ницше, следует назвать одиночество. Некто одинокий обладает знанием о неопределенности, и это знание не конструктивно. Тем не менее, покидая пределы рациональности, мы не покидаем пределы знания вообще. Внутри

европейской философской традиции это означает, что мы должны войти в область чувственного знания. Однако в этом случае снова происходит переворот перспективы: прежде располагавшиеся иерархически, мышление и чувственность оценивались как уровни знания, и мы были гораздо больше заинтересованы в уровне мышления, который сулил достижение подлинно человеческого существования. Теперь же, когда мы предпринимаем попытку уйти от предзаданной оценки, оба рода познания возникают в той же неопределенности, и чувственность приобретает новое значение. Если прежде в ней видели знание неопределенное или «темное», а значит — недостаточное (кажется, господствующее мнение в доницшевской традиции [3, 157–160]), то теперь именно в чувственности обнаруживается то неожиданное знание, которое открыло смысл неопределенности.

Одинокий несомненно что-то чувствует, и это «переживание» составляет содержание одиночества: нечто может быть познано и привычным дискурсивным образом, но гораздо важнее то, что обнаруживается при погружении в переживание. Напряжение требования — переживайте совместно со мной — было ясно и самому Ницше. Принципиальная характеристика «переживания» — это инаковость, и оно при этом связано не с каким-то локальным уходом от других. В одиночестве, о котором говорит Ницше, открывается нечто, что можно назвать «миром» [10, 322]. Это значит, что понимание-переживание должно состоять в открытии того самого «мира». Ницше высказывает подозрение, которое может, вероятно, смутить нас: он утверждает, что одиночество, которое мы сейчас обсуждаем, является божественным одиночеством, одиночеством самого Бога. Мы рискуем выразить это положение такими словами: парадоксальная позиция человека, которая проявляется как неопределенность одиночества, оказывается образом Бога, и в образе Бога Ницше находит яркое воплощение своего чувства — первооткрывателя нового мира: «В том, что меня занимает, заботит, поддерживает, у меня никогда не было ни сообщника, ни товарища; жаль, что нет Бога, а то был бы все-таки хоть один посвященный...» [Там же, 232].

Образу Бога свойственно одиночество в первую очередь, и всякое осмысление одиночества приходит к фигуре Бога. То, что Ницше хочет совершить, представляется попыткой окончательно устранить опасность принять неопределенность за нечто фундаментальное (то есть, например, назвать образ Бога источником, основанием или «образцом» одиночества). Одиночество, рассмотренное само по себе, не может обладать образцовым содержанием. В одном из афоризмов из «По ту сторону добра и зла» Ницше обращает внимание именно на эту особенность одиночества: «Вокруг героя все становится трагедией, вокруг полубога — сатирической драмой, а вокруг Бога все становится — чем же? быть может, “миром”?» [11, 92]. Беря последнее слово в кавычки, Ницше будто намекает, что образ Бога претендует на нечто иное, чем разыгрывание истории или постановку действия. По сравнению с тем, что создают вокруг себя образы героя и полубога, божественный «мир» оказывается почти недоступным для понимания.

Открытый Ницше мир переживания как принципиально одинокого переживания составляет для нас специфическую проблему двоякого рода. С одной стороны, он не является совершенно неразличимым или невидимым для позиции,

которую мы назвали «биографической», иначе никакое знание, даже на уровне указания «это есть», не было бы возможным. Это означает, что две несоизмеримые позиции неким неясным образом контактируют друг с другом. С другой стороны, одиночество формирует такую перспективу жизни, изнутри которой и о которой извне не удастся сформулировать определенного и устойчивого описания. Рассказ об одинокой жизни, который можно передать другому человеку, не может существовать. Интереснее же всего то, что за пределами одинокого мира переживания жизнь не оценивается как целое, то есть всегда рассматривается лишь как часть чего-то другого.

Парадоксальное соседство этих перспектив жизни может быть проиллюстрировано концепцией одной с Ницше эпохи — трех модусов человеческого существования, разработанной С. Кьеркегором. Модусы (эстетический, этический, религиозный) составляют последовательность состояний жизни (мы бы сказали — образов жизни), которые радикально отличаются друг от друга. Различие между эстетическим и этическим модусами на первый взгляд полностью соответствует делению на «биографическое» и субстанциальное выражение жизни: «Вопрос здесь стоит в том, в каких определениях человек собирается рассматривать все налично существующее и жить сам. <...> Ибо эстетическое — это не зло, но нечто безразличное, и именно поэтому я и говорил, что этическое образует выбор. <...> Тот, кто выбирает этическое начало, выбирает добро, однако добро это здесь совершенно абстрактно, его бытие здесь только полагается, и отсюда никоим образом не следует еще, будто выбирающий не может снова выбрать зло, коль скоро прежде он уже выбрал добро» [6, 645].

Безразличие эстетика может быть понято полнее всего перед лицом этика: если второй стремится в каждом жизненном содержании (вещи, событии, чувстве и т. д.) принять какое-либо решение, осуществить ценностное полагание, то первый никогда не приступает к выбору и лишь следует за всем, с чем сталкивается в жизни. Позиция этика может показаться выражением искомой неизменности (субстанциальности) жизни [5, 324], однако Кьеркегор подчеркивает, что этический выбор не может быть совершен однократно, раз и навсегда. «Биографический» рассказ с позиции эстетика будет состоять из встретившихся и впечатливших человека «случаев» в его жизни, этическая жизнь превратит его в рассказ о том, как менялись чьи-либо убеждения и представления о мире. Этику, вероятно, вполне доступно переживание одиночества как покинутости другими людьми, которые отвергли его убеждения, но это одиночество все-таки может быть рассказано благодаря тому, что его маркируют создавшие его ценности. Тем самым эстетический и этический модусы следует объединить в рамках «биографического» выражения жизни.

Религиозный модус отличается от этического так же, как субстанциальное понимание жизни отличается от функционального. Основной его характеристикой Кьеркегор называет абсурд: «Вера — это как раз такой парадокс, согласно которому единичный индивид в качестве единичного стоит выше всеобщего, единичный оправдан перед всеобщим, не подчинен ему, но превосходит его. <...> Авраам представляет собой веру, и вера находит себе в нем естественное

выражение. <...> Он действует силой абсурда; ибо это действительно абсурд, что он, в качестве единичного индивида, стоит выше, чем всеобщее» [7, 53]. Абстрактный характер добра, которое выбирает этический человек, прежде всего проявляется как неокончателность добра: даже если человек на протяжении всей жизни совершает одинаковые выборы, хранит верность своим убеждениям, он сохраняет также и возможность изменить им. В конечном счете предельный горизонт этического — это всеобщее благо (самый лучший выбор), которое всегда оказывается чрезмерным для отдельного человека.

Идея наилучшего возможного выбора является основанием отказа от одной ценности ради другой. Религиозный образ жизни тоже указывает нечто предельное и наилучшее, но то, что он указывает, вовсе не является каким бы то ни было благом и не позволяет оценивать отдельные жизненные содержания. Вера, в описании Кьеркегора, не останавливается ни на отдельных случаях, ни на конкретных принципах, руководящих действиями, но сразу же апеллирует к Абсолюту. Эта апелляция не имеет какой-либо внешней цели и происходит, что самое важное, без исходного обоснования: Авраам ничем не смог бы объяснить свое намерение принести в жертву единственного сына. Таким образом, вера обладает теми же самыми характеристиками, включая несообщаемость, которые были обнаружены у одинокого мира переживания.

Судя по всему, вера в таком понимании не должна обладать ценностным преимуществом по сравнению с другими модусами существования, в силу которого мы могли бы стремиться стать религиозными как можно скорее. Одинокое переживание, осмысленное как божественное одиночество или одиночество перед лицом Абсолюта, потеряло бы субстанциальный характер, если бы какими-либо чертами привлекало к себе или казалось более предпочтительным по сравнению с другими состояниями жизни, поскольку это предполагало бы его сопоставимость, а тем самым и содержательное сходство с другими состояниями [15, 159–160]. Вероятно, различимость мира переживания наряду с другими образами жизни не основана ни на чем ином, кроме как на укорененности их всех в человеческом существовании, однако это слишком абстрактное основание, из которого никак не следует, что некоторые из образов жизни могут быть предпочтительнее других. Вместе с тем нельзя упускать из внимания, что только из перспективы одиночества жизнь может быть оценена как нечто целое: во всех остальных случаях мы будем наблюдать жизнь только как часть чего-то другого. Именно в силу того, что понимание жизни, выраженное религиозным языком, предоставляет возможность оценивания, отсутствующую в других названных перспективах, возникает опасность перенести часть традиционных религиозных смыслов на само это понимание.

Открытие Ницше и Кьеркегором нового языка переживаний, внутри которого обнаруживается несообщаемый мир, совершенно не случайно было сопряжено с фигурой Бога. Задача описания принципиального разрыва в способах существования совершенно естественно, при отсутствии иных подходящих концептуальных инструментов, была ими решена с использованием религиозного языка, имеющего богатую традицию [9]. Однако такое решение спровоцировало

появление уже в философии XX в. специфической идеи подлинного человеческого существования, сохранившей в себе весь объем ценностных преимуществ, которыми наделялась в религиозном дискурсе приближенная к Богу позиция. Экзистенциалистская философия истолковала разрыв между способами описания человеческой жизни (общеизвестным функциональным миром и одиноким миром переживания) как противостояние, скрытый или явный конфликт, предметом борьбы в котором является смысл, — точно так же, как в традиционном религиозном языке оспаривалась вечная участь человека противопоставленными полюсами существования: святость и грех. Тем самым был учрежден мир некоей философской аскезы, прямо никак не связанный с религиозной аскезой, но повторяющий ее существенные черты.

К. Ясперс ясно и недвусмысленно очерчивает границы ситуации, в которой человек получает возможность даже не просто создать, но осуществить возвращение или же восстановление памяти о подлинном образе своего существования: «Однако человек как отдельный индивид никогда не растворяется полностью в порядке существования, которое оставляет ему бытие только как функцию, необходимую для сохранения целого. Он может, правда, жить в аппарате благодаря тысячам связей, от которых он зависит и внутри которых он действует; но поскольку он там в своей заменяемости столь безразличен, будто он вообще ничто, он восстает, если уже ни в каком смысле не может быть самим собой» [17, 323]. Бытие человека, открывающееся ему как самобытие, соответствует одинокому миру переживания, — в данном случае оно является принципиальной задачей, поскольку отказ от самобытия однозначно оценивается как отказ от человечности.

М. Хайдеггер в ходе анализа повседневного человеческого существования обнаруживает, что различные описания жизни тем не менее не противопоставлены друг другу и не являются условными полюсами смысла и бессмысленности: «Конечно, люди так же мало наличны, как присутствие вообще. <...> Нельзя ни поспешно декретировать, что эти люди суть “собственно” никто, ни впадать в мнение, будто феномен онтологически интерпретирован, если его “объясняют”, скажем, как суммированный задним числом результат совместного наличия многих субъектов. <...> Человек не есть также и нечто наподобие “всеобщего субъекта”, парящего над множеством. <...> Люди есть экзистенциал и принадлежат как исходный феномен к позитивному устройству присутствия» [14, 128–129]. Человеческое существование включает в себя как разноуровневые компоненты оба понимания жизни, что могло бы навести на мысль об их рядоположенности и возможном равенстве, но перед несобственным бытием все-таки ставится задача отыскания и перехода к собственному: «Самость повседневного присутствия есть человеко-самость, которую мы отличаем от собственной, то есть собственно взятой на себя самости. Как человеко-самость присутствие всегда рассеяно в людях и должно себя сперва найти» [Там же, 129].

Отношение между функциональным и внутренним мирами оказывается тем самым весьма запутанным, поскольку основание необходимости перехода от одного к другому и ценностного преимущества одного из них остается неясным.

Даже если бы образ жизни как мир одинокого переживания и не отказывался от функционального существования, он все равно сохранял бы, в силу оторванности, отгороженности от последнего — стремящегося вобрать в себя как можно больше «биографических» вариаций — ценностную дистанцию. Причиной этого, помимо исторической преемственности по отношению к дискурсу религиозному, является, вероятно, философское убеждение о принадлежности разных способов описания жизни к одной и той же реальности. Требовательность открытого экзистенциализмом собственного способа существования человека заключается в неустранимости связи с многочисленными способами несобственного существования. Однако в ходе анализа мы увидели, что можно мыслить себе внутренний мир без всякой связи с внешними функциональными мирами. Фигура Бога и аскетическая позиция могут быть рассмотрены как один из многих вариантов указания на мир переживания, который исключает сообщение. Два способа описания жизни могут мыслиться не просто как равные, но и как совершенно не связанные, ни в чем никогда не пересекающиеся, а потому — не способные к противостоянию и конфликту.

Вопрос об образе жизни, поставленный нами как вопрос о различных способах описания людьми своего существования, в ходе рассмотрения изменил смысл. Разделение на функциональное и субстанциальное понимание жизни оказалось не просто набором жизненных или исследовательских альтернатив, которые могут изменяться в зависимости от наших интересов. Предпочтение, которое мы отдаем тому или иному образу жизни, оказывает соответствующее воздействие на характер нашего существования в целом. Это означает не только то, что, находясь внутри определенной перспективы жизни, мы почти не способны содержательно понимать другую ее перспективу, но и то, что мы не можем произвольно покинуть одну, чтобы перейти в другую. Несмотря на то что функциональное и субстанциальное описания составляют общее поле возможностей проживания людьми своей жизни, отдельные фрагменты этого поля в значительной степени автономны, и даже наличие общей для них основы (как образов именно человеческой жизни) не позволяет свободно пересекать разделяющие их границы.

-
1. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М., 2010.
 2. Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1994.
 3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч. : в 8 т. Т. 7. М., 1994.
 4. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 4 т. Т. 2/1. М., 2006.
 5. Косорукова А. А. Моральный выбор как основа понимания морали (на примере идей С. Кьеркегора и Ф. Ницше) // Вестн. РУДН. М., 2017. № 1.
 6. Кьеркегор С. Или — или. СПб., 2011.
 7. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 2010.
 8. Кьеркегор С. Философские крохи. М., 2009.
 9. Лунгина Д. А. Бог и выдуманное в XIX веке // Вестн. МГУ. М., 2017. № 1.
 10. Ницше Ф. Письма. М., 2007.
 11. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч. : в 13 т. Т. 5. М., 2012.
 12. Ницше Ф. Сумерки идолов // Ницше Ф. Соч. : в 13 т. Т. 6. М., 2009.

13. *Ницше Ф.* Юный Ницше: Автобиографические материалы. М., 2014.
14. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
15. *Штегмайер В.* Наслаждение свободой человеческого выбора. «Тип Спасителя» у Ницше // Вестн. СПбГУ. СПб., 2015. № 1.
16. *Юм Д.* Исследование о человеческом познании // Юм Д. Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1996.
17. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.

Рукопись поступила в редакцию 12 июля 2019 г.

УДК 111.8 + 115 + 123 + 130.1

О. М. Мухутдинов

ВРЕМЯ И «Я МЫСЛЮ». ПОНЯТИЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В КРИТИКЕ ЧИСТОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА КАНТА*

Феномен трансцендентальной субъективности прежде всего связывается с понятием трансцендентального единства апперцепции «Я мыслю», сопровождающим все представления. Полное определение феномена трансцендентальной субъективности предполагает исследование отношения единства апперцепции к чистому первичному пассивному синтезу времени. Трансцендентальная субъективность является основанием возможности чистых синтетических суждений а priori и источником происхождения основных онтологических категорий. Трансцендентальная субъективность является принципом конституции мира природы как взаимосвязи явлений по законам рассудка и одновременно — принципом конституции мира практической свободы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: трансцендентальная субъективность, синтез, время, «Я мыслю», практический разум, свобода.

Темой настоящего небольшого исследования является феномен трансцендентальной субъективности. Исследование носит вводный характер: на примере кантовской системы критики разума здесь демонстрируются возможные пути выявления субъективности субъекта. Традиционно представление о трансцендентальной субъективности связывается с картезианской идеей *res cogitans* — «мыслящей субстанции», являющейся непоколебимым основанием достоверного познания. Но если Декарт включает в понятие мышления «все то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем», и таким образом указывает, что «не только понимать, хотеть, воображать, но также и чувствовать есть то же самое, что мыслить» [1, 316], то обсуждение идеи трансцендентальной субъективности у Канта ограничивается, как правило, чистой первоначальной апперцепцией «Я мыслю», сопровождающей все мои представления [4, 191]. Это означает, что феномен трансцендентальной субъективности в кантовском понимании

* Исследование подготовлено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-011-00925).

рассматривается исключительно в рамках трансцендентальной логики, а именно — в разделах, посвященных разъяснению принципов трансцендентальной дедукции категорий, с одной стороны, и критике паралогизма чистого разума — с другой. Нисколько не пытаясь преуменьшить значение трансцендентальной логики для выявления феномена трансцендентальной субъективности, я все же хотел бы задаться вопросом: не предполагает ли аналитика субъективности обращения к исследованию конституции совокупной системы опыта, заключающей в себе не только теоретическое, то есть опирающееся на чувственность и мышление, но также и практическое отношение к действительности? Такая аналитика должна была бы содержать развернутую интерпретацию:

1) условий возможности допредикативного опыта (исследование априорных принципов трансцендентальной эстетики);

2) принципов конституции предмета познания (исследование априорных принципов трансцендентальной логики, в том числе феномена трансцендентального единства апперцепции);

3) тезиса о существовании общего источника чувственного и рассудочного познания (учение о схематизме чистых рассудочных понятий);

4) утверждения о взаимосвязи чистой первоначальной апперцепции «Я мыслю» и моральной личности как способности чистого рационального определения воли и, таким образом,

5) представления об отношении временной структуры субъективности субъекта и его практической свободы.

В заключение остается лишь добавить, что трансцендентальная субъективность является феноменом в самом строгом феноменологическом смысле, а это, в свою очередь, означает, что аналитика феномена субъективности служит основанием для всех исследований, связанных с объективным описанием различного рода феноменов, данных в естественной установке. По утверждению Гуссерля, «Кант стремится отыскать в субъективности или, иначе говоря, в отношении между субъективностью и объективным [миром] предельное определение смысла объективности, постигаемой в познании» [11, 386]. Но если в рамках объективирующего подхода субъективность субъекта присутствует нетематически, то задачей феноменологического исследования становится выявление и тематизация этого основополагающего феномена.

1. Выявление феномена трансцендентальной субъективности в горизонте теоретического познания

Понятие трансцендентального субъекта «Я мыслю», сопровождающего все мои представления, является ключевым для кантовской системы онтологии природы. «Я мыслю» определяется как синтетическое единство самосознания. Это синтетическое единство является необходимым условием синтеза категорий. Поэтому «синтетическое единство апперцепции есть высший пункт, с которым следует связывать все применение рассудка, даже всю логику и вслед за ней трансцендентальную философию; более того, эта способность и есть сам рассудок» [4, 193].

Приведенное здесь замечание Канта относится к переработанному во втором издании «Критики чистого разума» разделу, посвященному трансцендентальной дедукции категорий и отражает общее намерение представить движение чистого априорного синтеза в качестве результата деятельности рассудка. Тем не менее представление о *синтетическом* характере самосознания «Я мыслю» позволяет утверждать, что феномен трансцендентальной субъективности — субъективности субъекта «Я мыслю» — связан также с идеей чистого чувственного познания. Этот тезис подтверждается заимствованным у самого Канта аргументом: «Если бы чувственность а priori содержала представления, составляющие условия, при которых нам даются предметы, то она бы входила в трансцендентальную философию» [4, 124]. Положение, первоначально сформулированное Кантом в сослагательном наклонении, составляет на деле определяющее основание всей системы критики разума.

Интерпретация кантовской теории чувственного познания является первым шагом на пути к выявлению феномена трансцендентальной субъективности. Представление о предшествующей метафизике негативной науке, «в которой будут определены значимость и границы принципов чувственности» [6, 522], именуемой в письме Ламберту общей феноменологией (*phaenomenologia generalis*), в первой «Критике» уступает место идее трансцендентальной, то есть онтологической, эстетики. Конститутивный характер априорных принципов чувственности для совокупной системы человеческого познания определяется положением, согласно которому предметы познания должны сообразоваться с соответствующим способом созерцания. Созерцанием называется непосредственное отношение к предмету познания. Акт созерцания обнаруживает предмет, в акте созерцания предмет *дан*. Поэтому созерцание является источником всякого познания. Деятельность мышления заключается в представлении предмета созерцания в понятии.

Здесь следует устранить одно недоразумение, касающееся перевода вступительного предложения первого параграфа «Трансцендентальной эстетики». Кант утверждает, что созерцание и мышление являются средствами познания, при этом созерцание — акт непосредственного представления предмета, мышление же рассматривается как опосредованное представление, функция которого состоит в том, чтобы служить средством для определения содержания созерцания: «Auf welche Art und durch welche Mittel sich auch immer eine Erkenntnis auf Gegenstände beziehen mag, so ist doch diejenige, wodurch sie sich auf dieselbe unmittelbar bezieht, und worauf alles Denken als Mittel abzweckt, die *Anschauung*» (A 19, B 33). В русском переводе: «Каким бы образом и при помощи каких бы средств ни относилось познание к предметам, во всяком случае *созерцание* есть именно тот способ, каким познание непосредственно относится к ним и к которому как к средству стремится всякое мышление» [4, 127]. Проблемным является перевод фрагмента «worauf alles Denken als Mittel abzweckt», ибо смысл кантовского положения заключается в том, что именно мышление является средством для созерцания. Мышление в качестве средства стремится к созерцанию, поэтому «всякое мышление» является лишь «средством» и всякое мышление состоит на службе у созерцания, основанием

мышления является созерцание предметов, оно служит для объяснения и определения того, что становится доступным в акте созерцания» [10, 83]. Представление о приоритете созерцания в совокупной системе человеческого познания является основанием радикальной интерпретации идеи познания как мыслящего созерцания (*das denkende Anschauen*) [9, 24].

Созерцание, возникающее в результате воздействия предмета на способность познания, называется чувственным. Чувственное созерцание, возникающее как результат воздействия на способность представления внешних объектов, является по своему происхождению эмпирическим. Корреляты эмпирического чувственного созерцания суть явления как предметы допредикативного опыта. Явления суть действительные предметы конечного человеческого познания. Принципом корреляции эмпирических созерцаний и явлений как неопределенных предметов этих созерцаний является восприимчивость (рецептивность) эмпирического субъекта познания. Однако для решения вопроса о возможности чистого синтетического познания а priori необходимо предположить существование чистого, неэмпирического созерцания.

Принципом такого чистого априорного созерцания должна была бы стать чистая неэмпирическая восприимчивость (чистая рецептивность). Такую рецептивность а priori Кант связывает с феноменом внутреннего чувства: «То, что может существовать как представление раньше всякого акта мышления, есть созерцание, и если оно не содержит ничего, кроме отношений, то оно есть форма созерцания. Так как эта форма представляет нечто лишь постольку, поскольку это нечто полагается в душе, то она есть не что иное, как способ, каким душа воздействует на себя своей собственной деятельностью, а именно полаганием своих собственных представлений, стало быть, через самое себя, т. е. внутреннее чувство по своей форме» [4, 149]. Этот способ, каким субъект «воздействует на себя своей собственной деятельностью» (*Selbstaffektion*), и называется чистой восприимчивостью. Сфера чистой восприимчивости внутреннего чувства может быть определена как сфера первичного пассивного синтеза, как структура чистого созерцания, которая одновременно является универсальным горизонтом представления всех явлений возможного опыта.

Формой восприимчивости внутреннего чувства, формой внутреннего созерцания и вместе с тем чистым созерцанием как условием представления всех явлений в опыте является время. Время определяет структуру актов созерцания: всякое созерцание является представлением предмета в настоящем времени (*praesentatio, Gegenwärtigung*). В акте созерцания осуществляется первичная конституция предмета во времени. Именно на этом факте основано утверждение Канта о трансцендентальном преимуществе времени перед пространством. Несмотря на то что Кант ограничивается тезисом, согласно которому время есть «непосредственное условие внутренних явлений (нашей души) и тем самым косвенно также условие внешних явлений» [Там же, 138], на деле именно феномен времени является основанием возможности априорного синтеза, посредством которого конституируется всякий акт созерцания, а вместе с ним — предмет допредикативного опыта.

Идея первичной пассивности (*Urpassivität der Selbstaffektion*) является исходным пунктом интерпретации способа существования субъективности «Я мыслю». Во второй редакции «Критики чистого разума» Кант формулирует принципиальное положение: «Должно быть *возможно*, чтобы я *мыслю* сопровождало все мои представления; в противном случае во мне представлялось бы нечто такое, что вовсе нельзя было бы мыслить, иными словами, представление или было бы невозможно, или по крайней мере для меня не существовало бы» [4, 191]. Первоначальное единство апперцепции «Я мыслю» делает возможным эмпирическое тождество сознания во всех его представлениях. Поэтому феномен *personalitas transcendentalis* предшествует феномену *personalitas empirica*.

Однако функция трансцендентального единства апперцепции заключается не только в том, чтобы вносить единство в содержание эмпирического сознания. Конституция предмета познания в трансцендентальной логике — в системе категориального определения онтологического статуса предмета — осуществляется в процессе синтеза единства апперцепции «Я мыслю» и времени как чистого созерцания *a priori*. Поэтому только в трансцендентальной логике становится возможным полное определение феномена трансцендентальной субъективности и тем самым полное определение трансцендентальной структуры опыта. Решающим шагом на пути исследования априорных принципов конституции предмета познания («трансцендентального принципа единства всего многообразного [содержания] наших представлений» [Там же, 711]) становится признание синтетического характера актов, посредством которых возникает представление о единстве содержания наших созерцаний. Поэтому Кант заявляет: «Трансцендентальное единство апперцепции относится к чистому синтезу воображения как к априорному условию возможности всякой связи в одном знании» [Там же, 712].

Здесь следует еще раз вернуться к прояснению кантовского представления относительно априорных принципов организации человеческого познания. Всякое эмпирическое познание опирается на формальную априорную структуру (структуру трансценденции субъективности субъекта). Единство синтеза представленного в эмпирическом созерцании содержания конституирует предмет эмпирического познания. В трансцендентальной аналитике понятий Кант показывает процесс конституирования предмета на онтологическом (неэмпирическом) уровне. В этом случае под предметом познания следует понимать то, что возникает в качестве результата деятельности единства апперцепции по отношению к чистому синтезу трансцендентальной способности воображения, то есть к синтезу первичной пассивности. Если свести воедино основные определения трансцендентальной аналитики, то возникнет следующая картина:

1. Единство апперцепции в отношении эмпирического синтеза созерцаний дает понятие рассудка. То же самое единство апперцепции в отношении к чистому первичному пассивному синтезу времени дает понятие чистого рассудка или полную идею трансцендентальной субъективности.

2. Эта трансцендентальная субъективность является источником чистых синтетических априорных суждений: «Суждение есть не что иное, как способ приводить данные познания к объективному единству апперцепции» [Там же, 198].

3. Трансцендентальная субъективность является источником происхождения категорий (чистых онтологических предикатов). Категории суть единства чистого синтеза времени [8, 36].

4. Эти онтологические категории являются правилами, в соответствии с которыми становится возможным определение предмета познания. Предмет познания в формальном определении — нечто=X — это трансцендентальное единство чистого первичного пассивного синтеза, или трансцендентальное единство чистого синтеза времени.

Эти четыре пункта определяют внутреннее единство кантовской теории опыта. Радикальная интерпретация данной теории осуществляется в рамках феноменологии трансцендентальной субъективности. Только на основании полной интерпретации идеи трансцендентальной субъективности могут быть даны дефиниции категорий. В комментарии к таблице категорий Кант говорит: «В настоящем сочинении я намеренно не даю дефиниций перечисленных категорий, хотя и мог бы сделать это. В дальнейшем я расчленю эти понятия до той степени, которая необходима для разрабатываемого мной учения о методе. В системе чистого разума можно было бы с полным основанием потребовать от меня этих дефиниций, но здесь они только отвлекали бы от главного пункта исследования, вызывая сомнения и нападки, которые лучше направить на другие дела, нисколько не вредя нашей цели по существу» [4, 177]. Однако в учении о схематизме чистых рассудочных понятий Кант дает общие дефиниции категорий количества как единства представления о последовательном синтезе однородных единиц, категорий качества как представлений о единстве в отношении синтеза содержания наших ощущений, за которыми следуют дефиниции отдельных категорий (реальности, отрицания и т. д.). Поэтому именно трансцендентальная субъективность является условием возможности чистых синтетических суждений *a priori* и функционирующих в них категорий, а тем самым и условием возможности предметов опыта.

Следующим шагом в рамках проекта, посвященного исследованию феномена трансцендентальной субъективности в кантовской системе критики разума, является феноменологическая аналитика практического разума.

2. Выявление феномена трансцендентальной субъективности в горизонте практического познания

Выявление феномена трансцендентальной субъективности в системе чистого теоретического познания опирается на представление об основополагающей функции единства апперцепции «Я мыслю» в совокупной системе возможного опыта. При этом полное понятие трансцендентальной субъективности содержит в себе представление о необходимой связи апперцепции «Я мыслю» и чистого первичного пассивного синтеза времени (*die Synthesis der Urpassivität der Selbstaffektion*). В системе практического познания такая интерпретация кажется в высшей степени сомнительной в силу следующих соображений. Прежде всего, в «Критике практического разума» Кант в принципе не пользуется понятием

трансцендентального единства апперцепции. Определяющую роль в построениях практического разума играет понятие моральной личности (*personalitas moralis*) как способности чистого рационального определения воли к поступку. «Субстанцией» моральной личности является идея практической свободы. Далее, основанием системы практической философии Канта является теория двух миров, а именно: с одной стороны, представление о взаимосвязи явлений, подчиненных принципу естественной причинности в универсальном горизонте времени, а с другой — представление о свободной причинности умопостигаемого мира. Практическая свобода человека в чувственно воспринимаемом мире является следствием признания принадлежности человека умопостигаемому миру в качестве *Ding-an-sich*. В этом случае идея свободы, составляющая сущность понятия моральной личности, как кажется, исключает всякую мыслимую связь с феноменом времени, то есть с первичной пассивностью, в которой конституируется мир теоретического познания. В таком случае трансцендентальная субъективность «Я мыслю» и моральная личность должны рассматриваться как абсолютно самостоятельные принципы. Но это значило бы, что между первой и второй «Критиками» существует непреодолимая пропасть, то есть означало бы правоту критиков Канта, указывавших на отсутствие в системе Канта принципиального единства ее частей.

Возможность выявления феномена трансцендентальной субъективности в системе практического разума основывается на исходной предпосылке, согласно которой одна и та же трансцендентальная способность является принципом конституции мира природы как взаимосвязи явлений по законам рассудка и равным образом — принципом конституции мира практического существования разумных существ. В перспективе такая позиция предполагает переосмысление кантовского способа построения практической философии, поскольку Кант движется здесь от основоположений практического разума к категориям свободы и далее — к моральному чувству уважения. Если исходить из представления о том, что трансцендентальная субъективность является основанием возможности как теоретического, так и практического применения разума, то следует допустить, что первичная пассивность чистого синтеза времени, определяющая способ бытия трансцендентальной субъективности, каким-то образом связана с идеей практической свободы.

Схематически аналитика феномена трансцендентальной субъективности с позиции трансцендентально-практической философии может быть выстроена следующим образом. В «Основах метафизики нравственности» Кант различает два типа метафизики — метафизику природы и метафизику нравственности [5, 222]. Фундаментальной дисциплиной всякой метафизики является онтология как система всеобщих определений сущего. Теория, содержащая чистые понятия метафизики природы, называется трансцендентальной философией, или онтологией природы. Соответственно теория, содержащая основные понятия метафизики нравственности, должна называться онтологией свободы. Такая онтология должна включать в себя принципы практического разума и связанные с этими принципами чистые понятия практического разума (категории свободы [2, 389]).

Категории свободы являются определениями чистой воли, поэтому исследование вопроса о происхождении чистых понятий практического разума осуществляется как феноменология чистой воли.

Темой трансцендентально-феноменологической аналитики становится феномен практического существования обладающих разумом существ в мире. Мир практического существования является универсальным горизонтом взаимосвязи действий и поступков в коммуникативном пространстве. Отправным пунктом феноменологической аналитики практического существования в мире становится феномен личного мира. Под личным миром понимается горизонт системы ценностей, определяющий предпочтения, способы принятия решений и основанные на них практические действия конкретного индивида. Принцип единства, лежащий в основании взаимосвязи системы ценностей конкретного личного мира, называется максимой (в кантовском понимании этого термина как принципа субъективного определения воли). Максима устанавливает подвижные либо неподвижные пределы личного мира (границы или горизонты в собственном смысле слова). Взаимодействие горизонтов личных миров определяет различные возможности движения исторической жизни.

Применение практически-эгологической редукции позволяет приостановить действие максимы в качестве исключительно субъективного принципа, что открывает возможность выявления общего горизонта взаимосвязи ценностей интересубъективного мира (мира сосуществования). Необходимость такой редукции связана с представлением о том, что система ценностей конкретного личного мира формируется во взаимодействии с различным образом организованными пространствами интересубъективного коммуникативного взаимодействия. Максима широкого образа мышления [3, 307] позволяет тематически определить горизонт интересубъективного мира.

Следующий этап аналитики практического существования связан с осуществлением интересубъективной редукции. Задачей интересубъективной редукции является «заключение в скобки» практически-эмпирического содержания феномена интересубъективного мира. С одной стороны, это дает возможность определить принципы организации такого мира и установить их происхождение в соответствующем эмпирически-практическом разуме, а с другой — осуществить переход от любого эмпирически-практического представления об интересубъективном мире как мире совместного существования к трансцендентальному понятию универсального горизонта всемирности. Идея универсального горизонта всемирности является основанием радикальной феноменологической интерпретации кантовской системы практического разума. Тематическое выявление структуры универсального горизонта всемирности в категорическом императиве [7, 24] является актом, прямо подтверждающим действительность идеи практической свободы в ее положительном значении.

В актах трансцендентально-феноменологической редукции осуществляется радикальное «заключение в скобки» мира как универсального горизонта. Целью этой редукции становится выявление феномена трансцендентальной субъективности.

Трансцендентальная субъективность и универсальный горизонт всемирности являются коррелятами. Исходя из полученного здесь предварительного результата, можно вести речь о существовании коррелятивного практического а priori между феноменом трансцендентальной субъективности, являющейся основанием всей системы чистого и практического разума, и феноменом мира, который из трансцендентально-феноменологической перспективы понимается как универсальный горизонт всемирности существования всех разумных существ. При этом понятие трансцендентальной субъективности не сводится исключительно к представлению о теоретическом единстве самосознания «Я мыслю», но понимается скорее в смысле первоначально-практического феномена «Ich kann» («Я могу») [12, 355; 10, 379]. Чистый синтез настоящего времени как условие возможности существования трансцендентального субъекта и практическая свобода бытия в мире как условие возможности тематического выявления универсального горизонта всемирности оказываются в таком случае связанными определениями.

1. *Декарт Р.* Первоначала философии // Декарт Р. Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1989.
2. *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 4, ч. 1. М., 1965.
3. *Кант И.* Критика способности суждения // Там же. Т. 5. М., 1966.
4. *Кант И.* Критика чистого разума // Там же. Т. 3. М., 1964.
5. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Там же. Т. 4, ч. 1. М., 1965.
6. *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980.
7. *Мухутдинов О. М.* Кант и Гегель, мнимое право и «мир наизнанку» // Кантовский сборник : науч. журн. 2016. Т. 35, № 3.
8. *Мухутдинов О. М.* Кант и проблема онтологии // Эпистемы. Вып. 8. Екатеринбург, 2013.
9. *Heidegger M.* Kant und das Problem der Metaphysik. Vittorio Klostermann, Frankfurt a/M., 1973.
10. *Heidegger M.* Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft. Marburger Vorlesung, Wintersemester 1927/28 // Heidegger M. GA, Bd. 25. Vittorio Klostermann. Frankfurt a/M., 1987.
11. *Husserl E.* Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil: Kritische Ideengeschichte // Hua VII. Martinus Nijhoff, Den Haag, 1956.
12. *Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Erster Teil : 1905–1920 // Hua XIII. Martinus Nijhoff, Den Haag, 1973.

Рукопись поступила в редакцию 01 ноября 2019 г.

УДК 141.201 + 165 + 113/119 + 929 Розанов

Б. В. Емельянов

В. В. РОЗАНОВ: ФИЛОСОФ ИЛИ МЫСЛИТЕЛЬ?

В статье рассматриваются становление философских взглядов В. В. Розанова (1856–1919) и попытка их оформления в монографии «О понимании» (1886), явившейся предвосхищением многих идей герменевтики. Объясняются ее неудача, переход Розанова от философии как науки к философской публицистике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: В. В. Розанов, философия, познание, понимание, потенция, человек, космос.

Сто лет назад, 23 января (5 февраля) 1919 г., скончался Василий Васильевич Розанов — один из самых выдающихся религиозных мыслителей России. Через несколько лет после смерти, особенно после статьи Л. Троцкого в «Петроградской правде» от 21 сентября 1922 г. «Мистицизм и канонизация Розанова», в которой он назвал его «заведомой дрянью, трусом, приживальщиком, подлипалой» [6, 46], его работы перестали публиковать, а имя не стало упоминаться в печати. И только в начале 90-х гг., когда исчезла диктатура партийной идеологии, историки русской общественной мысли открыли оригинальность идей этого философа и публициста. За последние годы опубликованы десятки его книг, 30-томное собрание сочинений, а в 2008 г. издана уникальная «Розановская энциклопедия», на 2419 страницах которой опубликовано 1187 статей, относящихся к жизни и творчеству Розанова. Ни у одного русского философа, включая В. С. Соловьева, ничего подобного нет.

Меня, как историка русской философии, особо интересует первый этап эволюции Розанова-мыслителя, когда он попытался создать свою философскую систему, чему я и посвящаю этот историко-философский очерк.

Интерес к философии у Розанова появился рано, еще до университета, и не без влияния Дж. С. Милля. Позже он вспоминал: «Я прочел “Утилитаризм” Д. С. Милля — первую философскую книгу, которая произвела на меня большое впечатление в особенности потому, что сквозь частные и временные интересы, умственные и житейские впервые показала мне область интересов общих и постоянных... С величайшим интересом прочел 2 части “Исследований” Д. С. Милля — вторую философскую книгу, которая мне попала» [4, 686–687].

Большие надежды получить цельное философское образование Розанов возлагал на обучение в Московском университете. Учился он на историко-филологическом факультете, и его профессора многое дали студенту Розанову, кроме профессора М. М. Троицкого (1835–1899), читавшего ему курс философии. Если на первых двух курсах лекции Троицкого по истории древней философии Розанову «особенно нравились», то позже Троицкий для него был не более чем «приверженцем английского позитивизма», далеким от глубокого, собственно философского анализа действительности, который «вообще всякую философию считал “глупостью” (кроме позитивистской)» [1, 16].

С Троицким связан один эпизод философской эволюции Розанова, о котором он позже вспоминал: «Перейдя со 2-го курса на 3-ий, я написал на каникулах небольшое исследование: “Об основаниях теории поведения”, содержащее разбор и опровержение мнений, излагаемых обычно Троицким, и подал ему его; он представил его на факультет и, как я узнал от него на экзамене уже на следующий год, мне присуждена была за него премия Исакова» [4, 691]. Это событие важно для понимания смены философских ориентиров Розанова-студента. Проблемы свободы, правды, счастья стали интересовать его больше, чем позитивистская схоластика общих проблем. Особенно его заинтересовала проблема счастья. В «Автобиографии» Розанов вспоминал: «Будучи убежден в ее верховной истинности, я свой внутренний мир и свою внешнюю деятельность стал мало-помалу приводить в соответствие с нею. И постоянный анализ, вечно критическое отношение к своим поступкам и их приноравливанию к этой идее стало предметом моей внутренней жизни» [Там же, 689].

Любимым профессором в университете у Розанова был профессор истории В. И. Герье (1837–1919), который не только высоко оценил его итоговую работу за 3-й курс, но и по окончании университета предложил остаться в его стенах и начать научную карьеру. Если бы Розанов принял это предложение, Россия, зная его трепетное отношение к философии, думаю, получила бы философа высочайшей квалификации. Но Розанов отказался.

За годы обучения в университете он на примере лекций профессора Троицкого убедился, насколько он не свободен, в силу его профессиональных обязанностей, в изложении философских представлений. Оставшись в университете, Розанов наверняка сдал бы магистерские экзамены, защитил магистерскую и докторскую диссертации, изложив в них свои философские представления о мире, познании и человеке. Но вряд ли они бы соответствовали глубине философских представлений автора этих диссертаций. Поэтому-то Розанов выбрал свободу мысли, полагая, что ее даст работа преподавателем гимназии. И на 11 лет отдался ей, учительствуя в гимназиях Брянска, Елецка, Белого. Эта работа оказалась не его призванием, не была творческой, угнетала его. Но она не повлияла на его решение изложить в виде философской системы свои представления о взаимосвязи человека — познания — космоса. За пять лет упорного, ежедневного труда Розанов оформил их в монографию в 47 печатных листов с авторским названием «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» и в 1886 г. в Московском издательстве Лисснера и Романа издал ее тиражом в 600 экземпляров.

Подзаголовок книги объясняет, какую задачу поставил перед собой автор: определить возможность существования «цельного знания» (термин этот применяли уже славянофилы), его проявления как науки, его сущность, научный потенциал. Задумав свое исследование как философский трактат, Розанов озаботился его структурой, исходными принципами и вытекающими из них следствиями. В монографии три больших раздела. Первый он назвал «Определение науки», раскрыв в нем ее предмет, содержание и сущность, дав характеристику разуму как источнику науки, идеям как схемам разума и основным формам понимания.

Второй назван «Строение науки». В нем 20 глав, в которых анализируется влияние принципа понимания на строение науки при одновременном исследовании мышления и его форм. Третий Розанов назвал «Соотношение между наукою, природою человека и его жизнью». При этом в каждом из разделов он обращался к анализу понимания как научного термина. Это была первая в истории философии попытка рассмотреть его научное употребление, представить понимание как функцию разума, потенцию познания.

Работа Розанова была направлена против позитивизма, абсолютизации опыта, характерной для большинства современных ему наук и философских построений. Он же утверждает, что «господствующее положение... должно принадлежать не опыту и наблюдению, но умозрению направляющему их» [3, 20]. А умозрение (разум) обеспечивает понимание, связано с ним, выражая себя в семи схемах разума: существования (бытия), сущности (природы бытия), свойств (атрибутов) существующего и познаваемого, происхождения (причины), следствия (цели) существующего и происходящего, сходства и различия (качества), числа (количества). Каждая отдельная наука связана с той или иной «схемой разума», ориентирована на познание одной из сторон бытия. В совокупности они представляют понимание как единство «познающего (разума), познания (процесса) и познаваемого — космоса (природно-материального мира) и мира человеческого (духовного)» [5, 1759].

При этом Розанов не забывает и о потенциальном бытии, которое еще только *может* осуществиться. Ему он посвящает несколько страниц своей монографии, а затем, как он вспоминает позже, стал обдумывать план второй монографии «О потенциальности и роли ее в мире физическом и человеческом», «после которой, мне казалось, нужно поставить “точку” всякой философии и почти всяким книгам. Потенция — это незримое, полу-существующие, четверть-существующие, сото-существующие формы (существа) около зримых (реальных). Мир “как он есть”, — лишь *частица* и *минута* “потенциального мира”, который и есть настоящий предмет *полной* философии и *полной* науки. Изучение *переходов* из потенциального мира в реальный, законов этого перехода и условий этого перехода, вообще всего, что в стадии перехода проявляется, наполняло мою мысль и воображение. И, словом, мне казалось, что “моя философия” обнимает ангелов и торговлю» [1, 116]. Эта книга так и осталась в планах Розанова, хотя об идее потенциальности он размышлял еще долгие годы.

Еще одну попытку определить объем своих философских представлений Розанов предпринял в Елецкой гимназии, когда с учителем классических языков П. Д. Первовым приступил к переводу «Метафизики» Аристотеля, к которому он написал комментарии и предисловие. Как вспоминал Первов, «работа требовала исключительного проникновения и тонкость наивысшей отвлеченной мысли... Это было какое-то непрерывное философское вдохновение. Работа на этих высотах мышления настолько захватывала, что вся текущая проза жизни представлялась каким-то ненужным сном. И это было лучшее время жизни» [7, 43]. Первые пять книг они печатали в «Журнале министерства народного просвещения» в течение 5 лет — с 1890 по 1895 г. А предисловие под названием «Заметки о важнейших

течениях русской философской мысли, в связи с нашей переводной литературой по философии» Розанову удалось опубликовать в журнале «Вопросы философии и психологии» (1890. № 3). Но и эта его попытка участвовать в философской жизни страны оказалась малопродуктивной.

Печальная участь ожидала главную философскую книгу Розанова. Ее содержание, чуждое абстрактных рассуждений, не нашло отклика у читателей. Автора поддержал лишь один Н. Н. Страхов, который в своем разборе книги наряду с рядом критических замечаний указал на своевременную постановку проблем понимания и оригинальность их трактовки Розановым. Все остальные отклики на книгу были отрицательными и даже ругательными. Приведу отрывок лишь одного из них — Л. З. Слонимского «О понимании Вас. Розанова». Он пишет: «Понимание как нечто независимое от науки и философии, стоящее вне и выше их, более несомненное и обширное, чем они, — это просто логический абсурд... Так как исходная точка совершенно произвольна и основное положение автора никуда не годится, то и весь труд является напрасным... только личным пониманием г. Розанова... и кропотливая работа, предпринятая с фантастической целью, остается лишь одним из наиболее курьезных проявлений мнимой философской самобытности» [5, 1762]. Тираж остался нераспроданным и ушел в макулатуру.

Те немногие читатели книги не увидели главного — попытки не абстрактного, а реального понимания жизни во всей ее полноте. Для Розанова строгий аппарат философской конструкции не был самоцелью в построении системы. В книге нет ссылок на работы предшественников, их оценок, критики других точек зрения, а была попытка представить свое понимание как *взгляд* автора на суть «понимания», его связь с жизнью, которая для автора никогда не была философской абстракцией. Считаю, что с этой книгой Розанов в историю русской философии вошел как оригинальный русский мыслитель.

Такую его оценку мы встречаем уже у многих его современников. Одна из них принадлежит П. А. Флоренскому. В одном из своих ранних писем Розанову он писал: «Мне кажется, что Вы не философ, ибо философия есть система и форма прежде всего. Однако для меня нет сомнений, что новые данные, открытые Вами в тайниках быта и духа, найдут своего формовщика; не знаю, через 50, через 100 лет, но это случится рано или поздно, подобно тому, как Бёме истолкован Шеллингом, Баадером и отчасти Гегелем в системе. Пока этого не будет, Вы в своем существе не будете вполне поняты почти никому; рассуждать с Вами нельзя, т. к. Вас можно и должно слушать только; те же, которые рассуждают, ухватывают внешний облик и говорят не о Вашем, как таковом, а о случайной форме писаний; собственного образа у писаний Ваших нет, они безобразны, как и то, что они вполне выражают, но под разрозненными заметками скрывается громадный материал, запас новых, непосредственных данных для выработки мировоззрения, данных, имеющих несколько не меньшее значение, чем вновь открываемые факты в области естествознания» [2, 10–11]. Это последнее замечание П. А. Флоренского подтверждает современный ученый академик А. Н. Паршин в своих статьях о Розанове — «Лестница отражений (от гносеологии к антропологии)», «Розанов и наука».

Приведенные нами аргументы позволяют сделать вывод, что, выполняя свою задачу построить своеобразную философскую систему понимания, Розанов, противопоставив ее господствующему в философии позитивизму, вышел на потребность понимания бытия в его потенциальности и выступил как *мыслитель*, далекий от философских абстракций.

-
1. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. М., 1991.
 2. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Кн. 2. М., 2010.
 3. *Розанов В. В.* О понимании М., 1995.
 4. *Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1990.
 5. *Сарычев Я. В.* О понимании // Розановская энциклопедия. М., 2008.
 6. *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991.
 7. *Фатеев В. А.* В. В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность Л., 1991.

Рукопись поступила в редакцию 9 сентября 2019 г.

АФОРИЗМЫ УЧЕНЫХ

УДК 115 + 159.937.53

М. А. Мальшев

ВРЕМЯ И ПРОХОДИТ, И НЕПРЕРЫВНО ДЛИТСЯ

Избранные афоризмы

Можно ли надеяться, что противоречия между разумом и эмоциями, долгом и желаниями, добром и злом, справедливостью и счастьем, заложенные многомиллионной эволюцией в бытие человека, могут быть преодолены за счет нескольких тысячелетий развития цивилизации? Удастся ли разуму наших потомков спасти *эволюционный проект человечества* от угрозы исторического краха?

Человеку, охваченному страстным желанием, кажется, будто время — это натянутый лук, а сам он — стрела, в любой миг готовая сорваться с тетивы и полететь навстречу заветной цели.

Если реальная история есть то, что случилось, то изучение прошлого включает и описание того, что случилось, и намек на то, что не случилось, но могло бы произойти. Без сослагательного наклонения историческое повествование лишается оценки, а историк перестает быть судьей своих предков.

Прошлое и будущее, подчиня *настоящее* своему диктату, норовят превратить его в *заложника* ностальгических воспоминаний или в *глашатая* неосуществимых надежд.

Жизнь — это ирония. И чего другого следует ожидать от мудрости, которая «исправляет» наши заблуждения в сослагательном наклонении.

Завтра непременно наступит, но произойдет это *сегодня*, и суровая проза настоящего развеет очарование надежды, которую мы возлагали на загадочно-таинственное будущее.

Человек уделяет столько внимания заботам о будущем, что *по-настоящему* и не живет в настоящем.

Мы не знаем, что нам готовит будущее. Если бы это было иначе, мы не расставались бы с такой легкостью со своим настоящим, чтобы потом со слезами на глазах «воскрешать» его в своих ностальгических грезах.

Все мы заложники сослагательного наклонения, пленники нереализованных возможностей, честолюбцы, жаждущие обратить время вспять, чтобы мысленно извлечь из упущенной возможности виртуальную выгоду.

Окончательному выбору жизненного маршрута предшествует ощущение легкого опьянения перед веером различных возможностей. Принятое решение наполняет человека радостью, но одновременно навеивает и грусть из-за отказа от других, не менее интригующих вариантов.

Борцы за «светлое будущее» заклеили своих противников скептиками и маловерами, а затем объявили их «врагами народа» и безжалостно уничтожили за попытку предостеречь *неистовых прометеев* от авантюризма, связанного со строительством коммунистического рая.

Человечество уже вошло в такую историческую фазу, в которой каждое новое поколение наследует от предыдущего не только сумму производительных сил, но и, подобно выючному животному, вынуждено *тащить на своем горбу* все нарастающий груз «завещанных» ему генетических уродств и экологических аномалий.

От всех других живых существ человека отличает сознание собственной смерти, но еще больше *стремление не умирать* — самое абсурдное и самое неискоренимое из всех его желаний.

Одни люди покрыты носорожьей кожей, а другие — сплошной комок нервов: что одним только смутно грезится, то другие переживают как ужасный кошмар.

Гамлетскую антитезу: *быть* или *не быть* — можно снять *прозябанием на грани жизни и смерти*.

Несчастье находит утешение в словесных излияниях, а счастьем не хватает, к несчастью, воображения для занимательного рассказа.

Желание выжить превращает человека в волка, а *стремление жить хорошо* заставляет волка облачаться в овечью шкуру.

Власть, слава и богатство превратили человека в «сверхчеловека». Но сверхчеловек, пониженный до звания «рядового», увы, ощущает себя «недочеловеком».

Человек раскрывается не столько в своих достижениях, сколько в своих неудачах, а еще больше в тех оправданиях, которые он дает последним.

Верующие в Бога пытаются изобрести нечто прекраснее самой жизни, тогда как «верующие в человека» не оставляют надежды саму жизнь сделать прекрасной.

С волками жить — по-волчьи выть, а жить с людьми — значит уметь терпеть своих сородичей, которых человек презирает, но без которых, увы, он не может обойтись.

Сущность человека была бы другой, если бы он не проявлял зависти к тем, чьи таланты располагаются выше его способностей, и презрения к тем, чьи возможности находятся ниже его умений.

Что такое угрызение совести, как не *шантаж* настоящего прошлым в сослагательном наклонении.

Научись уважать себя. Если ты и не сумеешь извлечь из собственного достоинства никакой выгоды, то, на худой конец, сможешь достойно переносить обиды, связанные с «заговором молчания» по поводу твоих заслуг.

Когда мы становимся участниками или свидетелями необычайных событий, наше удивление подогревается тем, что мы воображаем себя в роли рассказчиков необыкновенных историй.

Мы бунтуем против судьбы в двух ее ипостасях: *неминуемого*, ожидающего каждого из нас, но которого нам хотелось бы избежать, и *утраченного*, которое мы хотели бы не только «воскресить» в своей памяти, но и вернуть назад в сослагательном наклонении.

Жизнь без цели лишена смысла. Но стоит человеку поставить перед собой цель, как та норовит подчинить себе всю его жизнь.

Жизнь — это учитель, который постоянно задает нам каверзные вопросы, но объясняет окончательный смысл своих уроков только в сослагательном наклонении.

Разочарование выщипывает перья из крыльев надежды, зато вырабатывает иммунитет против отчаяния.

Я мыслю, а следовательно, влачу жалкое существование из-за низкого коэффициента эффективности моей банальной мысли.

Мгновение — это *атом времени*, по образу и подобию которого соткана вечность — чистое настоящее, лишённое воспоминания о прошлом и заботы о будущем.

Чтобы снять с себя бремя исторической ответственности, большевики объясняли причину своих неудач живучестью буржуазных *предрассудков, отставанием общественного сознания от общественного бытия* и *обострением классовой борьбы по мере развития социализма*.

Если тебе говорят, что назад дороги нет, это означает, что впереди тебя ожидает нелегкая жизнь.

Кого не может убедить разум, того, возможно, образумит время, но, увы, слишком поздно, чтобы снова взяться за ум и наверстать упущенное.

Монотонность настоящего — это время, которое не ведет ни к какой развязке, это длительность, скроенная по образу и подобию переживаний меланхолика.

Если жизнь в настоящем исчерпывается только надеждами на лучшее будущее или воспоминаниями о славном прошлом, значит, это настоящее не является *настоящим*.

Что такое вечность, как не время, вынесенное за пределы становления, *оскопленное* настоящее.

Жизнь обязывает нас платить за все, даже за то, что, возможно, никогда и не произойдет, ведь пути иронии судьбы неисповедимы.

Часть жизни мы проводим в жалобах на несправедливость, а другую часть — во вздохах по неосуществленным возможностям, которые, увы, находятся за пределами наших способностей.

История повторяется не только потому, что потомки не желают учиться на ошибках своих предков, но и потому, что последние старались скрыть свои заблуждения или списать их на козни истории.

Время стирает как то, что случилось, так и то, что не случилось, но *могло бы произойти*. Поэтому прошлое предстает перед настоящим в виде *царства необходимости*.

Что такое жизнь, как не вечные заботы сегодня, питаемые неизбывной иллюзией уменьшить их бремя завтра, которое, увы, не только не снижается, а нарастает. Причина этого *невротического* бега в неизвестное будущее коренится в том, что мы думаем, будто «остановка» равносильна «падению», время — деньгам, а спешка — синоним бьющего через край бытия.

Если тебя забросили в бытие и ты не осмелился с ним расстаться, найди достаточное основание для достойного существования в отведенных тебе жизнью пределах.

Одержимый манией подозрительности не признает случайности. Во всем, что происходит, он стремится отыскать скрытое намерение или по крайней мере достаточное основание.

Превращая трепет надежды в сарказм неудачи, разочарование делает нас если *не умудренными, то менее наивными*.

Что такое идея бессмертия, как *не отчаянный вызов* сумасшедшей надежды, брошенный в лицо безутешной скорби, не способной отличить фикцию от реальности.

Нелегко приходится тому, кто нагружает сегодняшний день завтрашними заботами и вчерашними невыполненными обязательствами.

Если хочешь покоиться в *пантеоне истории*, постарайся, если сможешь, обогнать эпоху, в которую тебя «забросили» жить. А если ты не находишься на высоте современности, то тебя погребут на кладбище с покривившимися крестами.

Почти все деспоты рода человеческого исходили из убеждения, будто их кровавые деяния были окроплены *божественным промыслом* или освящены *железными законами* истории.

Нацеленные на будущее, мы лелеем иллюзию отвлечься от прозаической реальности *здесь и сейчас*. Но боль в пояснице или зуд под мышкой возвращает нас в *жалкое настоящее*.

Кого только не встретишь на свалке истории: и свирепых тиранов, и серийных убийц, и нравственных уродов. Но преобладают в ней перфекционисты, сторонники максимы «Все или ничего!».

Чужая мысль не только духовно развивает читателя, но и, как показывает история, может поработить человека и сделать его своим духовным рабом.

Настоящее проклинают, из настоящего пытаются совершить побег, в настоящем умирают от скуки, и только в состоянии *экстаза* настоящее становится поистине *настоящим*.

Каприз случайности вкупе с иронией судьбы делают закон достаточного основания недостаточным, и мы «исправляем этот дефект» в сослагательном наклонении.

Нет более изощренного софиста в мире, чем уязвленное самолюбие, — «виртуоз» по части оправдания своих неудач в сослагательном наклонении.

Кто способен смеяться над собой, тот не нуждается в алтаре для обожения идолов, перед которыми преклоняют колени его сородичи.

Не все «современные классики» выдерживают испытание временем: нередко старость понижает их в ранге, а смерть обрекает их имена на забвение.

Чтобы смириться с крахом своих притязаний, неудачник утверждает, будто он — жертва заговора коварной судьбы.

Перед идеей вечности жизнь человека *почти ничто*, которое скоро утратит *почти* и превратится в *ничто*. Но человек сопротивляется *ничто*, поскольку понимает, что *почти* — это все, чем он располагает.

Когда *великая идея* начинает «дышать на ладан», вокруг нее собираются ретивые ее поклонники и пытаются вдохнуть в нее жизнь... *в сослагательном наклонении*.

Что такое терпение, как не *банка законсервированной надежды*, которую надо вовремя «открыть» и «съесть», иначе она взорвется от отчаяния или закиснет от скуки.

Если в юности нам кажется, будто время проходит быстро, то в старости мы начинаем догадываться, что вместе со временем быстро угасает и наша жизнь.

Нельзя находиться на высоте требований современной эпохи, не рискуя превратиться в невротика или «заработать» себе инфаркт.

Каким бы печальным ни казалось нам наше прошлое, в нем всегда можно отыскать нечто такое, что заставляет наше сердце сжиматься.

Прежде чем угаснуть во тьме прозаических забот, наши мечты иногда подсвечивают сумерки утраченных иллюзий светлой ностальгией.

Несмотря на все попытки представить небытие как непостижимое таинство, *смерть — это ничто*. Зато угроза наказания смертью является универсальным регулятором отношения человека к человеку.

Что такое переживание вины, как не борьба человека с самим собой в *сослагательном наклонении* против *цинизма необратимости времени*.

Многие мыслители прошлого мечтали превратить работу в игру, но жизнь рассудила иначе: она превратила игру в спектакль, а зрителей — в болельщиков, наслаждающихся «работой» своих идолов.

Монотонность утомляет, зато скука заставляет забыть, что время необратимо.

Что такое чудо, как не абсурд, приправленный очарованием невозможного.

Время — это *волшебник*: оно превращает гадкого утенка в стройного лебедя; но время — это и *колдун*: оно выщипывает перья величавой птицы и делает ее похожей на задрипанную ворону.

Идея судьбы — это «козел отпущения», на которого мы перекладываем свои неудачи. Но эта же идея предохраняет нас от беспощадного суда вины и стыда.

Главное — это не только то, чего ты достиг, но и то, какую заплатил за это цену и сколько упустил других интригующих возможностей.

Поселить душу на небесах — такова цель религиозной веры, а «поселить небеса» в душе человека — это сверхзадача его земной деятельности, которая, увы, завершилась провалом.

Заря нового дня пробуждает наши надежды на улучшение своей жизни, но с наступлением сумерек мы ищем «достаточные основания» для оправдания упущенных возможностей.

Если кто-то говорит, что он хочет просто жить, это значит, что ему осточертело делать то, чем он всегда занимался.

По мере приближения к настоящему лучи светлого будущего постепенно бледнеют, пока не растворятся в тумане разочарования.

Что такое *угрызение совести, как не донкихотская борьба* против «цинизма» необратимости времени.

Если ты не знаешь, как тратить время, не растрачивая денег, не торопись оформлять себе пенсию.

Живи как можешь, и как знать, может, потом ты сумеешь зажить как *сейчас* тебе этого хочется. Хотя потом жить так, как сейчас ты этого желаешь, ты, вероятно, уже не сможешь, да и не захочешь.

В условиях непрерывной бомбардировки информацией каждый опубликованный текст подобен записке, закупоренной в бутылку, брошенную в океан: мало вероятности, что кто-то ее найдет, еще меньше, что она будет прочитана, и ничтожно мало, что ее примут к сведению.

Человек проходит через болезни, холод, голод, невыносимые нравственные муки, чтобы выжить, а потом умереть, но... *своей собственной смертью*.

Невозможное возможно, но только для Бога. Когда же человек пытается осуществить невозможное, то из его рук выходит жалкая карикатура. Убедительное тому подтверждение — крушение попытки создания рая на Земле.

Главное назначение идеи Бога — уберечь потомков Адама и Евы от превратностей судьбы. Что такое вера, как не иллюзия, направленная на повышение эффективности инстинкта самосохранения.

Моисей, Будда, Иисус, Магомед, Сверхчеловек, Всесторонне развитая личность, Бэтман — таковы магистральные вехи сакральных идеалов человечества в их светских и религиозных обличиях.

АВТОРЫ НОМЕРА

БУРНАСОВ Александр Сергеевич — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: burnasov@mail.ru

ВАЛИАХМЕТОВА Гульнара Ниловна — профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: vgulnara@mail.ru

ГОЛУБКОВА Екатерина Александровна — старший преподаватель кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета. E-mail: Ekaterina.golubkova@gmail.com

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук и Московской академии гуманитарных наук. Область научных интересов — теория и методология источниковедения истории философии, история русской философии. E-mail: bve35@yandex.ru

ИВАНЧЕНКО Мария Антоновна — аспирант кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: absolem.darkness@gmail.com

КОВАЛЕВ Юрий Юрьевич — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ukowaljow@pochta.ru

КОЛОМЕЙЦЕВА Наталья Андреевна — заведующая кафедрой политологии Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Владивосток), кандидат политических наук. E-mail: Tsyganok.na@dvfu.ru

КОМЛЕВА Наталья Александровна — директор Центра геополитического анализа Академии геополитических проблем (Екатеринбург), профессор, доктор политических наук. E-mail: Komleva1@yandex.ru

КОРНИЕНКО Ольга Юрьевна — доцент кафедры глобалистики факультета глобальных процессов Московского государственного университета, кандидат филологических наук. E-mail: Lin_expr@mail.ru

КРИВОНОСОВА Дарья Сергеевна — аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: eva-daria@hotmail.com

КУДРЯШОВА Елена Владимировна — ректор Северного (Арктического) федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: e.kudryashova@narfu.ru

КУРНИКОВА Мария Владимировна — заведующая кафедрой адаптивной физической культуры Института реабилитации и здоровья человека Национального исследовательского Нижегородского государственного университета, доцент, кандидат медицинских наук. E-mail: mkurnikova@yandex.ru

КУЧУМОВА Дарья Андреевна — студентка кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: daria.ku4umova@yandex.ru

ЛОГИНОВ Алексей Валерьевич — доцент кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: alexeyloginov@urfu.ru

МАЛЫШЕВ Михаил Алексеевич — профессор-исследователь гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, доктор философских наук. E-mail: mijailmalychev@yahoo.com.mx

МЕРЕНКОВ Анатолий Васильевич — директор департамента социологии и политологии, заведующий кафедрой прикладной социологии департамента социологии и политологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: anatoly.mer@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Валерий Иванович — профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail:

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — доцент кафедры политических наук департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

МУХУТДИНОВ Олег Мухтарович — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: gornostaev_oleg@list.ru

ПЕЛЕВИНА Екатерина Сергеевна — магистрант кафедры востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: acidkanrin@gmail.com

СОРОКИН Сергей Эдуардович — проректор по социальным вопросам и воспитательной работе Северного (Арктического) федерального университета, доцент, кандидат политических наук. E-mail: s.sorokin@narfu.ru

СТЕПАНОВ Анатолий Владиславович — заведующий кафедрой экономики и права Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доцент кафедры востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института этого же университета, кандидат географических наук. E-mail: anatoly_stepanow@mail.ru

СУЛТАНОВ Данис Марсович — магистрант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: write.me.here@list.ru

СУХРОБ Рустами — аспирант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: izan_93@mail.ru

СЫСОЛЯТИН Александр Андреевич — аспирант кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета. E-mail: lar-how@yandex.ru

СЫСОЛЯТИН Антон Андреевич — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: ant-berg@yandex.ru

ТУРКИНА Наталья Александровна — аспирант кафедры прикладной социологии департамента социологии и политологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: tnnatasha@rambler.ru

УСТИНОВА Мария Александровна — студентка департамента философии Уральского федерального университета. E-mail: moriaustinova@mail.ru

ХУДРОЖКОВ Климентий Павлович — ученик 11 класса Специализированного учебно-научного центра УрФУ (СУНЦ УрФУ), участник научного проекта № 19-011-33012. E-mail: klim.klim02@mail.ru

ЧЕРЕПАНОВА Екатерина Сергеевна — директор Института по профессиональной переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института этого же университета, доктор философских наук. E-mail: director.ippk@yandex.ru

ЯКИМОВ Андрей Евгеньевич — аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: Yakimandrew765@gmail.com

SUMMARY

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Merenkov A. V. Culture of Cooperation: Theoretical and Methodological Analysis5

The article considers the main methodological approaches to the analysis of the essence and content of the culture of cooperation. It is proved that it is characterized by special norms and rules, which allow to maximize the benefit from the association of individuals in small and large communities. The initial methodological principle of sociological analysis of the culture of cooperation is to consider its genesis. The research identifies the main factors that shape the development of the culture of cooperation, especially at the initial stages of its formation. It is shown that while helping and supporting others, people follow their instincts. The culture of cooperation is thus based on a rich system of knowledge, norms, rules, and technologies of organization of collective labor. Its most important characteristic is the labor activity shared by people, resulting in a sense of duty and responsibility for the quality of the work performed. It is noted that the inequality in the distribution of surplus product has led to a centuries-old confrontation between the two cultures — cooperation and selfishness. It is noted that the inequality in the distribution of surplus product has led to a centuries-old confrontation between two cultures-cooperation and selfishness. The changes in the contemporary development of the culture of cooperation are highlighted.

Key words: culture, culture of cooperation, moral norms, culture of selfishness, methodology of analysis of culture of cooperation.

Ivanchenko M. A. Posthumanism as Antihumanism: The Main Prospects 16

The article discusses the prospects of antihumanism in the philosophy of transhumanism and posthumanism. Posthumanism is shown as the philosophical field and ideology dealing with cyborgs, robots, artificial intelligence and digitalized consciousness. The marginal posthumanism, which has the name of essentiocognitivism, is considered separately. Essentiocognitivism, in its turn, is positioned as the philosophy of the future complementary posthumanity. In addition, the process of human evolution in its biological and technological aspects is studied. It is shown why there is a need for the emergence of new species of cyberpsychosocial creatures that would replace *Homo sapiens*.

Key words: posthumanism, humanism, antihumanism, artificial intelligence, essentiocognitivism, modern philosophy, digitized consciousness, cyborg, NBIC.

Krivososova D. S., Sultanov D. M., Cherepanova E. S. Formation of Civic values: Theoretical Origins and Modern Educational Practices in Russia and Germany25

The article analyzes socio-theoretical and pedagogical origins of the principles of citizenship and their formation. In the light of the above, the content of the concept of ‘civilizing society’ and Dewey’s theory are discussed, the latter being the basis of modern interpretations of civil education. The analysis relies on current publications and media resources, which allows us to consider the practical implications of these theories in Russia and Germany from a new angle.

Key words: civilizing education, social activity, learning through responsibility, civic responsibility, Dewey’s pedagogy, T. Parsons, A. Tocqueville.

Kudryashova E. V., Sorokin S. E. Federal Universities as Centers of Innovative Development of Regions: Implementation of the ‘Third Mission’35

The article discusses the role of federal universities in the innovative development of Russian regions in the context of the ‘third mission’ of universities. The characteristics of federal universities as participants of regional socio-economic processes are highlighted. The analysis focuses on the innovative activity of federal universities and their participation in innovative development of regions (technological projects, applied research, personnel training, small innovative enterprises, etc) and identifies the main problems faced by universities in this process and the possible solutions.

Key words: university, federal university, mission, ‘third mission’, innovation, region, ‘triple helix’.

Golubkova E. A. Attitudes of Ekaterinburg Professional Advertising Community to Non-Standard Communications46

The article focuses on non-standard advertising in modern altered media reality. Ambient media are a socio-cultural phenomenon, which tends to be new and relatively underexplored in modern Russia. This phenomenon is considered from the perspective of structural-functional analysis and the theory of cognitive dissonance. The author has conducted in-depth interviews with representatives of the advertising community of Ekaterinburg ($N=22$) to find out their attitudes towards alternative media. The criteria for classification of modern advertising media and their socio-cultural, communicative and psychological advantages are highlighted. The study showed the high viability of non-traditional advertising forms in general and explained why only a small number of ambient media projects are realized in Ekaterinburg.

Key words: ambient media, advertising communication, alternative media, media reality, sociocultural changes.

Turkina N. A. Effects of Gender Stereotypes on the Perception of Domestic Violence: a Regional Aspect ...57

The article analyzes the gender stereotypes shared by modern youth in their perceptions of family violence. The research is based on the materials of sociological surveys conducted by the author in Ekaterinburg. The research methods combine quantitative and qualitative strategies. The study revealed the persistence of stereotypical ideas based on patriarchal culture among some of the young men and women surveyed as well as the existence of contradictions in the negative assessment of this phenomenon and the moral justification of violent acts.

Key words: domestic violence, intimate partner violence, gender stereotypes.

Kurnikova M. V. The Effect of the Physical Activity of Disabled Children on the Social Sufficiency of their Families in the Light of Pierre Bourdieu’s Sociological Theory63

The problem of diagnostics and criteria for assessing the social well-being of families with disabled children is one of the key issues in shaping the state social policy. The article proposes a method of correction and accumulation of social capital of this category of families by involving a child with developmental disabilities in regular physical activity. According to Pierre Bourdieu’s sociological theory, the interaction of all family members with the social field, in this case with the field of physical activity, involves the repertoire expansion of parents’ social connections. The analysis focused on the structure of family physical activity and types of family vacations, the degree of parental involvement in an active lifestyle and physical education activities with children. The research has revealed a deficiency in the motor activity of a disabled child, which is usually accompanied by the low level of general physical fitness in the family and insufficient motivation of parents to maintain family forms of physical education.

Key words: social well-being, families with disabled children, disabled children, physical activity, social capital, Pierre Bourdieu.

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

Loginov A. V., Ustinova M. A. How to Measure Values? Analysis of the Contemporary Structure of Political Consciousness71

The article considers the hierarchy of values of contemporary political consciousness. The first part of the study consisted of the content-analysis of Russian political parties’ manifestos, in the second part, the same

methodology was applied to investigate the social network content, and finally the approach of cultural sociology developed by Boltanski and Teveno was applied to discuss the public debates that followed the notorious ‘square vs. cathedral’ confrontation in Ekaterinburg in the spring-summer of 2019. The conclusion is made that the methodology proposed by Boltanski and Teveno is more sensitive to the context and finally normalizes the flexible, context-dependent structure of political consciousness, while content-analysis applied to the classical political domain has not confirmed our hypothesis about the presence of ideological struggle in the form of competing value systems.

Key words: Russian political parties, values, consciousness, content-analysis, square, cathedral, Ekaterinburg, comparative cultural sociology, L. Boltanski, L. Thevenot.

Yakimov A. E., Khudorozhkov K. P. Axiological Bases of Citizenship in Political Theories: Liberalism and Communitarism 86

The article analyzes and describes various definitions of the concept of citizenship. The author considers the features of the interpretation of this concept and its various aspects. The article substantiates the hypothesis that the basis of the concept of citizenship is a set of basic values of the political theory. Core values determine citizenship practices. The article describes citizenship as involvement, citizenship as a concern for the public good, and citizenship as mutual assistance. Based on the work of representatives of liberal political theory (J. St. Mill, J. Rawls) and representatives of the political theory of communitarianism (M. Sandel, A. Etzioni and A. MacIntyre), the author describes the concepts of civicism inherent in these theories.

Key words: citizenship, civic virtue, civicism, liberalism, communitarianism, values, political theory, axiology.

INTERNATIONAL RELATIONS

Mikhaylenko V. I., Suhrob R. The Role of the European Union in the Construction of the Central Asian Space 100

After the collapse of the Soviet Union, there have been some contradictory trends in Central Asia: the ongoing complex process of constructing state identity and national states and their legitimization, on the one hand, and, on the other, the process of regional construction shaped by intra-regional challenges and the influence of external actors. The ‘Samarkand consensus’ reached in 2017 intensified the initiative of the five Central Asian states to create a regional bloc. In 2019, the European Union adopted a new strategy for Central Asia. All of the above signifies integration projects and overlapping regionalism in Central Asia. The article discusses the initiatives and the role of the European Union in the region-building of the Central Asian space.

Key words: European Union, Latin-Caribbean America, European interregionalism, MERCOSUR, UNASUR, Andean Community, San Jose Group, Rio Group, ALBA, CELAC.

Kolomeytseva N. A. Cross-border Cooperation Problems of Russian Regions (The Case of the South of the Russian Far East) 114

The article analyzes the problems and prospects of cross-border cooperation programs realized by Russian regions during the ongoing crisis of international relationships. The author analyzes the main factors inhibiting the cross-border cooperation in the south of the Russian Far East. The author applies the institutional approach to analyze interregional integration associations. The conclusion is made that Russian regions need to find ways to intensify their cooperation with the Asia-Pacific region.

Key words: cross-border cooperation, foreign policy, regional policy, Russian Far East, Asia-Pacific.

Kovalev Y. Y., Stepanov A. V., Burnasov A. S. International Policy for the Protection and Use of Biological Diversity in the World: Goals, Stages of Development, Problems of Implementation 119

The article discusses the evolution of the international policy and mechanisms of biodiversity protection in the period of 1992–2019, the main stages of this process, the policy’s structure and key areas. The urgency of the global problem of extinction of biological species is demonstrated. A special focus is made on the negotiations concerning the protection and use of global biodiversity and the impediments to reaching the consensus on these matters, in particular, development of a single global policy. The main documents of the international diplomacy of biodiversity — the Convention on Biological Diversity, Cartagena Protocol and

Nagoya Protocol — are analyzed. The article also describes the role of different groups of states involved in shaping the conference agenda, their positions and interests.

Key words: biodiversity, species extinction, sustainable development, international policy, Convention on Biological Diversity, Cartagena Protocol, Nagoya Protocol, Aichi agreements.

RESEARCH OF GLOBAL PROCESSES

Komleva N. A. Empire at its Peak: The Relationship of the Main Expansion Directions134

The article addresses the following much discussed question: why, apart from certain outstanding scientists, artists and writers, in modern Russia and post-Soviet countries there is no established systemic environment that would generate a whole generation of creative and academic elite that would have a significant impact on the development of the relevant global processes? The research uses the phenomenological and comparative methods. The phenomenon of the imperial actors' interaction in the main areas of geopolitical expansion is investigated. The analysis focuses on the main geopolitical spaces of the Russian Empire, the Netherlands of the 'Golden Age' and the modern USA. The conclusion is made that the systemic flourishing of sciences and arts is inherent only in the Empire as a form of systemic organization of geopolitical spaces.

Key words: geopolitical space, basic geopolitical spaces, geopolitical expansion, empire, imperial geopolitical spaces.

Valiakmetova G. N., Pelevina E. S. The Persian Gulf Regional Security: A View from Tokyo141

The paper deals with the Japanese approach to regional security in the Persian Gulf. The authors reveal the reasons that prompt Japan to actively integrate into the system of international relations in the Middle East as one of the leading non-regional actors. The paper focuses on the Iranian and Qatari crises to demonstrate the specific characteristics of Japan's participation in the settlement of international problems in the Gulf. A set of factors limiting the freedom of action of Japan in its use of 'hard' and 'soft' power was revealed both in matters of regional security and in the promotion of their national interests in the Gulf. The study is based on Japanese documentary and research materials.

Key words: Japan, Persian Gulf, Middle East, USA, regional security.

Mukhametov R. S. Chinese Cultural Diplomacy: Institutions, Tools and Challenges150

The article is devoted to the study of the place and role of culture in the foreign policy tools of China. A special focus is made on the theoretical and methodological foundations of research and categorical understanding of the phenomenon of cultural diplomacy. The author notes that the use of culture in promoting foreign policy and foreign economic priorities has a number of advantages compared to other means. It is shown that the appeal of official Beijing to the theory and practice of cultural diplomacy is determined by their desire to improve the country's international image in the conditions of its increasing military and economic power. The article emphasizes that China has a well-established system of organizations and institutions working in this direction. The author concludes that, despite all of its successes, Beijing faces a number of institutional problems in the field of cultural diplomacy.

Key words: China, foreign policy, cultural diplomacy, Confucius Institute, Chinese cultural center.

Kuchumova D. A., Muratshina K. G. Evaluation of Contemporary Russia-China Relations in Chinese Political Science158

This paper analyses the evaluation of Russia-China relations, Russia's external and domestic policies by contemporary Chinese political scientists. While a lot of research articles are being published on Russian-Chinese relations and Russian political circles have great expectations regarding the partnership with China, so far little attention has been given to the perception of Russia by the Chinese expert community. In this paper, the authors analyze contemporary Chinese political studies, which can contribute to a more realistic view on the prospects of Russia-China relations.

Key words: Russian Federation, People's Republic of China, Russian studies, cooperation, rivalry.

Kornienko O. Yu. Evolution of National Identity in the Context of Globalization..... 175

The issue of identity is becoming increasingly important in the global world, which underwent significant transformations during the economic stage associated with the power of transnational corporations and consumer economy, the political stage of international institutionalization, and has now entered the period when the social sphere and cultural identity have become crucial. The identification process is considered within the framework of the interdisciplinary approach centred on the interrelation of political and economic attitudes and culture. The growth of civilizational conflicts leads to the creation of artificial forms of identity based on gender, profession, sexual preferences, belonging to various interest-based communities, and so on. The article deals with the specific trends in the changing linguistic content in Russia, English-speaking countries and China in the light of these countries' integration in the global processes.

Key words: national identity, power of mass media, high mobility, materialistic attitude to life, consumerism, macdonalization, trends towards multiculturalism, cultural values, blending, slangs.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Sysolyatin Ant. A., Sysolyatin Alex. A. Unity of Human Life as a Value Conflict: Philosophical Problemization of the Concept 'Lifeway' 188

The article analyzes the concept 'lifeway' as an expression of unity of personally chosen values. In the light of famous philosophical conceptualizations of life, the difference between the functional and substantial descriptions of lifeway is shown, which leads the authors to the question about the inherent (in)consistency of this concept's meaning.

Key words: life, lifeway, feeling, loneliness, person, values.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Mukhutdinov O. M. Time and 'I Think': The Concept of Transcendental Subjectivity in Kant's Critique of Pure and Practical Reason..... 198

The phenomenon of transcendental subjectivity is primarily associated with the concept of transcendental unity of the apperception 'I think', which accompanies all representations. In order to give a complete definition of the phenomenon of transcendental subjectivity, it is necessary to study the relation of the unity of apperception to the pure primary passive synthesis of time. Transcendental subjectivity is the basis of the possibility of pure synthetic judgments a priori and the origin of the basic ontological categories. Transcendental subjectivity is the principle of the constitution of the world of nature as the interrelation of phenomena according to the laws of reason and at the same time — the principle of the constitution of the world of practical freedom.

Key words: Transcendental subjectivity, synthesis, time, "I think", practical reason, freedom.

Emelianov B. V. V. V. Rozanov: Philosopher or Thinker? 207

The article deals with the formation of philosophical views of V. V. Rozanov (1856–1919), in particular his monograph 'On Understanding' (1886), which foreshadowed many ideas of hermeneutics. It is explained why Rozanov's attempt failed and his transition from philosophy as a science to philosophical journalism is described.

Key words: V. V. Rozanov, philosophy, cognition, understanding, potency, man, space.

APHORISMS OF SCIENTISTS

Malyshev M. A. Time Passes and Stretches Interminably. Selected Aphorisms 212

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3
Общественные науки

2019. Т. 14

№ 4 (194)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 19.12.2019. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 20,1. Усл. печ. л. 18,85. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 358.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 22 июня 2018 г. с присвоением международного стандартного номера электронного издания журнала ISSN 2619-0613;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- в лице главного редактора представлен в Секции философских научных периодических изданий Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);
- включен в подписной каталог «Пресса России» ОАО «Агентство “Роспечать”». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/index>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.
2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
4. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.
2. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносят решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

3. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом при принятии решения о необходимости доработки текста или о его отклонении к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

4. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

5. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

6. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;

б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники; и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] – означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) – на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Департамент философии.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу*.

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна*. Телефон для справок (343) 389-97-34).

Электронный адрес: izvestia_3@urfu.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Организация	
Должность	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
ФИО автора 2 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	